

Сборник

*рассказов, сказок по нравственно –
патриотическому воспитанию*

Содержание:

1. Младший возраст.....	2
2. Средний возраст.....	22
3. Старший возраст.....	82
4. Подготовительный возраст.....	118
5. Фотоматериал.....	154

Младший возраст

2013 год

Петушок с семьей

Ушинский К. Д.

Ходит по двору петушок: на голове красный гребешок, под носом красная борода. Нос у Пети долотцом, хвост у Пети колесцом, на хвосте узоры, на ногах шпоры. Лапами Петя кучу разгребает, курочек с цыплятами созывает:

- Курочки-хохлатушки! Хлопотуньи-хозяйюшки! Пестренькие-рябенькие, черненькие-беленькие! Собирайтесь с цыплятками, с малыыми ребятками: я вам зернышко припас!

Курочки с цыплятами собрались, раскудахтались; зернышком не поделились, передрались.

Петя-петушок беспорядков не любит - сейчас семью помирил: ту за хохол, того за вихор, сам зернышко съел, на плетень взлетел, крыльями замахал, во все горло заорал: «Ку-ка-ре-ку!»

Умная птичка

Зощенко М. М.

Один мальчик гулял в лесу и нашел гнездышко. А в гнездышке сидели малюсенькие голенькие птенчики. И они пищали.

Они, наверно, ждали, когда их мамаша прилетит и покормит их червячками и мушками.

Вот мальчик обрадовался, что нашел таких славных птенчиков, и хотел взять одного, чтобы принести его домой.

Только он протянул к птенчикам свою руку, как вдруг с дерева как камень упала к его ногам какая-то пернатая птичка.

Она упала и лежит в траве.

Мальчик хотел схватить эту птичку, но она немножко попрыгала, попрыгала по земле и отбежала в сторону.

Тогда мальчик побежал за ней. "Наверно, - думает, - эта птичка ушибла себе крыло, и поэтому она летать не может".

Только мальчик подошел к этой птичке, а она снова прыг, прыг по земле и вновь немножко отбежала.

Мальчик опять за ней. Птичка немножко подлетела и снова села в траву.

Тогда мальчик снял свою шапку и хотел этой шапкой накрыть птичку.

Только он подбежал к ней, а она вдруг вспорхнула и улетела.

Мальчик прямо рассердился на эту птичку. И пошел скорей назад, чтобы взять себе хоть одного птенчика.

И вдруг мальчик видит, что он потерял то место, где было гнездышко, и никак не может его найти.

Тогда мальчик понял, что эта птичка нарочно упала с дерева и нарочно бегала по земле, чтоб подальше увести мальчика от своего гнездышка.

Так мальчик и не нашел птенчика.

Он собрал немножко лесной земляники, покушал ее и пошел домой.

Про друзей

Г. Цыферов

Друзей у цыплёнка было мало. Всего один. Это потому, что он искал друзей по цвету. Если жёлтый — значит, друг. Если серый — нет. Если бурый — тоже нет. Шёл как-то цыплёнок по зелёной дорожке, увидел жёлтую ниточку и пошёл по ней. Шёл, шёл и увидел жёлтую гусеницу.

— Так это ты, мой жёлтый дружок? — сказал цыплёнок.

— Да, это я, — проворчала гусеница, — жёлтый дружок.

— А что ты тут делаешь?

— Не видишь разве? Тяну жёлтый телефон.

— А зачем?

— Не догадываешься? Голубой колокольчик, что живёт в лесу, и синий колокольчик, что живёт на лугу, решили сегодня позвонить друг другу.

Динь-динь-динь-динь — так весь день звонили колокольчики друг другу и желали дождя и солнца.

— Неужели им больше нечего сказать? — засмеялся цыплёнок.

Сказка про храброго зайца — длинные уши, косые глаза, короткий хвост

Д. Мамин - Сибиряк

Родился зайчик в лесу и всё боялся. Треснет где-нибудь сучок, вспорхнет птица, упадет с дерева ком снега, — у зайчика душа в пятки.

Боялся зайчик день, боялся два, боялся неделю, боялся год; а потом вырос он большой, и вдруг надоело ему бояться.

— Никого я не боюсь! — крикнул он на весь лес. — Вот не боюсь нисколько, и всё тут!

Собрались старые зайцы, сбежались маленькие зайчата, приплелись старые зайчихи — все слушают, как хвастается Заяц — длинные уши, косые глаза, короткий хвост, — слушают и своим собственным ушам не верят. Не было еще, чтобы заяц не боялся никого.

— Эй ты, косой глаз, ты и волка не боишься?

— И волка не боюсь, и лисицы, и медведя — никого не боюсь!

Это уж выходило совсем забавно. Хихикнули молодые зайчата, прикрыв мордочки передними лапками, засмеялись добрые старушки зайчихи, улыбнулись даже старые зайцы, побывавшие в лапах у лисы и отведавшие волчьих зубов. Очень уж смешной заяц!.. Ах, какой смешной! И всем вдруг сделалось весело. Начали кувыркаться, прыгать, скакать, перегонять друг друга, точно все с ума сошли.

— Да что тут долго говорить! — кричал расхрабренный окончательно Заяц. — Ежели мне попадет волк, так я его сам съем...

— Ах, какой смешной Заяц! Ах, какой он глупый!..

Все видят, что и смешной и глупый, и все смеются. Кричат зайцы про волка, а волк — тут как тут. Ходил он, ходил в лесу по своим волчьим делам, проголодался и только подумал: «Вот бы хорошо зайчиком закусить!» — как слышит, что где-то совсем близко зайцы кричат и его, серого Волка, поминают. Сейчас он остановился, понюхал воздух и начал подкрадываться.

Совсем близко подошел Волк к разыгравшимся зайцам, слышит, как они над ним смеются, а всех больше — хвостун Заяц — косые глаза, длинные уши, короткий хвост.

«Э, брат, погоди, вот тебя-то я и съем!» — подумал серый Волк и начал выглядывать, который заяц хвастается своей храбростью. А зайцы ничего не видят и веселятся пуще прежнего. Кончилось тем, что хвастун Заяц взобрался на пенек, уселся на задние лапки и заговорил:

— Слушайте вы, трусы! Слушайте и смотрите на меня. Вот я сейчас покажу вам одну штуку. Я... я... я...

Тут язык у хвастуна точно примерз.

Заяц увидел глядевшего на него Волка. Другие не видели, а он видел и не смелдохнуть.

Дальше случилась совсем необыкновенная вещь.

Заяц-хвастун подпрыгнул вверх, точно мячик, и со страха упал прямо на широкий волчий лоб, кубарем прокатился по волчьей спине, перевернулся еще раз в воздухе и потом задал такого стрекача, что, кажется, готов был выскочить из собственной кожи.

Долго бежал несчастный Зайчик, бежал, пока совсем не выбился из сил.

Ему всё казалось, что Волк гонится по пятам и вот-вот схватит его своими зубами.

Наконец, совсем обессилел бедняга, закрыл глаза и замертво свалился под куст.

А Волк в это время бежал в другую сторону. Когда Заяц упал на него, ему показалось, что кто-то в него выстрелил.

И Волк убежал. Мало ли в лесу других зайцев можно найти, а этот был какой-то бешеный...

Долго не могли прийти в себя остальные зайцы. Кто удрал в кусты, кто спрятался за пенек, кто завалился в ямку.

Наконец, надоело всем прятаться, и начали понемногу выглядывать, кто похрабрее.

— А ловко напугал Волка наш Заяц! — решили все. — Если бы не он, так не уйти бы нам живыми... Да где же он, наш бесстрашный Заяц?

Начали искать.

Ходили, ходили, нет нигде храброго Зайца. Уж не съел ли его другой волк? Наконец-таки нашли: лежит в ямке под кустиком и еле жив от страха.

— Молодец, косой! — закричали все зайцы в один голос. — Ай да косой!.. Ловко ты напугал старого Волка. Спасибо, брат! А мы думали, что ты хвастаешь. Храбрый Заяц сразу приободрился. Вылез из своей ямки, встряхнулся, прищурил глаза и проговорил:

— А вы как бы думали? Эх вы, трусы...

С этого дня храбрый Заяц начал сам верить, что он действительно никого не боится.

Маша растеряша

Воронкова Л.

Жила-была девочка Маша.

Утром встало солнышко, заглянуло в окно.

А Маша спит.

Пришла мама:

– Маша, поднимайся, Маша, одевайся! Светит солнышко с утра, в детский сад идти пора!

Маша проснулась, открыла глаза:

– Встану – не устану. Я немножко полежу да в окошко погляжу.

А мама опять:

– Маша, поднимайся, Маша, одевайся!

Нечего делать – надо подниматься, надо чулки надевать.

Оглянулась Маша – а чулок-то нет!

– Где же, где мои чулки?

Обыщу все уголки.

Их на стуле нет,

И под стулом нет,

На кровати нет,

Под кроватью – нет...

Ищет Маша чулки, никак не найдёт.

А кошка на стуле мурлычет-приговаривает:

– Ищешь, ищешь – не найдёшь,

А разыщешь – так пойдёшь.

Надо вещи убирать —

Не придётся их искать.

И воробьи за окном Машу поддразнивают:

– Опоздаешь, Маша,

Маша-растеряша!

А Маша всё ищет:
– И под стулом нет,
И на стуле нет...

Да вот же они – у куклы в кроватке!

Мама спрашивает:

– Маша, скоро?

А Маша отвечает:
– Надеваю чулки,
Обуваю башмаки.

Заглянула под кровать, а там только один башмак стоит, а другого нет!
– Под кроватью нет,
На кровати нет,
И за шкапом нет,
И под шкапом нет...

А кошка ходит, всё своё мурлычет-приговаривает:
– Ищешь, ищешь – не найдёшь,
А разыщешь – так поймёшь.
Надо вещи убирать —
Не придётся их искать.

Подошёл к окну петушок и запел:
– Опоздаешь, Маша, Маша-растеряша!

Стала Маша просить петушка:
– Петушок, петушок,
Разыщи мой башмачок!

Петушок поискал-поискал – нет башмачка во дворе.

А башмачок-то вот где – на столе стоит.

Мама спрашивает:

– Маша, скоро?

А Маша отвечает:
– Вот надену платье

И пойду гулять я!

А платья тоже нет нигде!

– В чём пойду гулять я?

Потерялось платье!

Платье в горошину, —

Куда оно положено?

И на стуле нет,

И под стулом нет...

А кошка всё своё мурлычет-приговаривает:

– Ищешь, ищешь – не найдёшь,

А без платья не пойдёшь...

Надо вещи убирать —

Не придётся их искать...

Опоздаешь, Маша,

Маша-растеряша!

Но тут Маша увидела своё платье. Обрадовалась:

– Платье в горошину

На полочку заброшено!

Мама говорит:

– Больше ждать я не могу!

А Маша отвечает:

– Я бегу-бегу-бегу!

Бежит Маша в детский сад, торопится.

А ребята в детском саду уже позавтракали и пошли гулять. Они увидели Машу и закричали:

– Опоздала, Маша,

Маша-растеряша!

Ступеньки (рассказ)

Н. Носов

Однажды Петя возвращался из детского сада. В этот день он научился считать до десяти. Дошёл он до своего дома, а его младшая сестра Валя уже дожидается у ворот.

– А я уже считать умею! – похвастался Петя. – В детском саду научился. Вот смотри, как я сейчас все ступеньки на лестнице сосчитаю.

Стали они подниматься по лестнице, а Петя громко ступеньки считает:

– Одна, две, три, четыре, пять...

– Ну, чего ж ты остановился? – спрашивает Валя.

– погоди, я забыл, какая дальше ступенька. Я сейчас вспомню.

– Ну, вспоминай, – говорит Валя. Стояли они на лестнице, стояли. Петя говорит:

– Нет, я так не могу вспомнить. Ну-ка, лучше начнём сначала.

Сошли они с лестницы вниз. Стали снова вверх подниматься.

– Одна, – говорит Петя, – две, три, четыре, пять...

И снова остановился.

– Опять забыл? – спрашивает Валя.

– Забыл! Как же это! Только что помнил и вдруг забыл! Ну ка, ещё попробуем.

Снова спустились с лестницы, и Петя начал сначала:

– Одна, две, три, четыре, пять...

– Может быть, двадцать пять? – спрашивает Валя.

– Да нет! Только думать мешаешь! Вот видишь, из-за тебя забыл! Придётся опять сначала.

– Не хочу я сначала! – говорит Валя. – Что это такое? То вверх, то вниз, то вверх, то вниз! У меня уже ноги болят.

– Не хочешь – не надо, – ответил Петя. – А я не пойду дальше, пока не вспомню.

Валя пошла домой и говорит маме:

– Мама, там Петя на лестнице ступеньки считает: одна, две, три, четыре, пять, а дальше не помнит.

– А дальше шесть, – сказала мама.

Валя побежала обратно к лестнице, а Петя всё ступеньки считает:

– Одна, две, три, четыре, пять...

– Шесть! – шепчет Валя. – Шесть! Шесть!

– Шесть! – обрадовался Петя и пошёл дальше. – Семь, восемь, девять, десять.

Хорошо, что лестница кончилась, а то бы он так и не дошёл до дому, потому что научился только до десяти считать.

Ёж (Сорочьи сказки)

Толстой А. Н.

Телёнок увидел ежа и говорит:

— Я тебя съем!

Ёж не знал, что телёнок ежей не ест, испугался, клубком свернулся и фыркнул:

— Попробуй.

Задрав хвост, запрыгал глупый телёнок, боднуть норовит, потом растопырил передние ноги и лизнул ежа.

— Ой, ой, ой! — заревел телёнок и псбежал к корове-матери, жалуется.

— Ёж меня за язык укусил.

Корова подняла голову, поглядела задумчиво и опять принялась траву рвать.

А ёж покатился в тёмную нору под рябиновый корень и сказал ежихе:

— Я огромного зверя победил, должно быть, льва!

И пошла слава про храбрость ежову за синее озеро, за тёмный лес.

— У нас ёж — богатырь, — шёпотом со страху говорили звери.

Лиса (Сорочьи сказки)

Толстой А. Н.

Под осиной спала лиса и видела воровские сны.

Спит лиса, не спит ли — всё равно нет от неё житья зверям.

И ополчились на лису — ёж, дятел да ворона. Дятел и ворона вперёд полетели, а ёж следом покатился.

Дятел да ворона сели на осину.

— Тук-тук-ту-к, — застучал дятел клювом по коре.

И лиса увидела сон — будто страшный мужик топором машет, к ней подбирается.

Ёж к сосне подбегает, и кричит ему ворона:

— Карр ёж!.. Карр ёж!..

«Кур ешь, — думает ворона, — догадался проклятый мужик».

А за ежом ежиха да ежата катятся, пыхтят, переваливаются...

— Карр ежи! — заорала ворона.

«Караул, вяжи!» — подумала лиса, да как спросонок вскочит, а ежи её иголками в нос...

— Отрубили мой нос, смерть пришла, — ахнула лиса и — бежать.

Прыгнул на неё дятел и давай долбить лисе голову. А ворона вдогонку: «Карр».

С тех пор лиса больше в лес не ходила, не воровала.

Выжили душегуба.

Петушки (Сорочьи сказки)

Толстой А. Н.

На избушке бабы-яги, на деревянной ставне, вырезаны девять петушков. Красные головки, крылышки золотые.

Настанет ночь, проснутся в лесу древяницы и кикиморы, примутся ухать да возиться, и захочется петушкам тоже ноги поразмять.

Соскочат со ставни в сырую траву, нагнут шейки забегают. Щиплют траву, дикие ягоды. Леший попадётся, и лешего за пятку ущипнут.

Шорох, беготня по лесу. А на заре вихрем примчится баба-яга на ступе с трещиной и крикнет петушкам:

— На место, бездельники!

Не смеют послушаться петушки и, хоть не хочется, — прыгают в ставню и делаются деревянными, как были.

Но раз на заре не явилась баба-яга — ступа дорогой в болоте завязла.

Радехоньки петушки; побежали на чистую кулижку, взлетели на сосну. Взлетели и ахнули.

Дивное диво! Алой полосой над лесом горит небо, разгорается; бегают ветер по листикам; садится роса.

А красная полоса разливается, яснее. И вот выкатило огненное солнце.

В лесу светло, птицы поют, и шумят, шумят листья на деревьях.

У петушков дух захватило. Хлопнули они золотыми крылышками и запели — ку-ка-ре-ку! С радости.

А потом полетели за дремучий лес на чистое поле, подальше от бабы-яги.

И с тех пор на заре просыпаются петушки и ку-ку-ре-чут.

— Ку-ку-ре-ку, пропала баба-яга, солнце идёт!

Капустный лист.

Е. Бехлерова

Нес зайчик лист капусты. Лист был большой, круглый, и зайчик шел и радовался:

— Ну и позавтракаю же я на славу!

Вдруг он услышал жалобный писк. Это воробышек лежал под кустом: злой мальчишка подшиб его камнем.

— Пить, пить, — стал просить воробышек.

Зайчик недолго раздумывал. Он сразу побежал к реке, принес воды в капустном листе и напоил раненого воробья.

«Ну а сейчас-то я наемся до отвала, до дома уже рукой подать», — подумал зайчик и пошел дальше.

А в это время хлынул дождь.

— Подумаешь, дождь! Не боюсь тебя! — сказал зайчик и припустил со всех ног домой. И снова его кто-то тихонько окликнул:

— Зайчик, спаси!

Это бабочка лежала в траве.

— Если дождь намочит крылья, я не смогу взлететь.

— Иди под зонтик! — сказал зайчик и поднял капустный лист над бабочкой. И даже сам под ним поместился.

Дождь скоро прошел. Бабочка сказала «спасибо» и улетела, а зайчик взял свой лист и побежал дальше.

Но едва он подошел к реке, как увидел в воде полевую мышку. Она еле держалась за тонкую веточку, и вода уже захлестывала ее «Пожалуй, утонет...» — подумал зайчик. Не долго думая кинул свой лист в воду.

— Вот тебе лодка, спасайся!

Мышка взобралась на лист и приплыла к берегу.

— Спасибо тебе, зайчик! — сказала она и убежала.

А тем временем капустный лист подхватило течением, и он уплыл, издали

похожий на зеленую круглую лодочку.

— Эх, уплыл мой завтрак! — воскликнул зайчик.— Ну ничего, зато я напоил воробышка, спрятал от дождя бабочку и спас полевую мышку.

Ухти-тухти

Поттер Э.Б.

Жила-была девочка, которую звали Люси. Она жила на хуторе Литтл-таун, что по-английски означает "Маленький городок".

Люси была хорошая девочка, только она почему-то всегда теряла свои носовые платочки.

Однажды Люси выбежала во двор и закричала (ох, как она громко кричала!):

- Я потеряла платочки! И фартучек тоже пропал! Скажи, ты их не видел, Полосатик?

Но полосатый кот мыл свои белые лапки и ничего не ответил.

Тогда Люси спросила курочку:

- Скажи, милая Пеструшка, не видела ли ты мои платочки и фартук?

Но курочка прокудахтала:

- Я бегаю босиком! Босиком! Ко-ко-ко! - и убежала в сарай.

Тут Люси увидела на дереве реполова и спросила его:

- Птичка, а птичка! Ты не знаешь, куда делись мои платочки и фартук?

Но реполов покосился на неё своим блестящим чёрным глазом, ничего не сказал и улетел.

Тогда Люси вышла за калитку и посмотрела на гору, которая начиналась прямо за хутором. Гора была такая высокая, что облака закрывали её верхушку. И вдруг Люси показалось, что на склоне, в траве, что-то белеет.

«Не мои ли это платочки?» - подумала она и побежала в гору так быстро, как только могли бежать её коротенькие ножки.

Она карабкалась по крутой тропинке всё выше и выше. Скоро Литтл-таун остался далеко внизу, и его домики казались совсем крошечными.

Люси всё шла, шла и вдруг увидела ручей, который, бурля и пенясь, бежал с горы.

Кто-то поставил на камень ведёрко, чтобы набрать воды. Оно было не больше яичной скорлупы, и вода переливалась через край. А на мокром песке виднелись следы чьих-то малюсеньких ножек.

Люси побежала по тропинке дальше и прибежала к высокой скале. Вокруг росла низенькая зелёная травка, а между ветками папоротника были натянуты тоненькие верёвочки, сплетённые из былинки. На траве лежала целая куча бельевых защипок. Но носовых платочков нигде не было видно!

Зато Люси заметила что-то очень интересное. Прямо перед ней, в скале, была дверь. А за дверью кто-то пел:

- Ухти-Тухти,

Ухти-Тухти,

Я лесная прачка

Ухти-Тухти.

Я стираю

Зайцам и собачкам,
И мышатам, и котам,
И лисятам, и кротам.

Люси постучала в дверь. Никто не ответил. Она постучала еще раз. Песенка замолкла, и чей-то испуганный голосок спросил:

- Кто там?

Люси толкнула дверь и вошла. Угадайте, что же она увидела? Она увидела прелестную чистенькую кухоньку. Всё как в настоящей деревенской кухне! Только потолок такой низкий, что Люси коснулась его головой. А посуда на полке совсем крошечная.

В кухне приятно пахло свежевыглаженным бельём. Возле гладильной доски, держа утюг, стояла кругленькая коротышка и испуганно смотрела на Люси. Её ситцевое платье было подоткнуто, а из-под фартука виднелась полосатая нижняя юбка. Маленький чёрный нос пыхтел: «Тух-тух-тух», чёрные глазки сверкали, как бусинки. На голове был чепчик, из-под которого почему-то торчали иголки.

- Скажите, пожалуйста, вы не видели моих носовых платочков? - спросила Люси.

- Ну конечно, видела, - ответила коротышка. - Только давай сперва познакомимся, дружок! Меня зовут Ухти-Тухти. Я умею стирать и крахмалить бельё.

Тут она вынула что-то из бельевой корзины и расстелила на гладильной доске.

- Что это? - спросила Люси.

- Это жилетка птички Малиновки, дружок.

Ухти-Тухти выгладила жилетку, сложила её, убрала в сторону и вынула из корзины ещё что-то.

- Не мой ли это фартук? - спросила Люси.

- Нет, нет! Это полотняная скатерка птички Синички. Погляди: она вся в пятнах от смородиновой настойки. Просто невозможно отстирать!..

Ухти-Тухти опять запыхтела: «Тух-тух-тух», сверкнула чёрными глазками, поплевала на пальчик, построгала утюг и стала гладить скатёрки.

- А вот мои платочки! - закричала Люси. - И фартук!

Ухти -Тухти прогладила платочки, потом фартук и хорошенько встряхнула его, чтобы расправить оборочки.

- Ах, как хорошо! - обрадовалась Люси. - А это что? Длинное, желтое, с пальчиками, как у перчаток.

- Это чулки пёстрой курочки. Посмотри: пятки совсем рваные! Это оттого, что она всё время копается в земле. Скоро ей придётся ходить босиком! - вздохнула Ухти -Тухти.

- Конечно, не твой, дружок! Это платок бабушки Крольчихи. От него ужасно пахло луком. Пришлось стирать отдельно. И всё равно запах остался.

- А это что за смешные белые комочки? - спросила Люси.

- Это рукавички полосатого кота. Он сам их моет , а я только глажу.
- А что это вы положили в тазик с крахмалом? - спросила Люси.
- Да это жилетка Дрозда. Уж очень он привередливый, знаешь... Никак ему не угодишь! Ну вот, и выгладила всё!.. - сказала Ухти-Тухти. - Теперь подсушу что осталось.
- А это что такое? Мягонькое и пушистое?.. - спросила Люси.
- Это шерстяная кофточка овечек.
- Разве овечки их снимают?
- Конечно, снимают. Посмотри-ка сюда: видишь метки? Вот эта кофточка - из Гейтсгарта. А эти три - из Литтл-тауна. Когда отдают вещи в стирку, на них всегда ставят метки, чтобы не перепутать, - сказала Ухти-Тухти. Она стала развешивать серые платица и разноцветные курточки мышат, бархатную жилетку Крота, красный халатик проказницы Белки, кургузый синий пиджачок брата Кролика и неизвестно чью нижнюю юбку без метки. Вот корзина опустела.
Тогда Ухти-Тухти налила две чашки чаю: одну себе, другую Люси. Они уселись на скамейку перед огнём и стали пить чай. Пьют и друг на дружку поглядывают.
Ухти-Тухти держала чашку коричневой сморщенной от стирки ручкой. Сквозь её платье и чепчик торчали острые иголки. Люси на всякий случай отсела подальше.
Напившись чаю, они связали в узелок всё, что было выглажено, а свои платочки Люси завернула отдельно в фартук и заколола большой булавкой. Потом они погасили огонь в очаге, вышли из кухни, заперли за собой дверь , а ключ спрятали под порог.
Ухти-Тухти стала выходили из леса разные зверьки.
Первым из гущи папоротника выскочил - скок-скок! - длинноухий заяц.
Ухти-Тухти отдала ему красный пиджачок.
Потом на тропинку выбежал мышонок и получил свою чистенькую желтую курточку.
И вот так всем , кто выходил на тропинку - и зверьям, и птицам, - Ухти-Тухти отдавала их платица, или штанишки, или бельё. И все они благодарили добрую Ухти-Тухти.
А когда наконец тропинка дошла до хутора, всё было уже роздано и остались только чистые платочки и фартук Люси.
Тогда Люси перелезла через забор и обернулась, чтобы сказать Ухти-Тухти спасибо и пожелать ей доброй ночи.
И вдруг... нет, вы только подумайте! - вдруг Люси увидела, что Ухти -Тухти, не дожидаясь благодарности и даже не попрощавшись, со всех ног бежит в гору! Но куда же делся её чепчик в оборочках? И куда исчезла её шаль, платице, нижняя юбка? И какая она вдруг стала маленькая-маленькая, коричневая, вся покрытая иголочками!.. Ну совсем как ежика!
Говорят, что маленькая Люси просто заснула возле изгороди и всё это ей приснилось. Возможно. Но откуда же тогда взялись носовые платочки и

фартук, заколотый большой булавкой?

Что же касается двери, которая ведёт в пещерку, где живёт Ухти -Тухти, то я сама её видела.

И с Ухти-Тухти я тоже очень хорошо знакома.

Муниципальное бюджетное дошкольное образовательное учреждение
детский сад комбинированного вида №7 г. Кропоткин
муниципального образования Кавказский район

Средний возраст

2013 год

Иванушка-дурачок

Жили-были старик со старухой; у них было три сына: двое умные, третий - Иванушка-дурачок. Умные-то овец в поле пасли, а дурак ничего не делал, все на печке сидел да мух ловил.

В одно время наварила старуха ржаных клецок и говорит дураку:

- На-ка, снеси эти клецки братьям; пусть поедят.

Налила полный горшок и дала ему в руки; побрел он к братьям. День был солнечный; только вышел Иванушка за околицу, увидел свою тень сбоку и думает:

“Что это за человек со мной рядом идет, ни на шаг не отстает: верно, клецок захотел?” И начал он бросать на свою тень клецки, так все до единой и повыкидал; смотрит, а тень все сбоку идет.

- Эка ненасытная утроба! - сказал дурачок с сердцем и пустил в нее горшком
- разлетелись черепки в разные стороны.

Вот приходит с пустыми руками к братьям; те его спрашивают:

- Ты, дурак, зачем?

- Вам обед принес.

- Где же обед? Давай живее.

- Да вишь, братцы, привязался ко мне дорогою незнамо какой человек да все и поел!

- Какой такой человек?

- Вот он! И теперь рядом стоит!

Братья ну его ругать, бить, колотить; отколотили и заставили овец пасти, а сами ушли на деревню обедать.

Принялся дурачок пасти; видит, что овцы разбрелись по полю, давай их ловить да глаза выдирать. Всех переловил, всем глаза повыдолбил, собрал стадо в одну кучу и сидит себе радехонек, словно дело сделал. Братья

пообедали, воротились в поле.

- Что ты, дурак, натворил? Отчего стадо слепое?

- Да почто им глаза-то? Как ушли вы, братцы, овцы-то врозь рассыпались, а я и придумал: стал их ловить, в кучу собирать, глаза выдирать - во как умаился!

- Поймай, еще не так умаешься! - говорят братья, и давай угощать его кулаками; порядком-таки досталось дураку на орехи!

Ни много ни мало прошло времени, послали старики Иванушку-дурачка в город к празднику по хозяйству закупать. Всего закупил Иванушка: и стол купил, и ложек, и чашек, и соли; целый воз навалил всякой всячины. Едет домой, а лошаденка была такая, знать, неудалая: везет - не везет!

“А что, - думает себе Иванушка, - ведь у лошади четыре ноги и у стола тоже четыре, так стол и сам добежит”.

Взял стол и выставил на дорогу. Едет-едет, близко ли, далеко ли, а вороны так и вьются над ним да все каркают.

“Знать, сестрицам поесть-покушать охота, что так раскричались!” - подумал дурачок. Выставил блюда с яствами наземь и начал потчевать:

- Сестрицы-голубушки! Кушайте на здоровье.

А сам все вперед да вперед подвигается.

Едет Иванушка перелеском; по дороге все пни обгорелые.

“Эх, - думает, ребята-то без шапок; ведь озябнут, сердечные!”

Взял понадевал на них горшки да корчаги. Вот доехал Иванушка до реки, давай лошадь поить, а она не пьет.

“Знать, без соли не хочет!”- и ну солить воду. Высыпал полон мешок соли, лошадь все не пьет.

- Что ж ты не пьешь, волчье мясо? Разве задаром я мешок соли высыпал?

Хватил ее поленом, да прямо в голову - и убил наповал. Остался у Иванушки один кошель с ложками, да и тот на себе понес. Идет - ложки так и брякают: бряк, бряк, бряк! А он думает, что ложки-то говорят: “Иванушка-дурак!”- бросил ложки и ну топтать да приговаривать:

- Вот вам Иванушка-дурак! Вот вам Иванушка-дурак! Еще вздумали дразнить, негодные! Воротился домой и говорит братьям:

- Все искупил, братики!

- Спасибо, дурак, да где ж у тебя закупки-то?

- А стол бежит, да, знать, отстал, из блюд сестрицы кушают, горшки да корчаги ребятам в лесу на головы понадевал, солью-то пойло лошади посолил; а ложки дразнятся - так я их на дороге покинул.

- Ступай, дурак, поскорее! Забери все, что разбросал по дороге!

Иванушка пошел в лес, снял с обгорелых пней корчаги, повышибал днища и надел на батог корчаг с дюжину всяких: и больших и малых. Несет домой. Отколотили его братья; поехали сами в город за покупками, а дурака оставили домовничать. Слушает дурак, а пиво в кадке так и бродит, так и бродит.

- Пиво, не броди! Дурака не дразни! - говорит Иванушка.

Нет, пиво не слушается; взял да выпустил все из кадки, сам сел в корыто, по избе разъезжает да песенки распевает.

Приехали братья, крепко осерчали, взяли Иванушку, зашили в куль и потащили к реке. Положили куль на берегу, а сами пошли прорубь осматривать.

На ту пору ехал какой-то барин мимо на тройке бурых; Иванушка и ну кричать:

- Садят меня на воеводство судить да рядить, а я ни судить, ни рядить не умею!

- Постой, дурак, - сказал барин, - я умею и судить и рядить; вылезай из куля!

Иванушка вылез из куля, зашил туда барина, а сам сел в его повозку и уехал из виду. Пришли братья, спустили куль под лед и слушают; а в воде так и буркает.

Братья послушали и побрели домой.

Навстречу им, откуда ни возьмись, едет на тройке Иванушка да прихвастывает:

- Вот каких поймал я лошадушек! А еще остался там сивко - такой славный!

Завидно стало братьям; говорят дураку:

- Зашивай теперь нас в куль да спускай в прорубь! Не уйдет от нас сивко...

Опустил их Иванушка-дурачок в прорубь и погнал домой пиво попивать да братьев поминать.

Был у Иванушки колодец, а в колодце рыба елец, а моей сказке конец.

Война грибов с ягодами

Красным летом всего в лесу много - и грибов всяких, и всяких ягод: земляники с черникой, и малины с ежевикой, и черной смородины. Ходят девки по лесу, ягоды собирают, песенки распевают, а гриб-боровик, под дубочком сидючи, и пыжится, дуется из земли прет, на ягоды гневается: «Вишь, что их уродилось! Бывало, и мы в чести, в почете, а ныне никто на нас и не посмотрит! Постой же, - думает боровик, всем грибам голова, - нас, грибов, сила великая - пригнетем, задушим ее, сладкую ягоду!»

Задумал-загадал боровик войну, под дубом сидючи, на все грибы глядючи, и стал он грибы сзывать, стал помощь скликать:

- Идите вы, волнушки, выступайте на войну!

Отказались волнушки:

- Мы все старые старушки, не повинны на войну.

Идите вы, опенки!

Отказались опенки:

- У нас ноги больно тонки, не пойдем на войну.

- Эй вы, сморчки! - крикнул гриб-боровик. - Снаряжайтесь на войну!

Отказались сморчки, говорят:

- Мы старички, уж куда нам на войну!

Рассердился гриб, прогневался боровик, и крикнул он громим голосом:

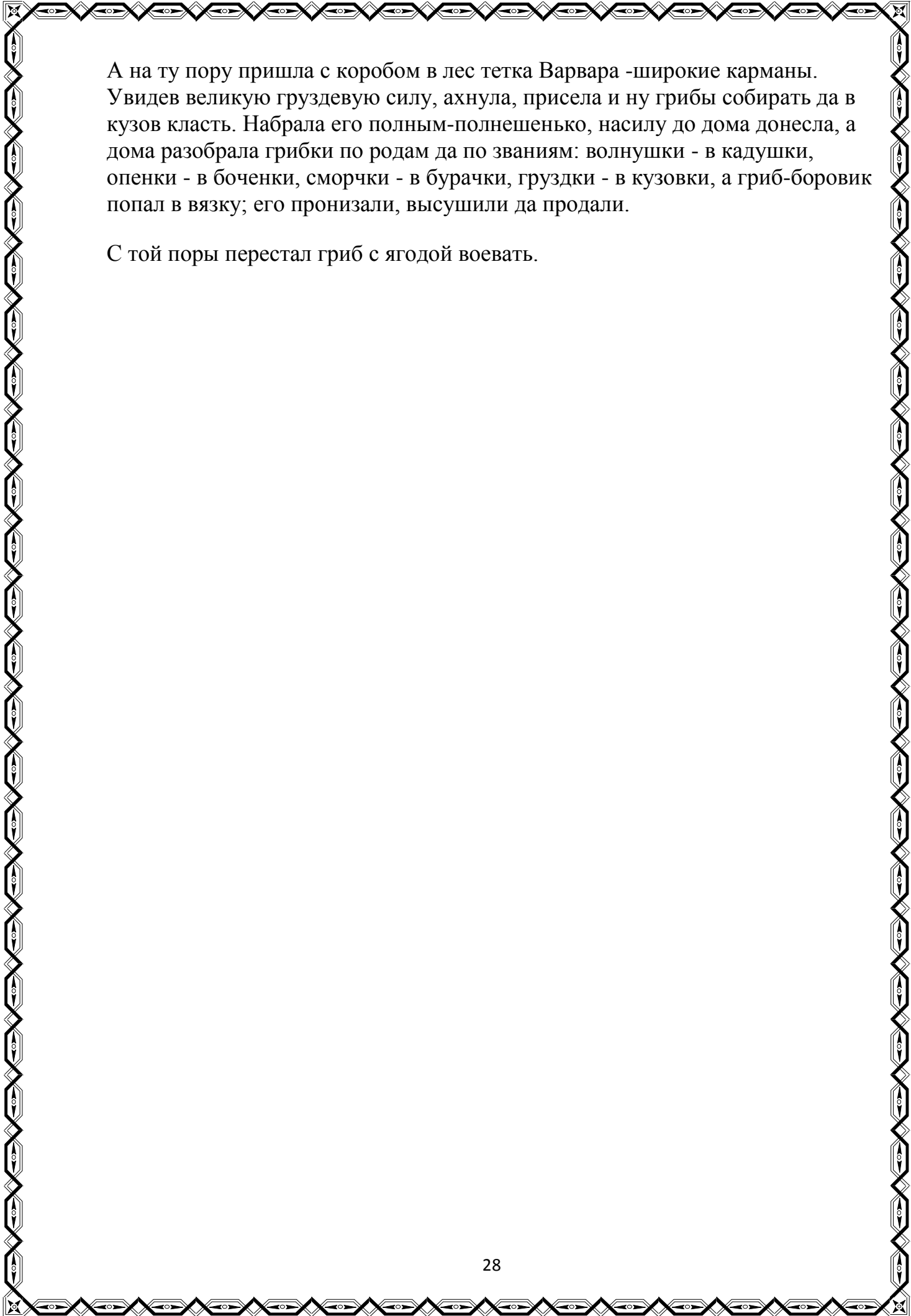
- Грузди вы, ребята дружны, идите со мной воевать, заносчивую ягоду избивать!

Откликнулись грузди с подгруздками:

- Мы, грузди, мы идем с тобой на войну, на лесную и полевую ягоду, мы ее шапками закидаем, пятой затопчем!

Сказав это, грузди полезли дружно из земли, сухой лист над головами их вздымается, грозная рать подымается.

«Ну, быть беде», - думает зеленая травка.

А на ту пору пришла с коробом в лес тетка Варвара - широкие карманы. Увидев великую груздевую силу, ахнула, присела и ну грибы собирать да в кузов класть. Набрала его полным-полнешенько, на силу до дома донесла, а дома разобрала грибки по родам да по званиям: волнушки - в кадушки, опенки - в боченки, сморчки - в бурачки, груздки - в кузовки, а гриб-боровик попал в вязку; его пронизали, высушили да продали.

С той поры перестал гриб с ягодой воевать.

Сестрица Аленушка и братец Иванушка

Жили-были старик да старуха, у них была дочка Алёнушка да сынок Иванушка.

Старик со старухой умерли. Остались Аленушка да Иванушка одни-одиношеньки.

Пошла Аленушка на работу и братца с собой взяла. Идут они по дальнему пути, по широкому полю, и захотелось Иванушке пить.

— Сестрица Аленушка, я пить хочу!

— Подожди, братец, дойдем до колодца.

Шли-шли — солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает.

Стоит коровье копытце полно водицы.

— Сестрица Аленушка, хлебну я из копытца!

— Не пей, братец, теленочком станешь!

Братец послушался, пошли дальше.

Солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит лошадиное копытце полно водицы.

— Сестрица Аленушка, напьюсь я из копытца!

— Не пей, братец, жеребеночком станешь!

Вздыхнул Иванушка, опять пошли дальше.

Солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит козье копытце полно водицы.

Иванушка говорит:

— Сестрица Алёнушка, мочи нет: напьюсь я из копытца!

— Не пей, братец, козленочком станешь!

Не послушался Иванушка и напился из козьего копытца.

Напился и стал козленочком...

Зовет Алёнушка братца, а вместо Иванушки бежит за ней беленький козленочек.

Залилась Аленушка слезами, села под стожок — плачет, а козленочек возле нее скачет.

В ту пору ехал мимо купец:

— О чем, красная девица, плачешь?

Рассказала ему Аленушка про свою беду.

Купец ей говорит:

— Поди за меня замуж. Я тебя наряжу в злато-серебро, и козленочек будет жить с нами.

Аленушка подумала, подумала и пошла за купца замуж.

Стали они жить-поживать, и козленочек с ними живет, ест-пьет с Аленушкой из одной чашки.

Один раз купца не было дома. Откуда ни возьмись, приходит ведьма: стала под Аленушкино окошко и так-то ласково начала звать ее купаться на реку. Привела ведьма Алёнушку на реку. Кинулась на нее, привязала Алёнушке на шею камень и бросила в воду.

А сама оборотилась Аленушкой, нарядилась в ее платье и пришла в ее хоромы. Никто ведьму не распознал. Купец вернулся — и тот не распознал. Одному козлёночку все было ведомо. Повесил он голову, не пьет, не ест. Утром и вечером ходит по бережку около воды и зовет:

— Алёнушка, сестрица моя!..
Выплынь, выплынь на бережок...

Узнала об этом ведьма и стала просить мужа — зарежь да зарежь козлёнка... Купцу жалко было козленочка, привык он к нему. А ведьма так пристаёт, так упрасивает, — делать нечего, купец согласился:

— Ну, зарежь его...

Велела ведьма разложить костры высокие, греть котлы чугунные, точить ножи булатные.

Козленочек проведал, что ему недолго жить, и говорит названому отцу:

— Перед смертью пусти меня на речку сходить, водицы испить, кишочки прополоскать.

— Ну, сходи.

Побежал козлёночек на речку, стал на берегу и жалобнехонько закричал:

— Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережок.
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Аленушка из реки ему отвечает:

— Ах, братец мой Иванушка!
Тяжел камень на дно тянет,
Шелкова трава ноги спутала,
Желты пески на груди легли.

А ведьма ищет козленочка, не может найти и посылает слугу:

— Пойди найди козленка, приведи его ко мне.

Пошел слуга на реку и видит: по берегу бегают козленочек и жалобнехонько зовет:

— Аленушка, сестрица моя!

Выплынь, выплынь на бережок.
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

А из реки ему отвечают:

— Ах, братец мой Иванушка!
Тяжел камень на дно тянет,
Шелкова трава ноги спутала,
Желты пески на груди легли.

Слуга побежал домой и рассказал купцу про то, что слышал на речке. Собрали народ, пошли на реку, закинули сети шелковые и вытащили Алёнушку на берег. Сняли камень с шеи, окунули ее в ключевую воду, одели ее в нарядное платье. Алёнушка ожила и стала краше, чем была. А козленочек от радости три раза перекинулся через голову и обернулся мальчиком Иванушкой. Ведьму привязали к лошадиному хвосту и пустили в чистое поле.

Жихарка

Далеко-далеко во лесах дремучих стояла избушка малая. А в избушке-то жили кот, воробей да маленький человечек - Жихарка... Кот с воробьем на охоту ходили, а Жихарка домовничать оставался. Избу Жихарка подметал, обед готовил, стол накрывал; ложки раскладывает, а сам приговаривает:

- Эта ложка котова, эта - Воробьёва, а эта вот - Жихаркина. А Жихаркина ложечка лучше всех - никому её не отдам.

А ложки не простые - точёные, ручки золочёные...

Вот и прослышала лиса, что в избушке Жихарка один домовничает, и захотелось ей Жихаркина мясца попробовать. А кот и воробей как на охоту-то уходили, крепко Жихарке приказывали двери запирать. Запирал Жихарка двери, всё запирал, а один раз и забыл... Справил Жихарка все дела: обед сварил, стол накрыл, стал ложки раскладывать. Только успел котову да Воробьёву ложечку положить, взялся за свою, а по лестнице-то топ-топ-топ!.. Матушки!.. Лиса идёт!.. Испугался Жихарка, со скамейки соскочил, ложечку на пол уронил и поднимать некогда - да под печку и залез. В уголок забился - сидит не ворохнётся... А лиса в избушку вошла... Глядь туда, глядь сюда - нет, Жихарки...

"Постой же,-думает лиса, - ты сам мне скажешь, где сидишь".

Подошла лиса к столу, на задние лапки встала, стала ложки перебирать.

- Эта ложка котова... эта Воробьёва... а где же ложка

Жихаркина?! А-а-а, на полу валяется! Так я же её возьму.

А Жихарка-то под печкой во весь голос:

- Ай-ай-ай! Не бери, тётенька, я не дам!

- Вон ты где, голубчик!

Подбежала лисица к печке, лапку в подпечье запустила, Жихарку вытащила, на спину перекинула да домой и побежала... Принесла лиса Жихарку в свою избушку, печку жарко натопила - хочет лиса Жихарку сжарить... Истопилась печка, взяла лиса лопату.

- Садись, - говорит Жихарке.

А Жихарка-то ничего, что маленький - был паренёк удаленький, догадливый. На лопатку-то сел, ручки, ножки растопырил, в печку-то и нейдёт.

- Не так сидишь, - говорит лиса.

Перевернулся Жихарка к печке затылком, а сам опять ручки-ножки растопырил, в печку-то и нейдёт.

- Да не так, - говорит лиса.

- Так ты мне, тётенька, покажи - я по-другому не умею.

- Экой ты какой!-говорит лиса. - Недогадливый.

Смахнула его лапкой с лопатки, сама на лопатку - прыг: клубочком свернулась, лапки подобрала, хвостиком укрылась. Не успела лисица словечко вымолвить, Жихарка-то её толк в печку да и заслонкой закрыл. На свою беду, лисонька жарко печку топила - сразу её спалило... А Жихарка домой пустился. Бежит, торопится... А дома-то кот с воробьем горюют: пришли они с охоты, а двери-то в избушку раскрыты, ложки-то раскиданы, а Жихарки и след простыл. Сели на лавочку кот да воробей, горюют, плачут:

- Где-то наш Жихарка?.. Где-то наш маленький?

Котик лапкой слёзы утирает, воробушек крылышком подбирает. Вдруг по лестнице, по частым ступенькам - тук-тук-тук каблучок... Жихарка бежит, громким голосом кричит:

- А вот и я!.. А лиса-то в печке сжарилась. Больше не придёт.

Обрадовались кот да воробей, с лавочки соскочили. Ну Жихарку обнимать, ну Жихарку целовать... За ручки его схватили, по избушке закрутили. То-то радость была!.. И сейчас кот, воробей и Жихарка в той избушке живут, нас с тобой к себе в гости ждут.

Лисичка-сестричка и волк

Жили были дед да баба. Дед говорит бабе:

- Ты, баба, пеки пироги, а я запрягу сани да поеду за рыбой.

Наловил рыбы и везет домой целый воз. Вот едет он и видит: лисичка свернулась калачиком и лежит на дороге. Дед слез с воза, подошел к лисичке, а она не ворохнется, лежит себе как мертвая.

- Вот будет подарок жене! - сказал дед, взял лисичку и положил на воз, а сам пошел впереди.

А лисичка улучила время и стала выбрасывать полегоньку из воза все по рыбке да по рыбке, все по рыбке да по рыбке. Повыбросила всю рыбу и сама ушла.

- Ну, старуха, - говорит дед, - какой воротник привез я тебе на шубу!

- Где?

- Там на возу - и рыба и воротник.

Подошла баба к возу: ни воротника, ни рыбы - и начала ругать мужа:

- Ах ты, такой-сякой! Ты еще вздумал обманывать!

Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мертвая. Погоревал, погоревал, да делать нечего.

А лисичка собрала всю разбросанную рыбу в кучку, уселась на дорогу и кушает себе. Приходит к ней серый волк:

- Здравствуй, сестрица!

- Здравствуй, братец!

- Дай мне рыбки!

- Налови сам да и кушай.

- Я не умею.

- Эка, ведь я же наловила! Ты, братец, ступай на реку, опусти хвост в прорубь, сиди да приговаривай: «Ловись, рыбка, и малá, и великá! Ловись, рыбка, и малá, и великá! Ловись, рыбка, и малá, и великá!» Рыбка к тебе сама на хвост нацепится. Да смотри сиди подольше, а то не наловишь.

Волк и пошел на реку, опустил хвост в прорубь и начал приговаривать:

- Ловись, рыбка, и малá, и великá!
Ловись, рыбка, и малá, и великá!

Вслед за ним и лиса явилась; ходит около волка да причитывает:

- Ясни, ясни на небе звезды,
Мерзни, мерзни, волчий хвост!

- Что ты, лисичка-сестричка, говоришь?
- То я тебе помогаю.

А сама, плутовка, поминутно твердит:
- Мерзни, мерзни, волчий хвост!

Долго-долго сидел волк у проруби, целую ночь не сходил с места, хвост его и приморозило; пробовал было приподняться: не тут-то было!

«Эка, сколько рыбы привалило - и не вытащишь!» - думает он.

Смотрит, а бабы идут за водой и кричат, завидя серого:

- Волк, волк! Бейте его, бейте его!

Прибежали и начали колотить волка - кто коромыслом, кто ведром, кто чем попало. Волк прыгал, прыгал, оторвал себе хвост и пустился без оглядки бежать.

«Хорошо же, - думает, - уж я тебе отплачу, сестрица!»

Тем временем, пока волк отдувался своими боками, лисичка-сестричка захотела попробовать, не удастся ли еще что-нибудь стянуть. Забралась в одну избу, где бабы пекли блины, да попала головой в кадку с тестом, вымазалась и бежит. А волк ей навстречу:

- Так-то учишь? Меня всего исколотили!
- Эх, волчику-братику! - говорит лисичка-сестричка. - У тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили: я насилу плетусь.
- И то правда, - говорит волк, - где уж тебе, сестрица, идти, садись на меня, я тебя довезу.

Лисичка села ему на спину, он ее и повез.

Вот лисичка-сестричка сидит да потихоньку напевает:

- Битый небитого везет,
Битый небитого везет!
- Что ты, сестрица, говоришь?

- Я, братец, говорю: «Битый битого везет».

Так, сестрица, так!

Зимовье зверей

Шел бык лесом, попадается ему навстречу баран.

- Куда, баран, идешь? - спросил бык.
- От зимы лета ищу, - говорит баран.
- Пойдем со мною!

Вот пошли они вместе, попадается им навстречу свинья.

- Куда, свинья, идешь? - спросил бык.
- От зимы лета ищу, - отвечает свинья.
- Иди с нами.

Пошли втроем дальше, навстречу им гусь.

- Куда, гусь, идешь? - спрашивает бык.
- От зимы лета ищу, - отвечает гусь.
- Ну, иди за нами!

Вот гусь и пошел за ними. Идут, а навстречу им петух.

- Куда, петух, идешь? - спросил бык.
- От зимы лета ищу, - отвечает петух.
- Иди за нами!

Вот они идут путем-дорогою и разговаривают промеж себя:

- Как же, братцы-товарищи! Время подходит холодное, где тепла искать?

Бык и сказывает:

- Ну, давайте избу строить, а то, чего доброго, и впрямь зимою замерзнем.

Баран говорит:

- У меня шуба тепла - вишь какая шерсть! Я и так перезимую.

Свинья говорит:

- А по мне хоть какие морозы - я не боюсь: зарюсь в землю и без избы прозимую.

Гусь говорит:

- А я сяду в середину ели, одно крыло постелю, а другим оденусь, меня никакой холод не возьмет; я и так прозимую.

Петух говорит:

- А разве у меня нет своих крыльев? И я прозимую!

Бык видит - дело плохо, надо одному хлопотать.
- Ну, - говорит, - вы как хотите, а я стану избу строить.

Выстроил себе избушку и живет в ней. Вот пришла зима холодная, стали пробирать морозы; баран просится у быка:

- Пусти, брат, погреться.
- Нет, баран, у тебя шуба теплая; ты и так перезимуешь. Не пущу!
- А коли не пустишь, то я разбежусь и вышибу из твой избы бревно; тебе же будет холоднее.

Бык думал-думал: “Дай пущу, а то, пожалуй, и меня заморозит”, - и пустил барана.

Вот и свинья прозябла, пришла к быку:

- Пусти, брат, погреться.
- Нет, не пущу! Ты в землю зароешься и так перезимуешь.
- А не пустишь, так я рылом все столбы подрою да твою избу сворочу.

Делать нечего, надо пустить. Пустил и свинью. Тут пришли к быку гусь и петух:

- Пусти, брат, к себе погреться.
- Нет, не пущу! У вас по два крыла: одно постелешь, другим оденешься; так и прозимуете!
- А не пустишь, - говорит гусь, - так я весь мох из твоих стен повыщипываю, тебе же холоднее будет.
- Не пустишь? - говорит петух. - Так я взлечу на чердак, всю землю с потолка сгребу, тебе же холоднее будет.

Что делать быку? Пустил жить к себе и гуся и петуха.

Вот живут они себе в избушке. Отогрелся в тепле петух и начал песенки распевать.

Услыхала лиса, что петух песенки распевает, захотелось ей петушиным мясом полакомиться, да как достать его?

Лиса поднялась на хитрости, отправилась к медведю да волку и сказала:

- Ну, любезные куманьки! Я нашла для всех поживу: для тебя, медведь, - быка, для тебя волк, - барана, а для себя - петуха.
- Хорошо, кумушка! - говорит медведь и волк. - Мы твоих услуг никогда не забудем. Пойдем же приколем да поедем!

Лиса привела их к избушке. Медведь говорит волку.

- Иди ты вперед! А волк кричит:
- Нет, ты посильнее меня, иди ты вперед!

Ладно, пошел медведь; только что в двери - бык наклонил голову и припер его рогами к стенке. А баран разбежался да как бацнет медведя в бок - и сшиб его с ног. А свинья рвет и мечет в ключья. А гусь подлетел - глаза щиплет. А петух сидит на брису и кричит:
- Подайте сюда, подайте сюда!

Волк с лисой услышали крик да бежать!

Вот медведь рвался, рвался, насилу вырвался, догнал волка и рассказывает:
- Ну, что было мне!.. Этакого страху отродясь не видывал. Только что вошел я в избу, откуда ни возьмись, баба с ухватом на меня... Так к стене и прижала! Набежало народу пропасть: кто бьет, кто рвет, кто шилом в глаза колет.

А еще один на брису сидел да все кричал: “Подайте сюда, подайте сюда!”
Ну, если б подали к нему, кажись бы, и смерть была!

Лиса и козел

Бежала лиса, на ворон зазевалась — и попала в колодец. Воды в колодце было немного: утонуть нельзя, да и выскочить — тоже.

Сидит лиса, горюет.

Идет козёл — умная голова, идет, бородищей трясёт, рожищами мотает; заглянул от нечего делать в колодец, увидел там лису и спрашивает:

— Что ты там, лисонька, поделываешь?

— Отдыхаю, голубчик,— отвечает лиса,— там, наверху, жарко, так я сюда забралась. Уж как здесь прохладно да хорошо! Водицы холодненькой — сколько хочешь!

А козлу давно пить хочется.

— Хороша ли вода-то?— спрашивает козёл.

— Отличная,— отвечает лиса.— Чистая, холодная! Прыгай сюда, - коли хочешь; здесь обоим нам место будет.

Прыгнул сдуру козел, чуть лисы не задавил. А она ему:

— Эх, бородатый дурень, и прыгнуть-то не умел — всю обрызгал.

Вскочила лиса козлу на спину, со спины на рога, да и вон из колодца.

Чуть было не пропал козёл с голоду в колодце: насилу-то его отыскали и за рога вытащили.

Привередница

Даль В.И.

Жили-были муж да жена. Детей у них было всего двое - дочка Малашечка да сынок Ивашечка. Малашечке было годков десяток или поболее, а Ивашечке всего пошел третий.

Отец и мать в детях души не чаяли и так уж избаловали! Коли дочери что наказать надо, то они не приказывают, а просят. А потом ублажать начнут:

- Мы-де тебе и того дадим и другого добудем!

А уж как Малашечка испривереднилась, так такой другой не то что на селе, чай, и в городе не было! Ты подай ей хлебца не то что пшеничного, а сдобненького, - на ржаной Малашечка и смотреть не хочет!

А испечет мать пирог-ягодник, так Малашечка говорит:

"Кисел, давай медку!" Нечего делать, зачерпнет мать на ложку меду и весь на дочернин кусок ухнет. Сама же с мужем ест пирог без меду: хоть они и с достатком были, а сами так сладко есть не могли.

Вот раз понадобилось им в город ехать, они и стали Малашечку ублажать, чтобы не шалила, за братом смотрела, а пуще всего, чтобы его из избы не пускала.

- А мы-де тебе за это пряников купим, да орехов каленых, да платочек на голову, да сарафанчик с дутыми пуговками. - Это мать говорила, а отец поддакивал.

Дочка же речи их в одно ухо впускала, а в другое выпускала.

Вот отец с матерью уехали. Пришли к ней подруги и стали звать посидеть на травке-муравке. Вспомнила было девочка родительский наказ, да подумала:

"Не велика беда, коли выйдем на улицу!" А их изба была крайняя к лесу.

Подруги заманили ее в лес с ребенком - она села и стала брату веночки плести. Подруги поманили ее в коршуны поиграть, она пошла на минутку, да и заигралась целый час.

Вернулась к брату. Ой, брата нет, и местечко, где сидел, остыло, только травка помята.

Что делать? Бросилась к подругам, - та не знает, другая не видела. Взвыла Малашечка, побежала куда глаза глядят брата отыскивать: бежала, бежала, бежала, набежала в поле на печь.

- Печь, печурка! Не видала ли ты моего братца Ивашечку?

А печка ей говорит:

- Девочка-привередница, поешь моего ржаного хлеба, поешь, так скажу!

- Вот, стану я ржаной хлеб есть! Я у матушки да у батюшки и на пшеничный не гляжу!

- Эй, Малашечка, ешь хлеб, а пироги впереди! - сказала ей печь.

Малашечка рассердилась и побежала далее. Бежала, бежала, устала, - села под дикую яблоню и спрашивает кудрявую:

- Не видала ли, куда братец Ивашечка делся?

А яблоня в ответ:

- Девочка-привередница, поешь моего дикого, кислого яблочка - может
статься, тогда и скажу!
- Вот, стану я кислицу есть! У моих батюшки да матушки садовых много - и
то ем по выбору!

Покачала на нее яблоня кудрявой вершиной да и говорит:

- Давали голодной Маланье оладьи, а она говорит: "Испечены неладно!"
Малаша побежала далее. Вот бежала она, бежала, набежала на молочную
реку, на кисельные берега и стала речку спрашивать:

- Речка-река! Не видала ли ты братца моего Ивашечку?

А речка ей в ответ:

- А ну-ка, девочка-привередница, поешь наперед моего овсяного киселька с
молочком, тогда, быть может, дам весточку о брате.

- Стану я есть твой кисель с молоком! У моих у батюшки и у матушки и
сливочки не в диво!

- Эх, - погрозила на нее река, - не брезгай пить из ковша!

Побежала привередница дальше. И долго бежала она, ища Ивашечку;
наткнулась на ежа, хотела его оттолкнуть, да побоялась наколоться, вот и
вздумала с ним заговорить:

- Ежик, ежик, не видал ли ты моего братца? А ежик ей в ответ:

- Видал я, девочка, стаю серых гусей, пронесли они в лес на себе малого
ребенка в красной рубашечке.

- Ах, это-то и есть мой братец Ивашечка! - завопила девочка-привередница. -

Ежик, голубчик, скажи мне, куда они его пронесли?

Вот и стал еж ей сказывать: что-де в этом дремучем лесу живет Яга-Баба, в
избушке на курьих ножках; в услугу наняла она себе серых гусей, и что она
им прикажет, то гуси и делают.

И ну Малашечка ежа просить, ежа ласкать:

- Ежик ты мой рябенький, ежик игольчатый! Доведи меня до избушки на
курьих ножках!

- Ладно, - сказал он и повел Малашечку в самую чашу, а в чаше той все
съедобные травы растут: кислица да борщовник, по деревьям седая ежевика
вьется, переплетается, за кусты цепляется, крупные ягодки на солнышке
дозревают.

"Вот бы поесть!" - думает Малашечка, да уж до еды ли ей! Махнула на сизые
плетенницы и побежала за ежом. Он привел ее к старой избушке на курьих
ножках.

Малашечка заглянула в отворенную дверь и видит - в углу на лавке Баба Яга
спит, а на прилавке Ивашечка сидит, цветочками играет.

Схватила она брата на руки да вон из избы!

А гуси-наемники чутки. Сторожевой гусь вытянул шею, гагакнул, взмахнул
крыльями, взлетел выше дремучего леса, глянул вокруг и видит, что

Малашечка с братом бежит. Закричал, загоготал серый гусь, поднял все
стадо гусиное, а сам полетел к Бабе Яге докладывать. А Баба Яга - костяная
нога так спит, что с нее пар валит, от храпа оконницы дрожат. Уж гусь ей в

то ухо и в другое кричит не слышит! Рассердился щипун, щипнул Ягу в самый нос. Вскочила Баба Яга, схватилась за нос, а серый гусь стал ей докладывать:

- Баба Яга - костяная нога! У нас дома неладно, что-то сделалось Ивашечку Малашечка домой несет! Тут Баба Яга как расходилась:

- Ах вы трутни, дармоеды, из чего я вас пою, кормлю! Вынь да положь, подайте мне брата с сестрой!

Полетели гуси вдогонку. Летят да друг с дружкой перекликаются. Заслышала Малашечка гусиный крик, подбежала к молочной реке, кисельным берегам, низенько ей поклонилась и говорит:

- Матушка река! Скрой, схорони ты меня от диких гусей! А река ей в ответ:

- Девочка-привередница, поешь наперед моего овсяного киселя с молоком.

Устала голодная Малашечка, в охотку поела мужицкого киселя, припала к реке и всласть напилась молока. Вот река и говорит ей:

- Так-то вас, привередниц, голодом учить надо! Ну, теперь садись под бережок, я закрою тебя.

Малашечка села, река прикрыла ее зеленым тростником; гуси налетели, покрутились над рекой, поискали брата с сестрой да с тем и полетели домой.

Рассердилась Яга пуще прежнего и прогнала их опять за детьми. Вот гуси летят вдогонку, летят да меж собой перекликаются, а Малашечка, слыша их, прытче прежнего побежала. Вот подбежала к дикой яблоне и просит ее:

- Матушка зеленая яблонька! Схорони, укрой меня от беды неминуемой, от злых гусей! А яблоня ей в ответ:

- А поешь моего самородного кислого яблочка, так, может статься, и спрячу тебя!

Нечего делать, принялась девочка-привередница дикое яблоко есть, и показался дичок голодной Малаше слаще наливного садового яблочка.

А кудрявая яблонька стоит да посмеивается:

- Вот так-то вас, причудниц, учить надо! Давеча не хотела и в рот взять, а теперь ешь над горсточкой!

Взяла яблонька, обняла ветвями брата с сестрой и посадила их в середочку, в самую густую листву.

Прилетели гуси, осмотрели яблоню - нет никого! Полетели еще туда, сюда да с тем к Бабе Яге и вернулись.

Как завидела она их порожнем, закричала, затопала, завопила на весь лес:

- Вот я вас, трутней! Вот я вас, дармоедов! Все перышки ощиплю, на ветер пушу, самих живьем проглочу!

Испугались гуси, полетели назад за Ивашечкой и Малашечкой. Летят да жалобно друг с дружкой, передний с задним, перекликаются:

- Ту-та, ту-та? Ту-та не-ту!

Стемнело в поле, ничего не видать, негде и спрятаться, а дикие гуси все ближе и ближе; а у девочки-привередницы ножки, ручки устали - еле плетется.

Вот видит она - в поле та печь стоит, что ее ржаным хлебом потчевала. Она к

печи:

- Матушка печь, укрой меня с братом от Бабы Яги!

- То-то, девочка, слушаться бы тебе отца-матери, в лес не ходить, брата не брать, сидеть дома да есть, что отец с матерью едят! А то "вареного не ем, печеного не хочу, а жареного и на дух не надо!"

Вот Малашечка стала печку упрасивать, умаливать: вперед-де таково не буду!

- Ну, посмотрю я. Пока поешь моего ржаного хлебца!
С радостью схватила его Малашечка и ну есть да братца кормить!

- Такого-то хлебца я отроду не видала - словно пряник-коврижка!
А печка, смеючись, говорит:

- Голодному и ржаной хлеб за пряник идет, а сытому и коврижка вяземская не сладка! Ну, полезай теперь в устье - сказала печь, - да заслонись заслоном.

Вот Малашечка скоренько села в печь, затворилась заслоном, сидит и слушает, как гуси все ближе подлетают, жалобно друг дружку спрашивают:

- Ту-та, ту-та? Ту-та не-ту!

Вот полетали они вокруг печки. Не нашед Малашечки, опустились на землю и стали промеж себя говорить: что им делать? Домой ворочаться нельзя: хозяйка их живьем съест. Здесь остаться также не можно: она велит их всех перестрелять.

- Разве вот что, братья, - сказал передовой вожак, - вернемся домой, в теплые земли, -туда Бабе Яге доступа нет!

Гуси согласились, снялись с земли и полетели далеко-далеко, за синие моря.

Отдохнувши, Малашечка схватила братца и побежала домой, а дома отец с матерью все село исходили, каждого встречного и поперечного о детях спрашивали; никто ничего не знает, лишь только пастух сказывал, что ребята в лесу играли.

Побрели отец с матерью в лес да подле села на Малашечку с Ивашечкой и наткнулись.

Тут Малашечка во всем отцу с матерью повинилась, про все рассказала и обещала вперед слушаться, не перечить, не привередничать, а есть, что другие едят.

Как сказала, так и сделала, а затем и сказке конец.

Лиса лапотница

В. Даль

Зимней ночью шла голодная кума по дорожке; на небе тучи нависли, по полю снежком порошит.

"Хоть бы на один зуб чего перекусить", - думает лисонька. Вот идет она путем-дорогой; лежит ошмётки. "Что же, - думает лиса, - ину пору и лапоток пригодится". Взяла лапоть в зубы и пошла далее. Приходит в деревню и у первой избы постучалась.

- Кто там? - спросил мужик, открывая оконце.

- Это я, добрый человек, лисичка-сестричка. Пусти переночевать!

- У нас и без тебя тесно! - сказал старик и хотел было задвинуть окошечко.

- Что мне, много ли надо? - просила лиса. - Сама лягу на лавку, а хвостик под лавку, - и вся тут.

Сжалился старик, пустил лису, а она ему и говорит:

- Мужичок, мужичок, спрячь мой лапоток!

Мужик взял лапоток и кинул его под печку.

Вот ночью все заснули, лисичка слезла тихонько с лавки, подкралась к лаптю, вытащила его и закинула далеко в печь, а сама вернулась как ни в чем не бывало, легла на лавочку, а хвостик спустила под лавочку.

Стало светать. Люди проснулись; старуха затопила печь, а старик стал снаряжаться в лес по дрова.

Проснулась и лисица, побежала за лапотком - глядь, а лаптя как не бывало. Взвыла лиса:

- Обидел старик, поживился моим добром, а я за свой лапоток и курочки не возьму!

Посмотрел мужик под печь - нет лаптя! Что делать? А ведь сам клал! Пошел, взял курицу и отдал лисе. А лиса еще ломаться стала, курицу не берет и на всю деревню воеет, орет о том, как разобидел ее старик.

Хозяин с хозяйкой стали ублажать лису: налили в чашку молока,

покрошили хлеба, сделали яичницу и стали лису просить не побрезговать хлебом-солью. А лисе только того и хотелось. Вскочила на лавку, поела хлеб, вылакала молочка, уплела яичницу, взяла курицу, положила в мешок, простилась с хозяевами и пошла своим путем-дорогой.

Идет и песенку попевает:

Лисичка-сестричка

Темной ноченькой

Шла голодная;

Она шла да шла,

Ошметок нашла -

В люди снесла,

Добрым людям сбыла,

Курочку взяла.

Вот подходит она вечером к другой деревне. Стук, тук, тук, - стучит лиса в избу.

- Кто там? - спросил мужик.

- Это я, лисичка-сестричка. Пусти, дядюшка, переночевать!

- У нас и без тебя тесно, ступай дальше, - сказал мужик, захлопнув окно.

- Я вас не потесню, - говорила лиса. - Сама лягу на лавку, а хвост под лавку, - и вся тут!

Пустили лису. Вот поклонилась она хозяину и отдала ему на сбережение свою курочку, сама же смирихонько улеглась в уголок на лавку, а хвостик подвернула под лавку.

Хозяин взял курочку и пустил ее к уткам за решетку. Лисица всё это видела и, как заснули хозяева, слезла тихонько с лавки, подкралась к решетке, вытащила свою курочку, ощипала, съела, а перышки с косточками зарыла под печь; сама же, как добрая, вскочила на лавку, свернулась клубочком и уснула.

Стало светать, баба принялась за печь, а мужик пошел скотинке корму

здать.

Проснулась и лиса, начала собираться в путь; поблагодарила хозяев за тепло, за угрев и стала у мужика спрашивать свою курочку.

Мужик полез за курицей - глядь, а курочки как не бывало! Оттуда - сюда, перебрал всех уток: что за диво - курицы нет как нет!

А лиса стоит да голосом причитает:

- Курочка моя, чернушка моя, заклевали тебя пестрые утки, забили тебя сизые селезни! Не возьму я за тебя любой утицы!

Сжалилась баба над лисой и говорит мужу:

- Отдадим ей уточку да покормим ее на дорогу!

Вот накормили, напоили лису, отдали ей уточку и проводили за ворота.

Идет кума-лиса, облизываясь, да песенку свою попевает:

Лисичка сестричка

Темной ноченькой

Шла голодная;

Она шла да шла,

Ошмётки нашла -

В люди снесла,

Добрым людям сбыла:

За ошмётки - курочку,

За курочку - уточку.

Шла лиса близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли - стало смеркаться. Завидела она в стороне жильё и свернула туда; приходит: тук, тук, тук в дверь!

- Кто там? - спрашивает хозяин.

- Я, лисичка-сестричка, сбилась с дороги, вся перезябла и ноженьки отбила бежавши! Пусти меня, добрый человек, отдохнуть да обогреться!

- И рад бы пустить, кумушка, да некуда!

- И-и, куманек, я непривередлива: сама лягу на лавку, а хвост подверну под лавку, - и вся тут!

Подумал, подумал старик да и пустил лису. А лиса и рада. Поклонилась хозяевам да и просит их сберечь до утра ее уточку-плосконосочку.

Приняли уточку-плосконосочку на сбережение и пустили ее к гусям. А лисичка легла на лавку, хвост подвернула под лавку и захрапела.

- Видно, сердечная, умаялась, - сказала баба, влезая на печку. Невдолге заснули и хозяева, а лиса только того и ждала: слезла тихонько с лавки, подкралась к гусям, схватила свою уточку-плосконосочку, закусил, ощипала дочиста, съела, а косточки и перышки зарыла под печью; сама же как ни в чем не бывало легла спать и спала до бела дня. Проснулась, потянулась, огляделась; видит - одна хозяйка в избе.

- Хозяюшка, а где хозяин? - спрашивает лиса. - Мне бы надо с ним проститься, поклониться за тепло, за угрев.

- Вона, хватилась хозяина! - сказала старуха. - Да уж он теперь, чай, давно на базаре.

- Так счастливо оставаться, хозяйюшка, - сказала, кланяясь, лиса. - Моя плосконосочка уже, чай, проснулась. Давай ее, бабушка, скорее, пора и нам с нею пуститься в дорогу.

Старуха бросилась за уткой - глядь-поглядь, а утки нет! Что будешь делать, где взять? А отдать надо! Позади старухи стоит лиса, глаза куксит, голосом причитает: была у нее уточка, невиданная, неслыханная, пестрая впрозолоть, за уточку ту она бы и гуська не взяла.

Испугалась хозяйка, да и ну кланяться лисе:

- Возьми же, матушка Лиса Патрикеевна, возьми любого гуська! А уж я тебя напою, накормлю, ни маслица, ни яичек не пожалею.

Пошла лиса на мировую, напилась, наелась, выбрала что ни есть жирного гуся, положила в мешок, поклонилась хозяйке и отправилась в путь-дороженьку; идет да и припевает про себя песенку:

Лисичка-сестричка

Темной ноченькой

Шла голодная;

Она шла да шла,

Ошмёток нашла -

Добрым людям сбыла:

За ошмёток - курочку,

За курочку - уточку,

За уточку - гусеночка!

Шла лиса да приумаялась. Тяжело ей стало гуся в мешке нести: вот она то привстанет, то присядет, то опять побежит. Пришла ночь, и стала лиса ночлег промышлять; где в какую дверь ни постучит, везде отказ. Вот подошла она к последней избе да тихонько, несмело таково стала постукивать: тук, тук, тук, тук!

- Чего надо? - отозвался хозяин.

- Обогрей, родимый, пусти ночевать!

- Негде, и без тебя тесно!

- Я никого не потесню, - отвечала лиса, - сама лягу на лавочку, а хвостик под лавочку, - и вся тут.

Сжалился хозяин, пустил лису, а она сует ему на сбережение гуся; хозяин посадил его за решетку к индюшкам. Но сюда уже дошли с базару слухи про лису.

Вот хозяин и думает: "Уж не та ли это лиса, про которую народ бает?" - и стал за нею присматривать. А она, как добрая, улеглась на лавочку и хвост спустила под лавочку; сама же слушает, когда заснут хозяева. Старуха захрапела, а старик притворился, что спит. Вот лиска прыг к решетке, схватила своего гуся, закусила, ощипала и принялась есть. Ест, поест да и отдохнет, - вдруг гуся не одолеешь! Ела она, ела, а старик все приглядывает и видит, что лиса, собрав косточки и перышки, снесла их под печку, а сама улеглась опять и заснула.

Проспала лиса еще дольше прежнего, - уж хозяин ее будить стал:

- Каково-де, лисонька, спала-почивала?

А лисонька только потягивается да глаза протирает.

- Пора тебе, лисонька, и честь знать. Пора в путь собираться, - сказал хозяин, отворяя ей двери настежь.

А лиска ему в ответ:

- Не почто избу студить, и сама пойду, да наперед свое добро заберу. Давай-ка моего гуся!

- Какого? - спросил хозяин.

- Да того, что я тебе вечер отдала на сбережение; ведь ты у меня его принимал?

- Принимал, - отвечал хозяин.

- А принимал, так и подай, - пристала лиса.

- Гуся твоего за решеткой нет; поди хоть сама посмотри - одни индюшки сидят.

Услыхав это, хитрая лиса грянулась об пол и ну убиваться, ну причитать, что за своего-де гуська она бы и индюшки не взяла!

Мужик смекнул лисьи хитрости. "Постой, - думает он, - будешь ты помнить гуся!"

- Что делать, - говорит он. - Знать, надо идти с тобой на мировую.

И обещал ей за гуся индюшку. А вместо индюшки тихонько подложил ей в мешок собаку. Лисонька не догадалась, взяла мешок, простилась с хозяином и пошла.

Шла она, шла, и захотелось ей спеть песенку про себя и про лапоток. Вот села она, положила мешок на землю и только было принялась петь, как вдруг выскочила из мешка хозяйская собака - да на нее, а она от собаки, а собака за нею, не отставая ни на шаг.

Вот забежали обе вместе в лес; лиска по пенькам да по кустам, а собака за нею.

На лисонькино счастье, случилась нора; лиса вскочила в нее, а собака не пролезла в нору и стала над нею дожидаться, не выйдет ли лиса...

А лиса с испугу дышит, не отдышится, а как поотдохнула, то стала сама с

собой разговаривать, стала себя спрашивать:

- Ушки мои, ушки, что вы делали?
- А мы слушали да слушали, чтоб собака лисоньку не скушала.
- Глазки мои, глазки, вы что делали?
- А мы глядели да глядели, чтобы собака лисоньку не съела!
- Ножки мои, ножки, что вы делали?
- А мы бежали да бежали, чтоб собака лисоньку не поймала.
- Хвостик, хвостик, ты что делал?
- А я не давал тебе ходу, за все пеньки да сучки цеплялся.
- А, так ты не давал мне бежать! Пстой, вот я тебя! - сказала лиса и, высунув хвост из норы, закричала собаке: - На вот, съешь его!

Собака схватила лису за хвост и вытащила из норы.

Петушок и бобовое зернышко

Жили-были петушок да курочка. Рылся петушок и вырыл бобок.

- Ко-ко-ко, курочка, ешь бобовое зернышко!

- Ко-ко-ко, петушок, ешь сам!

Съел петушок зернышко и подавился. Позвал курочку:

- Сходи, курочка, к речке, попроси водицы напиться.

Побежала курочка к речке:

- Речка, речка, дай мне водицы: петушок подавился бобовым зернышком!

Речка говорит:

- Сходи к липке, попроси листок, тогда дам водицы.

Побежала курочка к липке:

- Липка, липка, дай мне листок! Отнесу листок речке - речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зернышком.

Липка говорит:

- Сходи к девушке, попроси нитку. Побежала курочка:

- Девушка, девушка, дай нитку! Отнесу нитку липке - липка даст листок, отнесу листок речке - речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зернышком.

Девушка отвечает:

- Сходи к гребенщикам, попроси гребень, тогда дам нитку.

Курочка прибежала к гребенщикам:

- Гребенщики, гребенщики, дайте мне гребень! Отнесу гребень девушке - девушка даст нитку, отнесу нитку липке - липка даст листок, отнесу листок речке - речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зернышком.

Гребенщики говорят:

- Сходи к калашникам, пусть дадут нам калачей. Побежала курочка к

калашникам:

- Калашники, калашники, дайте калачей! Калачи отнесу гребенщикам - гребенщики дадут гребень, отнесу гребень девушке - девушка даст нитку, нитку отнесу липке - липка даст листок, листок отнесу речке - речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зернышком.

Калашники говорят:

- Сходи к дровосекам, пусть нам дров дадут. Пошла курочка к дровосекам:

- Дровосеки, дровосеки, дайте дров! Отнесу дрова калашникам - калашники дадут калачей, калачи отнесу гребенщикам - гребенщики дадут гребень, гребень отнесу девушке - девушка даст нитку, нитку отнесу липке - липка даст листок, листок отнесу речке - речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зернышком.

Дровосеки дали курочке дров.

Отнесла курочка дрова калашникам - калашники дали ей калачей, калачи отдала гребенщикам - гребенщики дали ей гребень, отнесла гребень девушке - девушка дала ей нитку, нитку отнесла липке - липка дала листок, отнесла листок речке - речка дала водицы.

Петушок напился, и проскочило зернышко.

Запел петушок:

- Ку-ка-ре-ку!

Братишка

В. Вересаев.

У угла моей дачи стояла кадушка, полная воды. Рядом куст бузины. На бузине сидели бок о бок два молодых воробья, совсем ещё молодых, с пушком, сквозящим из-за перьев, с ярко-жёлтыми пазухами по краям клювов. Один бойко и уверенно перепорхнул на край кадушки и стал пить. Пил - и всё поглядывал на другого, и перекликался с ним на звенящем своём языке.

Другой - чуть поменьше - с серьёзным видом сидел на ветке и опасливо косился на кадушку. А пить-то, видимо, хотелось - клюв был разинут от жары.

И вдруг я ясно увидел: тот, первый, - он уже давно напился и просто примером своим ободряет другого, показывает, что ничего тут нет страшного. Он непрерывно прыгал по краю кадушки, опускал клюв, захватывал воду и тотчас ронял её из клюва, и поглядывал на брата - звал его. Братишка на ветке решился, слетел к кадушке. Но только коснулся лапками сырого, позеленевшего края, - и сейчас же испуганно порхнул назад на бузину. А тот опять стал его звать.

И добился наконец. Братишка перелетел на кадушку, неуверенно сел, всё время трепыхая крылышками, и напился. Оба улетели.

Показательный ребенок

Зощенко М. М.

Жил-был в Ленинграде маленький мальчик Павлик.

У него была мама. И был папа. И была бабушка.

И вдобавок в их квартире жила кошка, под названием Бубенчик.

Вот утром папа пошёл на работу. Мама тоже ушла. А Павлик остался с бабушкой.

А бабушка была ужасно старенькая. И она любила в кресле спать.

Вот папа ушёл. И мама ушла. Бабушка села в кресло. А Павлик на полу стал играть со своей кошкой. Он хотел, чтобы она ходила на задних лапах. А она не хотела. И мяукала очень жалобно.

Вдруг на лестнице раздался звонок. Бабушка и Павлик пошли открывать двери. Это пришёл почтальон. Он принёс письмо. Павлик взял письмо и сказал:

— Я сам передам папе.

Вот почтальон ушёл. Павлик снова хотел играть со своей кошкой. И вдруг видит—кошки нигде нет. Павлик говорит бабушке:

— Бабушка, вот так номер — наш Бубенчик пропал! Бабушка говорит:

— Наверно, Бубенчик убежал на лестницу, когда мы открыли дверь почтальону.

Павлик говорит:

— Нет, это, наверно, почтальон взял моего Бубенчика. Наверно, он нарочно нам дал письмо, а мою дрессированную кошечку взял себе. Это был хитрый почтальон.

Бабушка засмеялась и говорит шутливо:

— Завтра почтальон придёт, мы отдадим ему это письмо и взамен возьмём у него назад нашу кошечку.

Вот бабушка села в кресло и заснула.

А Павлик надел своё пальто и шапочку, взял письмо и тихонько вышел на лестницу.

«Лучше,—думает,— я сейчас отдам письмо почтальону. И лучше я сейчас возьму от него мою кошечку».

Вот Павлик вышел во двор. И видит—во дворе нету почтальона.

Павлик вышел на улицу. И пошёл по улице. И видит — на улице тоже нигде нет почтальона.

Вдруг какая-то одна рыжая тётка говорит:

— Ах, поглядите все, какой маленький малыш идёт один по улице! Наверно, он потерял свою маму и заблудился. Ах, позовите скорей милиционера!

Вот приходит милиционер со свистком. Тётка ему говорит:

— Поглядите, какой мальчик, лет пяти, заблудился.

Милиционер говорит:

— Этот мальчик держит в ручке письмо. Наверно, на этом письме написан адрес, где он живёт. Мы прочтём этот адрес и доставим ребёнка домой. Это хорошо, что он взял с собой письмо.

Тётка говорит:

— В Америке многие родители нарочно кладут письма в карман своим детям, чтоб они не потерялись.

И с этими словами тётка хочет взять письмо от Павлика.

Павлик ей говорит:

— Что вы волнуетесь? Я знаю, где я живу.

Тётка удивилась, что мальчик так смело ей сказал. И от волнения чуть в лужу не упала. Потом говорит:

— Поглядите, какой бойкий мальчик! Пусть он нам тогда скажет, где он живёт.

Павлик отвечает:

— Улица Фонтанка, пять.

Милиционер поглядел на письмо и говорит:

— Ого, это боевой ребёнок — он знает, где он живёт. Тётка говорит Павлику:

— А как тебя зовут, и кто твой папа? Павлик говорит:

— Мой папа шофёр. Мама ушла в магазин. Бабушка спит в кресле. А меня зовут Павлик.

Милиционер засмеялся и сказал:

— Это боевой, показательный ребёнок — он всё знает. Наверно, он будет начальником милиции, когда подрастёт.

Тётка говорит милиционеру:

— Проводите этого мальчика домой. Милиционер говорит Павлику:

— Ну, маленький товарищ, пойдём домой. Павлик говорит милиционеру:

— Давайте вашу руку — я вас доведу до своего дома. Вот мой красный дом.

Тут милиционер засмеялся. И рыжая тётка тоже засмеялась.

Милиционер сказал:

— Это исключительно боевой, показательный ребёнок. Мало того, что он всё знает,— он ещё меня хочет до дому довести. Этот ребёнок непременно будет начальником милиции.

Вот милиционер дал свою руку Павлику, и они пошли домой.

Только дошли они до своего дома — вдруг мама идёт.

Мама удивилась, что Павлик идёт по улице, взяла его на руки, принесла домой.

Дома она его немножко побранила. Она сказала:

— Ах ты, противный мальчишка, зачем ты убежал на улицу?

Павлик сказал:

— Я хотел у почтальона взять моего Бубенчика. А то мой Бубенчик пропал и, наверно, его взял почтальон.

Мама сказала:

— Что за глупости! Почтальоны никогда не берут кошек. Вон твой Бубенчик сидит на шкафу.

Павлик говорит:

— Вот так номер! Смотрите, куда прыгнула моя дрессированная кошечка.

Мама говорит:

— Наверно, ты, противный мальчишка, её мучил, вот она и забралась на шкаф.

Вдруг проснулась бабушка.

Бабушка, не зная, что случилось, говорит маме:

— Сегодня Павлик очень тихо и хорошо себя вёл. И даже меня не разбудил. Надо за это дать ему конфетку.

Мама говорит:

— Ему не конфетку надо дать, а в угол носом поставить. Он сегодня убежал на улицу.

Бабушка говорит:

— Вот так номер!

Вдруг приходит папа.

Папа хотел рассердиться, зачем мальчик убежал на улицу. Но Павлик подал папе письмо.

Папа говорит:

— Это письмо не мне, а бабушке.

Вот бабушка надела очки на нос и стала читать письмо.

Потом она говорит:

— В городе Москве у моей младшей дочери родился ещё один ребёнок.

Павлик говорит:

— Наверно, родился боевой ребёнок. И, наверно, он будет начальник милиции.

Тут все засмеялись и сели обедать.

На первое был суп с рисом. На второе — котлеты. На третье был кисель.

Кошка Бубенчик долго глядела со своего шкафа, как Павлик кушает. Потом не вытерпела и тоже решила немножко покушать.

Она прыгнула со шкафа на комод, с комода на стул, со стула на пол.

И тогда Павлик дал ей немножко супу и немножко киселя.

И кошка была очень этим довольна.

Бодливая корова.

Ушинский К. Д.

Была у нас корова да такая характерная, бодливая, что беда! Может быть, потому и молока у неё было мало.

Помучились с ней и мать, и сёстры. Бывало, прогонят в стадо, а она или домой в полдень придёт, или в житах очутиться, — иди выручай!

Особенно, когда бывал у нее телёнок — удержи нет! Раз даже весь хлев рогами разворотила, к телёнку билась, а рога-то у неё были длинные да прямые. Уж не раз собирался отец ей рога отпилить, да как-то всё откладывал, будто что предчувствовал старый.

А какая была увёртливая да пряткая! Как поднимет хвост, опустит голову, да махнет, — так и на лошади не догонишь.

Вот раз летом прибежала она от пастуха, еще задолго до вечера: было у ней дома теля. Подоила мать корову, выпустила теля и говорит сестре — девочке эдак лет двенадцати: — Погони, Феня, их к речке, пусть на бережку пасутся, да смотри, чтоб в жито не затесались. До ночи ещё далеко, что им без толку стоять.

Взяла Феня хворостину, погнала и теля, и корову; пригнала на бережок, пустила пастись, а сама под вербой села и стала веночек плести из васильков, что по дороге во ржи нарвала; плетёт и песенку поёт.

Слышит Феня, что-то в лозняке зашуршало, а речка-то с обоих берегов густым лозняком обросла.

Глядит Феня что-то серое сквозь густой лозняк продирается, и покажись глупой девочке, что это наша собака Серко. Известно, волк на собаку совсем похож, только шея неповоротливая, хвост палкой, морда понурая, и глаза блестят; но Феня волка никогда вблизи не видала.

Стала уже Феня собаку манить:

— Серко, Серко! — как смотрит — телёнок, а за ним корова несутся прямо на неё как бешеные. Феня вскочила, прижалась к вербе, не знает, что делать;

телёнок к ней, а корова их обоих задом к дереву прижала, голову наклонила, ревёт, передними копытами землю роет, рога-то прямо волку наставила.

Феня перепугалась, обхватила дерево обеими руками, кричать хочет — голосу нет. А волк прямо на корову кинулся, да и отскочил — с первого раза, видно, задела его рогом. Видит волк, что нахрапом ничего не возьмешь, и стал он кидаться то с той, то с другой стороны, чтобы как-нибудь сбоку в корову вцепиться, или теля отхватить, — только куда не кинется, везде рога ему навстречу.

Феня все ещё не догадывается, в чём дело, хотела бежать, да корова не пускает, так и жмёт к дереву.

Стала тут девочка кричать, на помощь звать... Наш казак пахал тут на взгорке, услышал, что и корова-то ревёт, и девочка кричит, кинул соху и прибежал на крик.

Видит казак, что делается, да не смеет с голыми руками на волка сунуться — такой он был большой да остервенелый; стал казак сына кликать, что пахал тут же на поле.

Как завидел волк, что люди бегут, — унялся, огрызнулся ещё раз, два, завыл да и в лозняк.

Феню казаки едва домой довели — так перепугалась девочка.

Порадовался тогда отец, что не отпилил корове рогов.

Заплата

Носов Н. Н.

Нравится У Бобки были замечательные штаны: зеленые, вернее сказать, защитного цвета. Бобка их очень любил и всегда хвастался:

- Смотрите, ребята, какие у меня штаны. Солдатские!

Все ребята, конечно, завидовали. Ни у кого больше таких зеленых штанов не было.

Однажды Бобка полез через забор, зацепился за гвоздь и порвал эти замечательные штаны. От досады он чуть не заплакал, пошел поскорее домой и стал просить маму зашить.

Мама рассердилась:

- Ты будешь по заборам лазить, штаны рвать, а я зашивать должна?

- Я больше не буду! Зашей, мама!

- Сам зашей.

- Так я же ведь не умею!

- Сумел порвать, сумей и зашить.

- Ну, я так буду ходить, - проворчал Бобка и пошел во двор.

Ребята увидели, что у него на штанах дырка, и стали смеяться.

- Какой же ты солдат, - говорят, - если у тебя штаны порваны?

А Бобка оправдывается:

- Я просил маму зашить, а она не хочет.

- Разве солдатам мамы штаны зашивают? - говорят ребята. - Солдат сам должен уметь все делать: и заплатку поставить и пуговицу пришить.

Бобке стало стыдно.

Пошел он домой, попросил у мамы иголку, нитку и лоскуток зеленой материи. Из материи он вырезал заплатку величиной с огурец и начал пришивать ее к штанам.

Дело это было нелегкое. К тому же Бобка очень спешил и колол себе пальцы иголкой.

- Чего ты колешься? Ах ты, противная! - говорил Бобка иголке и старался схватить ее за самый кончик, так чтоб не уколоться.

Наконец заплатка была пришита. Она торчала на штанах, словно сушеный гриб, а материя вокруг сморщилась так, что одна штанина даже стала короче.

- Ну, куда же это годится? - ворчал Бобка, разглядывая штаны. - Еще хуже, чем было! Придется все наново переделывать.

Он взял ножик и отпорол заплатку. Потом расправил ее, опять приложил к штанам, хорошенько обвел вокруг заплатки чернильным карандашом и стал пришивать ее снова. Теперь он шил не спеша, аккуратно и все время следил, чтобы заплатка не вылезала за черту.

Он долго возился, сопел и кряхтел, зато, когда все сделал, на заплатку было любо взглянуть. Она была пришита ровно, гладко и так крепко, что не отодрать и зубами.

Наконец Бобка надел штаны и вышел во двор. Ребята окружили его.

- Вот молодец! - говорили они. - А заплатка, смотрите, карандашом обведена. Сразу видно, что сам пришивал.

А Бобка вертелся во все стороны, чтобы всем было видно, и говорил:

- Эх, мне бы еще пуговицы научиться пришивать, да жаль, ни одна не оторвалась! Ну ничего. Когда-нибудь оторвется - обязательно сам пришью.

Затейники

Носов Н. Н.

Нравится Мы с Валею затейники. Мы всегда затеваем какие-нибудь игры.

Один раз мы читали сказку "Три поросёнка". А потом стали играть. Сначала мы бегали по комнате, прыгали и кричали:

— Нам не страшен серый волк!

Потом мама ушла в магазин, а Валя сказала:

— Давай, Петя, сделаем себе домик, как у тех поросят, что в сказке.

Мы стащили с кровати одеяло и повесили им стол. Вот и получился дом. Мы залезли в него, а там темно-темно!

Валя говорит:

— Вот и хорошо, что у нас свой дом! Мы всегда будем здесь жить и никого к себе не пустим, а если серый волк придёт, мы его прогоним.

Я говорю:

— Жалко, что у нас в домике нет окон, очень темно!

— Ничего, — говорит Валя. — У поросят ведь домики бывают без окон.

Я спрашиваю:

— А ты меня видишь?

— Нет, а ты меня?

— И я, — говорю, — нет. Я даже себя не вижу.

Вдруг меня кто-то как схватит за ногу! Я как закричу! Выскочил из-под стола, а Валя за мной!

— Что ты? — спрашивает.

— Меня, — говорю, — кто-то схватил за ногу. Может быть, серый волк?

Валя испугалась и бегом из комнаты. Я — за ней. Выбежали в коридор и дверь захлопнули.

— Давай, — говорю, — дверь держать, чтобы он не открыл. Держали мы дверь, держали. Валя и говорит:

— Может быть, там никого нет?

Я говорю:

— А кто же тогда меня за ногу трогал?

— Это я, — говорит Валя, — я хотела узнать, где ты.

— Чего же ты раньше не сказала?

— Я, — говорит, — испугалась. Ты меня испугал.

Открыли мы дверь. В комнате никого нет. А к столу подойти всё-таки боимся: вдруг из-под него серый волк вылезет!

Я говорю:

— Пойди сними одеяло. А Валя говорит:

— Нет, ты пойдя! Я говорю:

— Там же никого нет.

— А может быть, есть! Я подкрался на цыпочках к столу, дёрнул за край одеяла и бегом к двери. Одеяло упало, а под столом никого нет. Мы обрадовались. Хотели починить домик, только Валя говорит:

— Вдруг опять кто-нибудь за ногу схватит!

Так и не стали больше в „три поросёнка" играть.

Подкидыш

Бианки В.

Мальчишки разорили гнездо каменки, разбили её яички. Из разбитых скорлупок выпали голые, слепенькие птенчики.

Только одно из шести яичек мне удалось отобрать у мальчишек целым.

Я решил спасти спрятанного в нём птенчика.

Но как это сделать?

Кто выведет мне его из яйца?

Кто вскормит?

Я знал неподалёку гнездо другой птички — пеночки-пересмешки. Она только что отложила своё четвёртое яичко.

Но примет ли пересмешка подкидыша? Яйцо каменки чисто-голубое. Оно больше и совсем не похоже на яички пересмешки: те — розовые с чёрными точечками. И что будет с птенцом каменки? Ведь он вот-вот должен выйти из яйца, а маленькие пересмешки выклюнутся только ещё дней через двенадцать. Станет ли пересмешка выкармливать подкидыша?

Гнездо пересмешки помещалось на берёзе так невысоко, что я мог достать его рукой.

Когда я подошёл к берёзе, пересмешка слетела с гнезда. Она порхала по ветвям соседних деревьев и жалобно посвистывала, словно умоляла не трогать её гнезда.

Я положил голубое яичко к её малиновым, отошёл и спрятался за куст.

Пересмешка долго не возвращалась к гнезду. А когда, наконец, подлетела, не сразу уселась в него: видно было, что она с недоверием разглядывает чужое голубое яйцо.

Но всё-таки она села в гнездо. Значит, приняла чужое яйцо. Подкидыш стал приёмышем.

Но что будет завтра, когда маленькая каменка выклюнется из яйца?

Когда утром на следующий день я подошёл к берёзе, с одной стороны гнезда торчал носик, с другой — хвост пересмешки.

Сидит!

Когда она слетела, я заглянул в гнездо. Там было четыре розовых яичка и рядом с ними — голый слепенький птенчик каменки.

Я спрятался и скоро увидел, как прилетела пересмешка с гусеничкой в клюве и сунула её в рот маленькой каменке.

Теперь я был уже почти уверен, что пересмешка выкормит моего подкидыша.

Прошло шесть дней. Я каждый день подходил к гнезду и каждый раз видел торчащие из гнезда клювик и хвост пересмешки.

Очень меня удивляло, как она поспекает и каменку кормить и высиживать свои яйца.

Я скорей отходил прочь, чтоб не помешать ей в этом важном деле.

На седьмой день не торчали над гнездом ни клювик, ни хвост. Я подумал: «Всё кончено! Пересмешка покинула гнездо. Маленькая каменка умерла с голоду».

Но нет, в гнезде лежала живая каменка. Она спала и даже не тянула вверх головку, не разевала рта: значит, была сыта. Она так выросла за эти дни, что покрывала своим тельцем чуть видные из-под неё розовые яички.

Тогда я догадался, что приёмыш отблагодарил свою новую мать: теплотой своего тельца он грел её яички — высиживал ей птенцов.

Так оно и было. Пересмешка кормила приёмыша, приёмыш высиживал её птенцов.

Он вырос и вылетел из гнезда у меня на глазах. И как раз к этому времени выклюнулись птенчики из розовых яичек.

Пересмешка принялась выкармливать своих родных птенцов и выкормила их на славу.

Воробьишко.

У воробьев совсем так же, как у людей: взрослые воробьи и воробьи пичужки скучные и обо всем говорят, как в книжках написано, а молодежь живет своим умом.

Жил-был желторотый воробей, звали его Пудик, а жил он над окошком бани за верхним наличником, в теплом гнезде из пакли, моховинок и других мягких материалов. Летать он еще не пробовал, но уже крыльями махал и высматривал из гнезда: хотелось поскорее узнать - что такое божий мир годится ли он для него?

- Что, что? - спрашивала его воробьиша-мама.

Он потряхивал крыльями и, глядя на землю, чирикал:

- Чересчур черна, чересчур!

Прилетал папаша, приносил букашек Пудик и хвастался:

- Чив ли я? Мама-воробьиша одобряла его:

- Чив, чив!

А Пудик глотал букашек и думал: "Чем чванятся - червяка с ножками дали чудо!"

И всё высматривал из гнезда, всё разглядывал.

- Чадо, чадо, - беспокоилась мать, - смотри - чебурахнешься!

- Чем, чем? - спрашивал Пудик.

- Да не чем, а упадешь на землю, кошка - чик! и слопает! - объяснял отец, улетая на охоту.

Так всё и шло, а крылья расти не торопились.

Подул однажды ветер - Пудик спрашивает:

- Что, что?

- Ветер дунет на тебя - чирик! и сбросит на землю - кошке! - объяснила мать.

Это не понравилось Пудуку, он и сказал:

- А зачем деревья качаются? Пусть перестанут, тогда ветра не будет...

Пробовала мать объяснить ему, что это не так, но он не поверил - он любит объяснять всё по-своему.

Идет мимо бани мужик, машет руками.

- Чисто крылья ему оборвала кошка, - сказал Пудик,- одни косточки остались!

- Это человек, они все бескрылые! - сказала воробьяха.

- Почему?

- У них такой чин, чтобы жить без крыльев, они всегда на ногах прыгают, чу!

- Зачем?

- Будь-ка у них крылья, так они бы и ловили нас, как мы с папой мошек...

- Чушь! - сказал Пудик. - Чушь, чепуха! Все должны иметь крылья. Чать, на земле хуже, чем в воздухе!.. Когда я вырасту большой, я сделаю, чтобы все летали.

Пудик не верил маме; он еще не знал, что если маме не верить, это плохо кончится.

Он сидел на самом краю гнезда и во всё горло распевал стихи собственного сочинения:

Эх, бескрылый человек,

У тебя две ножки,

Хоть и очень ты велик,

Едят тебя мошки!

А я маленький совсем,

Зато сам мошек ем.

Пел, пел да и вывалился из гнезда, а воробьяха за ним, а кошка - рыжая

зеленые глаза - тут как тут.

Испугался Пудик, растопырил крылья, качается на сереньких ногах и чирикает:

- Честь имею, имею честь...

А воробиха отталкивает его в сторону, перья у нее дыбом встали - страшная храбрая, клюв раскрыла - в глаз кошке целит.

- Прочь, прочь! Лети, Пудик, лети на окно, лети...

Страх приподнял с земли воробьишку, он подпрыгнул, замахал крыльями раз, раз и - на окне!

Тут и мама подлетела - без хвоста, но в большой радости, села рядом с ним и клюнула его в затылок и говорит:

- Что, что?

- Ну что ж! - сказал Пудик. - Всему сразу не научишься!

А кошка сидит на земле, счищая с лапы воробихины перья, смотрит на них рыжая, зеленые глаза — и сожалительно мяукает:

- Мья-аконький такой воробушек, словно мы-ышка... мя-увы...

И всё кончилось благополучно, если забыть о том, что мама осталась без хвоста...

Волшебная иголочка

В. Осеева

Жила-была Машенька-рукодельница, и была у неё волшебная иголочка. Сошьёт Маша платье — само себя платье стирает и гладит. Разошьёт скатерть пряниками да конфетками, постелит на стол, глядь — и впрямь сладости появляются на столе. Любила Маша свою иголочку, берегла её пуще глаза и всё-таки не уберегла. Пошла как-то в лес по ягоды и потеряла. Искала, искала, всю травку обшарила — нет как нет игопочки. Села Машенька под дерево и давай плакать.

Пожалел девочку Ёжик, вылез из норки и дал ей свою иголку:

— Возьми, Машенька, может, она тебе пригодится!

Поблагодарила его Маша, взяла иголочку, а сама подумала: «Не такая моя была».

И снова давай плакать.

Увидела её слезы высокая старая Сосна — бросила ей свою иголку:

— Возьми, Машенька, может, она тебе пригодится!

Взяла Машенька, поклонилась Сосне низко и пошла по лесу. Идёт, слезы утирает, а сама думает: «Не такая эта иголочка, моя лучше была».

Вот повстречался ей Шелкопряд, идёт — шёлк прядёт, весь шёлковой ниткой обмотался.

— Возьми, Машенька, мой шёлковый моточек, может, он тебе пригодится.

Поблагодарила его девочка и стала спрашивать:

— Шелкопряд, Шелкопряд, ты давно в лесу живёшь, давно шёлк прядёшь, золотые нитки делаешь из шёлка, не знаешь ли, где моя иголка?

Задумался Шелкопряд, покачал головой...

— Иголка твоя, Машенька, у Бабы-Яги — костяной ноги. В избушке на курьих ножках. Только нет туда ни пути, ни дорожки. Мудрено достать её оттуда.

Стала Машенька просить его рассказать, где Баба-Яга — костяная нога живёт.

Рассказал ей всё Шелкопряд:

— Идти туда надо не за солнцем, а за тучкой,

По крапивке да по колючкам,

По овражкам да по болотцу

До самого старого колодца.

Там и птицы гнёзд не вьют,

Одни жабы да змеи живут,

Да стоит избушка на курьих ножках,
Сама Баба-Яга сидит у окошка,
Вышивает себе ковёр-самолёт,
Горе тому, кто туда пойдёт.
Не ходи, Машенька, забудь свою иголку,
Возьми лучше моточек шёлку!

Поклонилась Машенька Шелкопряду в пояс, взяла шёлку моточек и пошла, а Шелкопряд ей вслед кричит:

— Не ходи, Машенька, не ходи!

У Бабы-Яги избушка на курьих ножках,
На курьих ножках в одно окошко.
Сторожит избушку большая сова,
Из трубы торчит Совиная голова,
Ночью Баба-Яга твоей иголкой шьёт,
Вышивает себе ковёр-самолёт.

Горе, горе тому, кто туда пойдёт!

Страшно Машеньке к Бабе-Яге идти, да жалко ей свою иголочку.

Вот выбрала она в небе тёмную тучку,

Повела её тучка

По крапиве да по колючкам

До самого старого колодца,

До зелёного мутного болотца,

Туда, где жабы да змеи живут,

Туда, где птицы свои гнёзда не вьют.

Видит Маша избушку на курьих ножках,

Сама Баба-Яга сидит у окошка,

А из трубы торчит Совиная голова...

Увидела Машу страшная Сова, да как заохает, закричит на весь лес:

— Ох-хо-хо-хо! Кто здесь? Кто здесь?

Испугалась Маша, подкосились у неё ноги от страха. А Сова глазами ворочает, и глаза у неё, как фонари, светятся, один жёлтый, другой зелёный, всё от них кругом желто да зелено!

Видит Машенька, некуда деться ей, поклонилась Сове низко и просит:

— Позволь, Совушка, Бабу-Ягу повидать. У меня к ней дело есть!

Засмеялась Сова, заохала, а Баба-Яга ей из окошка кричит:

— Сова моя, Совушка, само жаркое к нам в печку лезет!

И говорит она девочке так ласково:

— Входи, Машенька, входи!

Я сама тебе все двери открою,
Сама их за тобой и закрою!

Подошла Машенька к избушке и видит: одна дверь железным засовом задвинута, на другой тяжёлый замок висит, на третьей — литая цепь.

Бросила ей Сова три перышка.

— Открой, — говорит, — двери да входи поскорее!

Взяла Машенька одно перышко, приложила к засову — открылась первая дверь, приложила второе перышко к замку — открылась вторая дверь, приложила она третье перышко к литой цепи — упала цепь на пол, открылась перед ней третья дверь! Вошла Маша в избушку и видит: сидит Баба-Яга у окошка, нитки на веретено мотает, а на полу ковёр лежит, на нём крылья шёлком вышиты и Машина иголочка в недошитое крыло воткнута.

Бросилась Маша к иголочке, а Баба-Яга как ударит помелом об пол, как закричит:

— Не трогай мой ковёр-самолёт! Подмети избу, наколи дров, истопи печку, вот кончу ковёр, зажарю тебя и съем!

Схватила иголочку Баба-Яга, шьёт и приговаривает:

— Девчонка, девчонка, завтра ночью

Ковёр дошью да с Совушкой-Совою попирую,

А ты гляди, чтобы избу подмела

И сама бы в печке была!

Молчит Машенька, не откликается,

А ночка чёрная уже надвигается...

Улетела чуть свет Баба-Яга, а Машенька скорей села ковёр дошивать. Шьёт она, шьёт, головы не поднимает, уж три стебелька осталось ей дошить, как вдруг загудела вся чаща вокруг, затряслась, задрожала избушка, потемнело синее небо — возвратилась Баба-Яга и спрашивает:

— Сова моя, Совушка,

Хорошо ли ты ела и пила?

Вкусная ль девчонка была?

Застонала, заохала Сова:

— Не ела, не пила Совиная голова,

А девчонка твоя живёхонька-жива.

Печку не топила, себя не варила,

Ничем меня не кормила.

Вскочила Баба-Яга в избу, а иголочка Машеньке шепчет:

— Вынь иголочку сосновую,

Положи на ковёр как новую,
Меня спрячь подальше!

Улетела опять Баба-Яга, а Машенька скорей за дело принялась: шьёт-вышивает, головы не поднимает, а Сова ей кричит:

— Девчонка, девчонка, почему из трубы дым не поднимается?

Отвечает ей Машенька:

— Сова моя, Совушка,
Плохо печь разгорается.

А сама дрова кладёт, огонь разжигает.

А Сова опять:

— Девчонка, девчонка, кипит ли вода в котле?

А Машенька ей отвечает:

— Не кипит вода в котле.

Стоит котёл на столе.

А сама ставит на огонь котёл с водой и опять за работу садится. Шьёт Машенька, шьёт, так и бегают иголочка по ковру, а Сова опять кричит:

— Топи печку, я есть хочу!

Подложила Маша дров, пошёл дым к Сове.

— Девчонка, девчонка! — кричит Сова. — Садись в горшок, накройся крышкой и полезай в печь!

А Маша и говорит:

— Я бы рада тебе, Совушка, угодить, да в горшке воды нет!

А сама всё шьёт да шьёт, уж один стебелёк ей остался.

Вынула у себя Сова перышко и бросила ей в окошко:

— На, открой дверь, сходи за водой, да смотри мне, коль увижу, что ты бежать собираешься, кликну Бабу-Ягу, она тебя живо догонит!

Открыла Машенька дверь и говорит:

— Сова моя, Совушка, зайди в избу да покажи, как надо в горшок садиться, как крышкой накрыться.

Рассердилась Сова да как прыгнет в трубу и в котёл угодила! Задвинула Маша заслонку, а сама села ковёр дошивать. Как вдруг задрожала земля, зашумело всё вокруг, вырвалась у Маши из рук иголочка:

— Бежим, Машенька, скорей,

Открывай трое дверей,

Бери ковёр-самолёт,

Беда на нас идёт!

Схватила Машенька ковёр-самолёт, открыла Совиным перышком двери и побежала. Прибежала в лес, села под Сосной ковёр дошивать. Белеет в руках

проворная иголочка, блестит, переливается шёлковый моточек ниток, совсем немножко остаётся дошить Маше.

А Баба-Яга вскочила в избушку, потянула носом воздух и кричит:

— Сова моя, Совушка,

Где ты гуляешь,

Почему меня не встречаешь?

Вытащила она из печки котёл, взяла большую ложку, ест и похваливает:

— До чего девчонка вкусна,

До чего похлёбка жирна!

Съела она всю похлёбку до самого доньшка, глядит — а на доньшке Совиные перышки! Глянула на стенку, где ковёр висел, а ковра то и нет! Догадалась она тут, в чем дело, затряслась от злости, схватила себя за седые космы и давай по избе кататься:

— Я тебя, я тебя

За Совушку-Сову

В клочки разорву!

Села она на своё помело и взвилась в воздух; летит, сама себя веником пришпоривает.

А Машенька под Сосной сидит, шьёт, торопится, уж последний стежок ей остаётся. Спрашивает она Сосну высокою:

— Сосна моя милая,

Далеко ли ещё Баба-Яга?

Отвечает ей сосна:

— Пролетела Баба-Яга Зелёные Луга,

Помелом взмахнула, на лес повернула...

Ещё пуще торопится Машенька, уж совсем ей немного остаётся, да нечем дошить, кончились у неё нитки шёлковые. Заплакала Машенька. Вдруг откуда ни возьмись — Шелкопряд:

— Не плачь, Машенька, на тебе шёлку,

Вдень мою нитку в иголку!

Взяла Маша нитку и опять шьёт.

Вдруг закачались деревья, поднялась дыбом трава, налетела Баба-Яга как вихрь! Да не успела она на землю спуститься, как подставила ей Сосна свои ветки, запуталась она в них и прямо около Маши на землю упала.

А уж Машенька последний стежок дошила и ковёр-самолёт расстелила, только сесть на него остаётся.

А Баба-Яга уже с земли поднимается. Бросила в неё Маша ежину иголку: прибежал старый Ёж, кинулся Бабе-Яге в ноги, колет её своими

иголками, не даёт с земли встать. А Машенька тем временем на ковёр вскочила, взвился ковёр самолёт под самые облака и в одну секунду домчал Машеньку домой.

Стала жить она, поживать, шить вышивать людям на пользу, себе на радость, а иголочку свою берегла пуще глаза. А Бабу-Ягу затолкали ежи в болото, там она и затонула на веки вечные.

Сказка про Комара Комаровича
длинный нос и мохнатого мишу
короткий хвост.

Д. Мамин - Сибиряк

!

Это случилось в самый полдень, когда все комары спрятались от жары в болото. Комар Комарович – длинный нос прикорнул под широкий лист и заснул. Спит и слышит отчаянный крик:

– Ой, батюшки!.. ой, карраул!..

Комар Комарович выскочил из-под листа и тоже закричал:

– Что случилось?.. Что вы орёте?

А комары летают, жужжат, пищат – ничего разобрать нельзя.

– Ой, батюшки!.. Пришёл в наше болото медведь и завалился спать. Как лёг в траву, так сейчас же задавил пятьсот комаров; какдохнул – проглотил целую сотню. Ой, беда, братцы! Мы едва унесли от него ноги, а то всех бы передавил...

Комар Комарович – длинный нос сразу рассердился; рассердился и на медведя и на глупых комаров, которые пищали без толку.

– Эй вы, перестаньте пищать! – крикнул он. – Вот я сейчас пойду и прогоню медведя... Очень просто! А вы орёте только напрасно...

Ещё сильнее рассердился Комар Комарович и полетел. Действительно, в болоте лежал медведь. Забрался в самую густую траву, где комары жили с испокон века, развалился и носом сопит, только свист идёт, точно кто на трубе играет. Вот бессовестная тварь!.. Забрался в чужое место, погубил напрасно столько комариных душ да ещё спит так сладко!

– Эй, дядя, ты это куда забрался? – закричал Комар Комарович на весь лес, да так громко, что даже самому сделалось страшно.

Мохнатый Миша открыл один глаз – никого не видно, открыл другой глаз едва рассмотрел, что летает комар над самым его носом.

– Тебе что нужно, приятель? – заворчал Миша и тоже начал сердиться.

Как же, только расположился отдохнуть, а тут какой-то негодяй пищит.

– Эй, уходи подобру-поздорову, дядя!..

Миша открыл оба глаза, посмотрел на нахала, фукнул носом и окончательно рассердился.

– Да что тебе нужно, негодная тварь? – зарычал он.

– Уходи из нашего места, а то я шутить не люблю... Вместе с шубой тебя съем.

Медведю сделалось смешно. Перевалился он на другой бок, закрыл морду лапой и сейчас же захрапел.

И

Полетел Комар Комарович обратно к своим комарам и трубит на всё болото:

– Ловко я напугал мохнатого Мишку!.. В другой раз не придёт.

Подивились комары и спрашивают:

– Ну, а сейчас-то медведь где?

– А не знаю, братцы... Сильно струсил, когда я ему сказал, что съем, если не уйдёт. Ведь я шутить не люблю, а так прямо и сказал: съем. Боюсь, как бы он не околел со страху, пока я к вам летаю... Что же, сам виноват!

Запищали все комары, зажужжали и долго спорили, как им быть с невежей медведем. Никогда ещё в болоте не было такого страшного шума.

Пищали, пищали и решили – выгнать медведя из болота.

– Пусть идёт к себе домой, в лес, там и спит. А болото наше... Ещё отцы и деды наши вот в этом самом болоте жили.

Одна благоразумная старушка Комариха посоветовала было оставить медведя в покое: пусть его полежит, а когда выспится – сам уйдёт, но на неё все так накинулись, что бедная едва успела спрятаться.

– Идём, братцы! – кричал больше всех Комар Комарович. – Мы ему покажем... да!

Полетели комары за Комар Комаровичем. Летят и пищат, даже самим страшно делается. Прилетели, смотрят, а медведь лежит и не шевелится.

– Ну, я так и говорил: умер бедняга со страху! – хвастался Комар Комарович. – Даже жаль немножко, вой какой здоровый медведище...

– Да он спит, братцы, – пропищал маленький комаришка, подлетевший к самому медвежьему носу и чуть не втянутый туда, как в форточку.

– Ах, бесстыдник! Ах, бессовестный! – запищали все комары разом и подняли ужасный гвалт. – Пятьсот комаров задавил, сто комаров проглотил и сам спит как ни в чём не бывало...

А мохнатый Миша спит себе да носом посвистывает.

– Он притворяется, что спит! – крикнул Комар Комарович и полетел на медведя. – Вот я ему сейчас покажу... Эй, дядя, будет притворяться!

Как налетит Комар Комарович, как вопьётся своим длинным носом прямо в чёрный медвежий нос, Миша так и вскочил – хватить лапой по носу, а Комар Комаровича как не бывало.

– Что, дядя, не понравилось? – пищит Комар Комарович. – Уходи, а то хуже будет... Я теперь не один Комар Комарович – длинный нос, а прилетели со мной и дедушка, Комарище – длинный носище, и младший брат, Комаришко длинный носишко! Уходи, дядя...

– А я не уйду! – закричал медведь, усаживаясь на задние лапы. – Я вас всех передавлю...

– Ой, дядя, напрасно хвастаешь...

Опять полетел Комар Комарович и впился медведю прямо в глаз. Заревел медведь от боли, хватил себя лапой по морде, и опять в лапе ничего, только чуть глаз себе не вырвал когтем. А Комар Комарович вьётся над самым медвежьим ухом и пищит:

– Я тебя съем, дядя...

III

Рассердился окончательно Миша. Выворотил он вместе с корнем целую берёзу и принялся колотить ею комаров.

Так и ломит со всего плеча... Бил, бил, даже устал, а ни одного убитого комара нет, – все выются над ним и пищат. Тогда ухватил Миша тяжёлый камень и запустил им в комаров – опять толку нет.

– Что, взял, дядя? – пищал Комар Комарович. – А я тебя всё-таки съем...

Долго ли, коротко ли сражался Миша с комарами, только шуму было много. Далеко был слышен медвежий рёв. А сколько он деревьев вырвал, сколько камней выворотил!.. Всё ему хотелось зацепить первого Комар Комаровича, – ведь вот тут, над самым ухом вьётся, а хватит медведь лапой, и опять

ничего, только всю морду себе в кровь исцарапал.

Обессилел наконец Миша. Присел он на задние лапы, фыркнул и придумал новую штуку – давай кататься по траве, чтобы передавить всё комариное царство. Катался, катался Миша, однако и из этого ничего не вышло, а только ещё больше устал он. Тогда медведь спрятал морду в мох. Вышло того хуже комары вцепились в медвежий хвост. Окончательно расвирепел медведь.

– Постойте, вот я вам задам!.. – ревел он так, что за пять вёрст было слышно. – Я вам покажу штуку... я... я... я...

Отступили комары и ждут, что будет. А Миша на дерево вскарабкался, как акробат, засел на самый толстый сук и ревёт:

– Ну-ка, подступитесь теперь ко мне... Всем носы пообломаю!..

Засмеялись комары тонкими голосами и бросились на медведя уже всем войском. Пищат, кружатся, лезут... Отбивался, отбивался Миша, проглотил нечаянно штук сто комариного войска, закашлялся да как сорвётся с сука, точно мешок... Однако поднялся, почесал ушибленный бок и говорит:

– Ну что, взяли? Видели, как я ловко с дерева прыгаю?..

Ещё тоньше рассмеялись комары, а Комар Комарович так и трубит:

– Я тебя съем... я тебя съем... съем... съем!..

Изнемог окончательно медведь, выбился из сил, а уходить из болота стыдно. Сидит он на задних лапах и только глазами моргает.

Выручила его из беды лягушка. Выскочила из-под кочки, присела на задние лапки и говорит:

– Охота вам, Михайло Иванович, беспокоить себя напрасно!.. Не обращайтесь вы на этих дрянных комаришек внимания. Не стоит.

– И то не стоит, – обрадовался медведь. – Я это так... Пусть-ка они ко мне в берлогу придут, да я... я...

Как повернётся Миша, как побежит из болота, а Комар Комарович – длинный нос летит за ним, летит и кричит:

– Ой, братцы, держите! Убежит медведь... Держите!..

Собрались все комары, посоветовались и решили: "Не стоит! Пусть его уходит – ведь болото-то осталось за нами!"

Первая охота

В. Бианки

Надоело Щенку гонять кур по двору. "Пойду-ка, — думает, — на охоту за дикими зверями и птицами". Шмыгнул в подворотню и побежал по лугу. Увидели его дикие звери, птицы и насекомые и думают каждый про себя.

Выпь думает: "Я его обману!"

Удод думает: "Я его удивлю!"

Вертишейка думает: "Я его напугаю!"

Ящерка думает: "Я от него вывернусь!"

Гусеницы, бабочки, кузнечики думают: "Мы от него спрячемся!"

"А я его прогоню!" — думает Жук-Бомбардир.

"Мы все за себя постоять умеем, каждый по-своему!" — думают они про себя.

А Щенок уже побежал к озерку и видит: стоит у камыша Выпь на одной ноге по колено в воде.

"Вот я ей сейчас поймаю!" — думает Щенок и совсем уж приготовился прыгнуть ей на спину.

А Выпь глянула на него и шагнула в камыш.

Ветер по озеру бежит, камыш колышет. Камыш качается взад-вперед, взад-вперед. У Щенка перед глазами желтые и коричневые полосы качаются взад-вперед, взад-вперед. А Выпь стоит в камыше, вытянулась - тонкая-тонкая, и вся в желтые и коричневые полосы раскрашена. Стоит, качается взад-вперед, взад-вперед. Щенок глаза выпучил, смотрел, смотрел - не видит Выпи в камыше.

"Ну, — думает, — обманула меня Выпь. Не прыгать же мне в пустой камыш! Пойду другую птицу поймаю".

Выбежал на пригорок, смотрит: сидит на земле Удод, хохлом играет, — то развернет, то сложит.

"Вот я на него сейчас с пригорка прыгну!" — думает Щенок.

А Удод припал к земле, крылья распластал, хвост раскрыл, клюв вверх поднял. Смотрит Щенок: нет птицы, а лежит на земле пестрый лоскут и торчит из него кривая игла.

Удивился щенок: "Куда же Удод девался? Неужели я эту пеструю тряпку за него принял? Пойду поскорей маленькую птичку поймаю".

Подбежал к дереву и видит: сидит на ветке маленькая птица Вертишейка. Кинулся к ней, а Вертишейка юрк в дупло.

"Ага! — думает Щенок. — Попалась!"

Поднялся на задние лапы, заглянул в дупло, а в черном дупле черная змея извивается и страшно шипит. Отшатнулся Щенок, шерсть дыбом поднял — и наутек.

В Вортишщейка шипит ему вслед из дупла, головой крутит, по спине у нее змейкой извивается полоска черных перьев.

"Уф! напугала как! Еле ноги унес. Больше не стану на птиц охотиться. Пойду лучше Ящерку поймаю".

Ящерка сидела на камне, глаза закрыла, грелась на солнышке.
Тихнько к ней подкрался Щенок, — прыг! — и ухватил за хвост.
А Ящерка извернулась, хвост в зубах у него оставила, сама — под камень!
Хвост в зубах у Щенка извивается.
Фыркнул Щенок, бросил хвост — и за ней. Да куда там! Ящерка давно под
камнем сидит, новый хвост себе отращивает.
"Ну, — думает Щенок, — уж если Ящерка и та от меня вывернулась, так я
хоть насекомых наловлю".
Посмотрел кругом, а по земле жуки бегают, в траве кузнечики прыгают, по
веткам гусеницы ползают, по воздуху бабочки летают.
Бросился Щенок ловить их, и вдруг — стало кругом, как на загадочной
картинке, все тут, а никого не видно — спрятались все.
Зеленые кузнечики в зеленой траве притаились. Гусеницы на веточках
вытянулись и замерли, — их от сучков не отличишь. Бабочки сели на
деревья, крылья сложили, — не разберешь, где кора, где листья, где бабочки.
Один крошечный Жук-Бомбардир идет себе по земле, никуда не прячется.
Догнал его Щенок, хотел схватить, а Жук-Бомбардир остановился, да как
пальнет в него летучей едкой стружкой — прямо в нос попал!
Взвизгнул Щенок, хвост поджал, повернулся — да через луг, да в
подворотню. Забился в конкуру и нос высунуть боится.
А звери, птицы и насекомые — все опять за свои дела принялись.

Муниципальное бюджетное дошкольное образовательное учреждение
детский сад комбинированного вида №7 г. Кропоткин
муниципального образования Кавказский район

Старший возраст

2013 год

Косточка

Толстой Л. Н.

Купила мать слив и хотела их дать детям после обеда. Они лежали на тарелке. Ваня никогда не ел слив и всё нюхал их. И очень они ему нравились. Очень хотелось съесть. Он всё ходил мимо слив. Когда никого не было в горнице, он не удержался, схватил одну сливу и съел.

Перед обедом мать сочла сливы и видит, одной нет. Она сказала отцу.

За обедом отец и говорит:

— А что, дети, не съел ли кто-нибудь одну сливу?

Все сказали:

— Нет.

Ваня покраснел, как рак, и сказал тоже:

— Нет, я не ел.

Тогда отец сказал:

— Что съел кто-нибудь из вас, это нехорошо; но не в том беда. Беда в том, что в сливах есть косточки, и если кто не умеет их есть и проглотит косточку, то через день умрёт. Я этого боюсь.

Ваня побледнел и сказал:

— Нет, я косточку бросил за окошко.

И все засмеялись, а Ваня заплакал.

Прыжок

Толстой Л. Н.

Один корабль обошёл вокруг света и возвращался домой. Была тихая погода, весь народ был на палубе. Посреди народа вертелась большая обезьяна и забавляла всех. Обезьяна эта корчилась, прыгала, делала смешные рожи, передразнивала людей, и видно было — она знала, что ею забавляются, и оттого ещё больше расходилась.

Она подпрыгнула к 12-летнему мальчику, сыну капитана корабля, сорвала с его головы шляпу, надела и живо взобралась на мачту. Все засмеялись, а мальчик остался без шляпы и сам не знал, смеяться ли ему, или плакать. Обезьяна села на первой перекладине мачты, сняла шляпу и стала зубами и лапами рвать её. Она как будто дразнила мальчика, показывала на него и делала ему рожи. Мальчик погрозил ей и крикнул на неё, но она ещё злее рвала шляпу.

Матросы громче стали смеяться, а мальчик покраснел, скинул куртку и бросился за обезьяной на мачту. В одну минуту он взобрался по верёвке на первую перекладину; но обезьяна ещё ловчее и быстрее его, в ту самую минуту, как он думал схватить шляпу, взобралась ещё выше.

— Так не уйдёшь же ты от меня! — закричал мальчик и полез выше.

Обезьяна опять подманила его, полезла ещё выше, но мальчика уже разобрал задор, и он не отставал. Так обезьяна и мальчик в одну минуту добрались до самого верха.

На самом верху обезьяна вытянулась во всю длину и, зацепившись задней рукой за верёвку, повесила шляпу на край последней перекладины, а сама взобралась на макушку мачты и оттуда корчилась, показывала зубы и радовалась.

От мачты до конца перекладины, где висела шляпа, было аршина два, так что достать её нельзя было иначе, как выпустить из рук верёвку и мачту.

Но мальчик очень раззадорился. Он бросил мачту и ступил на перекладину. На палубе все смотрели и смеялись тому, что выделявали обезьяна и капитанский сын; но как увидели, что он пустил верёвку и ступил на перекладину, покачивая руками, все замерли от страха.

Стоило ему только оступиться — и он бы вдребезги разбился о палубу. Да если б даже он и не оступился, а дошёл до края перекладины и взял шляпу, то

трудно было ему повернуться и дойти назад до мачты. Все молча смотрели на него и ждали, что будет.

Вдруг в народе кто-то ахнул от страха. Мальчик от этого крика опомнился, глянул вниз и зашатался.

В это время капитан корабля, отец мальчика, вышел из каюты. Он нёс ружьё, чтобы стрелять чаек.

Он увидел сына на мачте, и тотчас же прицелился в сына и закричал:

- В воду! прыгай сейчас в воду! застрелю!

Мальчик шатался, но не понимал. «Прыгай или застрелю!.. Раз, два...» и как только отец крикнул: «три» — мальчик размахнулся головой вниз и прыгнул.

Точно пушечное ядро, шлёпнуло тело мальчика в море, и не успели волны закрыть его, как уже 20 молодых матросов спрыгнули с корабля в море. Секунд через 40 — они долги показались всем — вынырнуло тело мальчика.

Его схватили и вытащили на корабль. Через несколько минут у него изо рта и из носа полилась вода, и он стал дышать.

Когда капитан увидел это, он вдруг закричал, как будто его что-то душило, и убежал к себе в каюту, чтоб никто не видал, как он плачет.

Лев и собачка.

Л. Толстой

В Лондоне показывали диких зверей и за смотренье брали деньгами или собаками и кошками на корм диким зверям. Одному человеку захотелось поглядеть зверей: он ухватил на улице собачонку и принёс её в зверинец. Его пустили смотреть, а собачонку взяли и бросили в клетку ко льву на съеденье. Собачка поджала хвост и прижалась в угол клетки. Лев подошёл к ней и понюхал её. Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостиком. Лев тронул её лапой и перевернул. Собачка вскочила и стала перед львом на задние лапки. Лев смотрел на собачку, поворачивал голову со стороны на сторону и не трогал её.

Когда хозяин бросил льву мяса, лев оторвал кусок и оставил собачке. Вечером, когда лев лёг спать, собачка легла подле него и положила свою голову ему на лапу. С тех пор собачка жила в одной клетке со львом, лев не трогал её, ел корм, спал с ней вместе, а иногда играл с ней.

Один раз барин пришёл в зверинец и узнал свою собачку; он сказал, что собачка его собственная, и попросил хозяина зверинца отдать ему. Хозяин хотел отдать, но, как только стали звать собачку, чтобы взять её из клетки, лев ошестинился и зарычал.

Так прожили лев и собачка целый год в одной клетке. Через год собачка заболела и издохла. Лев перестал есть, а всё нюхал, лизал собачку и трогал её лапой.

Когда он понял, что она умерла, он вдруг вспрыгнул, ошестинился, стал хлестать себя хвостом по бокам, бросился на стену клетки и стал грызть засовы и пол. Целый день он бился, метался в клетке и ревел, потом лёг подле мёртвой собачки и затих. Хозяин хотел унести мёртвую собачку, но лев никого не подпускал к ней. Хозяин думал, что лев забудет своё горе, если ему дать другую собачку, и пустил к нему в клетку живую собачку; но лев тотчас разорвал её на куски. Потом он обнял своими лапами мёртвую собачку и так лежал пять дней. На шестой день лев умер.

Живая шляпа

Носов Н. Н.

Нравится Шляпа лежала на комод, котенок Васька сидел на полу возле комода, а Вовка и Вадик сидели за столом и раскрашивали картинки. Вдруг позади них что-то плюхнулось - упало на пол. Они обернулись и увидели на полу возле комода шляпу.

Вовка подошел к комоду, нагнулся, хотел поднять шляпу - и вдруг как закричит:

- Ай-ай-ай! - и бегом в сторону.
- Чего ты? - спрашивает Вадик.
- Она жи-жи-живая!
- Кто живая?
- Шля-шля-шля-па.
- Что ты! Разве шляпы бывают живые?
- По-посмотри сам!

Вадик подошел поближе и стал смотреть на шляпу. Вдруг шляпа поползла прямо к нему. Он как закричит:

- Ай! - и прыг на диван. Вовка за ним.

Шляпа вылезла на середину комнаты и остановилась. Ребята смотрят на нее и трясутся от страха. Тут шляпа повернулась и поползла к дивану.

- Ай! Ой! - закричали ребята.

Соскочили с дивана - и бегом из комнаты. Прибежали на кухню и дверь за собой закрыли.

- Я у-у-хо-хо-жу! - говорит Вовка.
- Куда?
- Пойду к себе домой.
- Почему?

- Шляпы бо-боюсь! Я первый раз вижу, чтоб шляпа по комнате ходила.

- А может быть, ее кто-нибудь за веревочку дергает?

- Ну, пойдй посмотри.

- Пойдем вместе. Я возьму клюшку. Если она к нам полезет, я ее клюшкой тресну.

- Постой, я тоже клюшку возьму.

- Да у нас другой клюшки нет.

- Ну, я возьму лыжную палку.

Они взяли клюшку и лыжную палку, приоткрыли дверь и заглянули в комнату.

- Где же она? - спрашивает Вадик.

- Вон там, возле стола.

- Сейчас я ее как тресну клюшкой! - говорит Вадик. - Пусть только подлезет ближе, бродяга такая!

Но шляпа лежала возле стола и не двигалась.

- Ага, испугалась! - обрадовались ребята. - Боится лезть к нам.

- Сейчас я ее спугну, - сказал Вадик.

Он стал стучать по полу клюшкой и кричать:

- Эй ты, шляпа!

Но шляпа не двигалась.

- Давай наберем картошки и будем в нее картошкой стрелять, - предложил Вовка.

Они вернулись на кухню, набрали из корзины картошки и стали швырять ее в шляпу" Швыряли, швыряли, наконец Вадик попал. Шляпа как подскочит кверху!

- Мяу! - закричало что-то. Глядь, из-под шляпы высунулся серый хвост, потом лапа, а потом и сам котенок выскочил.

- Васька! - обрадовались ребята.

- Наверно, он сидел на полу, а шляпа на него с комода упала, - догадался Вовка.

Вадик схватил Ваську и давай его обнимать!

- Васька, миленький, как же ты под шляпу попал?

Но Васька ничего не ответил, Он только фыркнул и жмурился от света.

Горбушка

Б. А. Алмазов

Гришка, из нашей средней группы, принёс в детский сад пластмассовую трубочку. Посвистел в неё, а потом стал плевать из неё пластилиновыми шариками. Плевался исподтишка, чтобы воспитательница — Инна Константиновна — ничего не видела.

Я дежурил в столовой. Суп разносить трудно, но я разнёс все тарелки хорошо. Стал раскладывать хлеб на хлебницы. Тут все ребята подошли. Пришёл и Гришка со своей трубочкой. Он как дунет в меня! Пластилиновый шарик попал мне прямо в лоб и отскочил в мою тарелку с супом. Гришка захохотал, и ребята захихикали.

Мне так обидно стало. Я старался, дежурил, а он мне в лоб, и все смеются! В руке у меня была горбушка. Я себе её оставил, я горбушки люблю. От обиды я запустил этой горбушкой в Гришку. Горбушка от его головы отскочила и покатила по полу.

В столовой сразу стало тихо. Инна Константиновна посмотрела на меня, покраснела, прошла через столовую, подняла горбушку, сдула с неё пыль и положила на край стола.

— Вечером, — сказала она, — когда все, после полдника, пойдут гулять, ты, Серёжа, останешься в группе. Подумай над тем, что сделал. Ты приходишь в детский сад один, но завтра приходи с папой.

Когда я пришёл домой, папа уже вернулся с работы.

— Ну как дела? — спросил он.

— Нормально, — ответил я и поспешил к своим игрушкам.

— Если нормально, то почему некоторые в шапке в комнату входят; явившись с улицы, не моют руки?

Действительно, я и шапки не снял, и руки не помыл.

— Давай-ка, — сказал папа, — рассказывай, что у тебя стряслось.

— Инна Константиновна несправедливо наказывает! Гришка же мне первый в лоб шариком попал. Я в него горбушкой потом...

— Горбушкой?

— Ну да, от круглого хлеба. Гришка первый, а наказали меня!

Папа очень расстроился. Сел на диван, опустил голову.

— За что тебя наказали? — спросил он.

— Чтобы не дрался! Но ведь Гришка первый начал!

— Так!.. — сказал папа. — Ну-ка, принеси мою папку. Она в столе лежит, в нижнем ящике.

Папа её очень редко достаёт. Там папины почётные грамоты, фотографии.

Папа достал конверт из пожелтевшей бумаги.

— Ты никогда не задумывался, почему у тебя нет ни бабушки ни дедушки?

— Задумывался, — сказал я. — У некоторых ребят по два дедушки и по две бабушки, а у меня никого...

— А почему их нет? — спросил папа.

— Они погибли на войне.
— Да, — сказал папа. Он достал узенькую полоску бумаги. — «Извещение»,
— прочитал он, и я увидел, как у папы задрожал подбородок: — «Проявив мужество и героизм в составе морского десанта, пал смертью храбрых...» — это один твой дедушка. Мой отец. А вот это: «Скончался от ран...» — это второй дедушка, мамин папа.
— А бабушки?
— Они умерли в блокаду. Фашисты окружили наш город. Начался голод. Ленинград остался совсем без продовольствия.
— И без хлеба?
— На день выдавали такой кусочек, какой ты съедаешь за обедом.
— И всё?
— И всё... Да и хлеб-то был с мякиной да с хвоей... Блокадный... Папа достал фотографию.
— Ну, — сказал он, — найди меня.
Но все ребята-школьники были ужасно худые и похожи между собой, как братья. У всех были усталые лица и печальные глаза.
— Вот я, — папа показал на мальчика во втором ряду. — А вот — мама. Я бы её никогда не узнал.
— Это наш детский дом. Нас не успели вывезти, и мы всю блокаду были в Ленинграде. Иногда к нам приходили солдаты или моряки. Приносили хлеб. Мама наша была совсем маленькая и радовалась: «Хлебушко! Хлебушко!» А мы, ребята постарше, понимали, что это бойцы отдали нам свой дневной паёк и на морозе в окопах сидят совсем голодные...
Я обхватил папу руками и закричал:
— Папочка! Накажи меня как хочешь!
— Что ты! Что ты!.. Ты только пойми, сынок, хлеб — не просто еда... А ты его на пол...
— Я больше никогда не буду! — прошептал я.
— Я знаю, — сказал папа.
Мы стояли у окна. Наш большой Ленинград, засыпанный снегом, светился огнями и был таким красивым...
— Папа, ты завтра, когда в садик придёшь, про хлеб расскажи. Всем ребятам расскажи, даже Гришке...
— Хорошо, — сказал папа, — приду и расскажу.

Друг детства

Драгунский

Когда мне было лет шесть или шесть с половиной, я совершенно не знал, кем же я в конце концов буду на этом свете. Мне все люди вокруг очень нравились и все работы тоже. У меня тогда в голове была ужасная путаница, я был какой-то растерянный и никак не мог толком решить, за что же мне приниматься.

То я хотел быть астрономом, чтоб не спать по ночам и наблюдать в телескоп далекие звезды, а то я мечтал стать капитаном дальнего плавания, чтобы стоять, расставив ноги, на капитанском мостике, и посетить далекий Сингапур, и купить там забавную обезьянку. А то мне до смерти хотелось превратиться в машиниста метро или начальника станции и ходить в красной фуражке и кричать толстым голосом:

- Го-о-тов!

Или у меня разгорался аппетит выучиться на такого художника, который рисует на уличном асфальте белые полосы для мчащихся машин. А то мне казалось, что неплохо бы стать отважным путешественником вроде Алена Бомбара и переплыть все океаны на утлом челноке, питаясь одной только сырой рыбой. Правда, этот Бомбар после своего путешествия похудел на двадцать пять килограммов, а я всего-то весил двадцать шесть, так что выходило, что если я тоже поплыву, как он, то мне худеть будет совершенно некуда, я буду весить в конце путешествия только одно кило. А вдруг я где-нибудь не поймаю одну-другую рыбку и похудею чуть побольше? Тогда я, наверно, просто растаю в воздухе как дым, вот и все дела.

Когда я все это подсчитал, то решил отказаться от этой затеи, а на другой день мне уже приспичило стать боксером, потому что я увидел в телевизоре розыгрыш первенства Европы по боксу. Как они молотили друг друга - просто ужас какой-то! А потом показали их тренировку, и тут они колотили уже тяжелую кожаную "грушу" - такой продолговатый тяжелый мяч, по нему надо бить изо всех сил, лупить что есть мочи, чтобы развивать в себе силу удара. И я так нагляделся на все на это, что тоже решил стать самым сильным человеком во дворе, чтобы всех побивать, в случае чего.

Я сказал папе:

- Папа, купи мне грушу!

- Сейчас январь, груш нет. Съешь пока морковку.

Я рассмеялся:

- Нет, папа, не такую! Не съедобную грушу! Ты, пожалуйста, купи мне обыкновенную кожаную боксерскую грушу!

- А тебе зачем? - сказал папа.

- Тренироваться, - сказал я. - Потому что я буду боксером и буду всех побивать. Купи, а?

- Сколько же стоит такая груша? - поинтересовался папа.

- Пустяки какие-нибудь, - сказал я. - Рублей десять или пятьдесят.

- Ты спятил, братец, - сказал папа. - Перебейся как-нибудь без груши. Ничего с тобой не случится.

И он оделся и пошел на работу.

А я на него обиделся за то, что он мне так со смехом отказал. И мама сразу же заметила, что я обиделся, и тотчас сказала:

- Стой-ка, я, кажется, что-то придумала. Ну-ка, ну-ка, погоди-ка одну минуточку.

И она наклонилась и вытащила из-под дивана большую плетеную корзинку; в ней были сложены старые игрушки, в которые я уже не играл. Потому что я уже вырос и осенью мне должны были купить школьную форму и картуз с блестящим козырьком.

Мама стала копаться в этой корзинке, и, пока она копалась, я видел мой старый трамвайчик без колес и на веревочке, пластмассовую дудку, помятый волчок, одну стрелу с резиновой нашлепкой, обрывок паруса от лодки, и несколько погремушек, и много еще разного игрушечного утиля. И вдруг мама достала со дна корзинки здоровущего плюшевого Мишку.

Она бросила его мне на диван и сказала:

- Вот. Это тот самый, что тебе тетя Мила подарила. Тебе тогда два года исполнилось. Хороший Мишка, отличный. Погляди, какой тугой! Живот какой толстый! Ишь как выкатил! Чем не груша? Еще лучше! И покупать не надо! Давай тренируйся сколько душе угодно! Начинай!

И тут ее позвали к телефону, и она вышла в коридор.

А я очень обрадовался, что мама так здорово придумала. И я устроил Мишку поудобнее на диване, чтобы мне сподручней было об него тренироваться и развивать силу удара.

Он сидел передо мной такой шоколадный, но здорово облезлый, и у него были разные глаза: один его собственный - желтый стеклянный, а другой большой белый - из пуговицы от наволочки; я даже не помнил, когда он появился. Но это было не важно, потому что Мишка довольно весело смотрел на меня своими разными глазами, и он расставил ноги и выпятил мне навстречу живот, а обе руки поднял кверху, как будто шутил, что вот он уже заранее сдается...

И я вот так посмотрел на него и вдруг вспомнил, как давным-давно я с этим Мишкой ни на минуту не расставался, повсюду таскал его за собой, и нянькал его, и сажал его за стол рядом с собой обедать, и кормил его с ложки манной кашей, и у него такая забавная мордочка становилась, когда я его чем-нибудь перемазывал, хоть той же кашей или вареньем, такая забавная милая мордочка становилась у него тогда, прямо как живая, и я его спать с собой укладывал, и укачивал его, как маленького братишку, и шептал ему разные сказки прямо в его бархатные тверденькие ушки, и я его любил тогда, любил всей душой, я за него тогда жизнь бы отдал. И вот он сидит сейчас на диване, мой бывший самый лучший друг, настоящий друг детства. Вот он сидит, смеется разными глазами, а я хочу тренировать об него силу удара...

- Ты что, - сказала мама, она уже вернулась из коридора. - Что с тобой?

А я не знал, что со мной, я долго молчал и отвернулся от мамы, чтобы она по голосу или по губам не догадалась, что со мной, и я задрал голову к потолку, чтобы слезы вкатились обратно, и потом, когда я скрепился немного, я сказал:

- Ты о чем, мама? Со мной ничего... Просто я раздумал. Просто я никогда не буду боксером.

Сова

Бианки Виталий

Сидит Старик, чай пьет. Не пустой пьет - молоком белит. Летит мимо Сова.

- Здорово, - говорит, - друг!

А Старик ей:

- Ты, Сова, - отчаянная голова, уши торчком, нос крючком. Ты от солнца хоронишься, людей сторонишься, - какой я тебе друг?

Рассердилась Сова.

- Ладно же, - говорит, - старый! Не стану по ночам к тебе на луг летать, мышей ловить, - сам лови.

А Старик:

- Вишь, чем пугать вздумала! Утекай, пока цела.

Улетела Сова, забралась в дуб, никуда из дупла не летит. Ночь пришла. На стариковом лугу мыши в норах свистят-перекликаются:

- Погляди-ка, кума, не летит ли Сова - отчаянная голова, уши торчком, нос крючком?

Мышь Мыши в ответ:

- Не видать Совы, не слышать Совы. Нынче нам на лугу раздолье, нынче нам на лугу приволье.

Мыши из нор поскакали, мыши по лугу побежали.

А Сова из дупла:

- Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы худа не вышло: мыши-то, говорят, на охоту пошли.

- А пускай идут, - говорит Старик. - Чай, мыши не волки, не зарежут тёлки.

Мыши по лугу рыщут, шмелиные гнезда ищут, землю роют, шмелей ловят.

А Сова из дупла:

- Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы хуже не вышло: все шмели твои разлетелись.

- А пускай летят, - говорит Старик. - Что от них толку: ни меду, ни воску - волдыри только.

Стоит на лугу клевер кормовистый, головой к земле виснет, а шмели гудят, с луга прочь летят, на клевер не глядят, цветень с цветка на цветок не носят.

А Сова из дупла:

- Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы хуже не вышло: не пришлось бы тебе самому цветень с цветка на цветок переносить.

- И ветер разнесет, - говорит Старик, а сам в затылке скребет.

По лугу ветер гуляет, цветень наземь сыплет. Не попадает цветень с цветка на цветок, - не родится клевер на лугу; не по нраву это Старик.

А Сова из дупла:

- Хо-хо-хо, Старик! Корова твоя мычит, клеверу просит, - трава, слышь, без клеверу, что каша без масла.

Молчит Старик, ничего не говорит.

Была Корова с клевера здорова, стала Корова тощать, стала молока сбавлять: поило лижет, а молоко все жиже да жиже.

А Сова из дупла:

- Хо-хо-хо, Старик! Говорила я тебе: придешь ко мне кланяться.

Старик бранится, а дело-то не клеится. Сова в дубу сидит, мышей не ловит.

Мыши по лугу рыщут, шмелиные гнезда ищут. Шмели на чужих лугах

гуляют, а на стариков луг и не заглядывают. Клевер на лугу не родится.

Корова без клевера тощает. Молока у Коровы мало. Вот и чай белить

Старику нечем стало.

Нечем стало Старику чай белить, - пошел Старик Сове кланяться:

- Уж ты, Совушка-вдовушка, меня из беды выручай: нечем стало мне, старому, белить чай.

А Сова из дупла глазами луп-луп, ножищами туп-туп.

- То-то, - говорит, - старый. Дружно не грузно, а врозь хоть брось. Думаешь, мне-то легко без твоих мышей?

Простила Сова Старика, вылезла из дупла, полетела на луг мышей ловить.

Мыши со страху попрятались в норы.

Шмели загудели над лугом, принялись с цветка на цветок летать.

Клевер красный стал на лугу наливаться.

Корова пошла на луг клевер жевать.

Молока у Коровы много.

Стал Старик молоком чай белить, чай белить - Сову хвалить, к себе в гости звать, уваживать.

Серая звездочка

Б. В. Заходер

— Ну, так вот, — сказал папа Ёжик, — сказка эта называется «Серая Звёздочка», но по названию тебе ни за что не догадаться, про кого эта сказка. Поэтому слушай внимательно и не перебивай. Все вопросы потом.

— А разве бывают серые звёздочки? — спросил Ежонок.

— Если ты меня ещё раз перебеёшь, не буду рассказывать, — ответил Ёжик, но, заметив, что сынишка собирается заплакать, смягчился: — Вообще-то не бывает, хотя, по-моему, это странно — ведь серый цвет самый красивый. Но одна Серая Звёздочка была.

— Так вот, жила-была жаба — неуклюжая, некрасивая, вдобавок от неё пахло чесноком, а вместо колючек у неё были — можешь себе представить! — бородавки. Брр!

К счастью, она не знала ни о том, что она такая некрасивая, ни о том, что она — жаба. Во-первых, потому, что была совсем маленькая и вообще мало что знала, а во-вторых, потому, что её никто так не называл. Она жила в саду, где росли Деревья, Кусты и Цветы, а ты должен знать, что Деревья, Кусты и Цветы разговаривают только с теми, кого они очень-очень любят. А ведь не станешь ты называть того, кого ты очень-очень любишь, жабой?

Ежонок засопел в знак согласия.

— Ну вот, Деревья, Кусты и Цветы очень любили жабу и поэтому звали её самыми ласковыми именами. Особенно Цветы.

— А за что они её так любили? — тихонечко спросил Ежонок.

Отец насупился, и Ежонок сразу свернулся.

— Если помолчишь, то скоро узнаешь, — строго сказал Ёжик. Он продолжал: — Когда жаба появилась в саду, Цветы спросили, как её зовут, и, когда она ответила, что не знает, очень обрадовались.

«Ой, как здорово! — сказали Анютины Глазки (они первыми увидели её). — Тогда мы сами тебе придумаем имя! Хочешь, мы будем звать тебя... будем звать тебя Анютой?»

«Уж лучше Маргаритой, — сказали Маргаритки. — Это имя гораздо красивее!»

Тут вмешались Розы — они предложили назвать её Красавицей; Колокольчики потребовали, чтобы она называлась Динь-Динь (это было единственное слово, которое они умели говорить), а цветок, по имени Иванда-Марья, предложил ей называться Ванечка-Манечка.

Ежонок фыркнул и испуганно покосился на отца, но Ёжик не рассердился, потому что Ежонок фыркнул вовремя. Он спокойно продолжал:

— Словом, спорам не было бы конца, если бы не Астры. И если бы не Ученый Скворец.

«Пусть она называется Астрой», — сказали Астры.

«Или, ещё лучше, Звёздочкой, — сказал Учёный Скворец. — Это значит то же самое, что Астра, только гораздо понятнее. К тому же она и правда напоминает звёздочку — вы только посмотрите, какие у неё лучистые глаза! А так как она серая, вы можете звать её Серой Звёздочкой — тогда уж не будет никакой путаницы! Кажется, ясно?»

И все согласились с Учёным Скворцом, потому что он был очень умный, умел говорить несколько настоящих человеческих слов и насвистывать почти до конца Музыкальное произведение, которое называется, кажется... «Ёжик-Пыжик» или как-то в этом роде. За это люди построили ему на тополе домик.

С тех пор все стали называть жабу Серой Звёздочкой. Все, кроме Колокольчиков, — они по-прежнему звали её Динь-Динь, но ведь это было единственное слово, которое они умели говорить.

«Нечего сказать, звёздочка, — прошипел толстый старый Слизняк. Он вполз на розовый куст и подбирался к нежным молодым листочкам. — Хороша звёздочка! Ведь это самая обыкновенная серая...»

Он хотел сказать «жаба», но не успел, потому что в этот самый миг Серая Звёздочка взглянула на него своими лучистыми глазами — и Слизняк исчез.

«Спасибо тебе, милая Звёздочка, — сказала Роза, побледневшая от страха. — Ты спасла меня от страшного врага!»

— А надо тебе знать, — пояснил Ёжик, — что у Цветов, Деревьев и Кустов, хотя они никому не делают зла — наоборот, одно хорошее! — тоже есть враги. Их много. Хорошо ещё, что эти враги довольно ...

Серебряное копытце

Бажов П. П.

Жил в нашем заводе старик один, по прозвищу Кокованя.

Семьи у Коковани не осталось, он и придумал взять в дети сиротку. Спросил у соседей — не знают ли кого, а соседи и говорят:

— Недавно на Глинке осиротела семья Григория Потопаева. Старших-то девчонок приказчик велел в барскую рукодельню взять, а одну девчоночку по шестому году никому не надо. Вот ты и возьми её.

— Несподручно мне с девчонкой-то. Парнишечко бы лучше. Обучил бы его своему делу, пособника бы растить стал. А с девчонкой как? Чему я её учить-то стану?

Потом подумал-подумал и говорит:

— Знавал я Григорья, да и жену его тоже. Оба весёлые да ловкие были. Если девчоночка по родителям пойдёт, не тоскливо с ней в избе будет. Возьму её. Только пойдёт ли?

Соседи объясняют:

— Плохое житьё у неё. Приказчик избу Григорьеву отдал какому-то горюну и велел за это сиротку кормить, пока не подрастёт. А у того своя семья больше десятка. Сами не досыта едят. Вот хозяйка и взъедается на сиротку, попрекает её куском-то. Та хоть маленькая, а понимает. Обидно ей. Как не пойдёт от такого житья! Да и уговоришь, поди-ка.

— И то правда,— отвечает Кокованя. — Уговорю как-нибудь.

В праздничный день и пришёл он к тем людям, у кого сиротка жила. Видит — полна изба народу, больших и маленьких. У печки девчоночка сидит, а рядом с ней кошка бурая. Девчоночка маленькая, и кошка маленькая и до того худая да ободранная, что редко кто такую в избу пустит. Девчоночка эту кошку гладит, а она до того звонко мурлычет, что по всей избе слышно. Поглядел Кокованя на девчоночку и спрашивает:

— Это у вас Григорьева-то подарёнка? Хозяйка отвечает:

— Она самая. Мало одной-то, так ещё кошку драную где-то подобрала. Отогнать не можем. Всех моих ребят перецарапала, да ещё корми её!

Кокованя и говорит:

— Неласковые, видно, твои ребята. У ней вон мурлычет.

Потом и спрашивает у сиротки:

— Ну как, подарёнушка, пойдёшь ко мне жить? Девчоночка удивилась:

— Ты, дедо, как узнал, что меня Дарёнкой зовут?

— Да так, — отвечает, — само вышло. Не думал, не гадал, нечаянно попал.

— Ты хоть кто? — спрашивает девчоночка.

— Я, — говорит, — вроде охотника. Летом пески промываю, золото добываю, а зимой по лесам за козлом бегаю, да всё увидеть не могу.

— Застрелишь его?

— Нет, — отвечает Кокованя. — Простых козлов стреляю, а этого не стану. Мне посмотреть охота, в котором месте он правой передней ножкой топнет.

— Тебе на что это?

— А вот пойдёшь ко мне жить, так всё и расскажу. Девчоночке любопытно стало про козла-то узнать. И то видит — старик весёлый да ласковый. Она и говорит:

— Пойду. Только ты эту кошку, Мурёнку, тоже возьми. Гляди, какая хорошая.

— Про это, — отвечает Кокованя, — что и говорить. Такую звонкую кошку не взять — дураком остаться. Вместо балалайки она у нас в избе будет.

Хозяйка слышит их разговор. Рада-радёхонька, что Кокованя сиротку к себе зовёт. Стала скорей Дарёнкины пожитки собирать. Боится, как бы старик не передумал. Кошка будто тоже понимает весь разговор. Трётся у ног-то да мурлычет: “Пр-равильно придумал. Пр-равильно”.

Вот и повёл Кокованя сиротку к себе жить. Сам большой да бородатый, а она махонькая, и носишко пуговкой. Идут по улице, и кошчонка ободранная за ними попрыгивает.

Так и стали жить вместе дед Кокованя, сиротка Дарёна да кошка Мурёнка. Жили-поживали, добра много не наживали, а на житьё не плакались, и у всякого дело было. Кокованя с утра на работу уходил, Дарёнка в избе

прибирала, похлёбку да кашу варила, а кошка Мурёнка на охоту ходила — мышей ловила. К вечеру соберутся, и весело им.

Старик был мастер сказки сказывать. Дарёнка любила те сказки слушать, а кошка Мурёнка лежит да мурлычет:

“Пр-равильно говорит. Пр-равильно”.

Только после всякой сказки Дарёнка напомним:

— Дедо, про козла-то скажи. Какой он?

Кокованя отговаривался сперва, потом и рассказал:

— Тот козёл особенный. У него на правой передней ноге серебряное копытце. В каком месте топнет этим копытцем, там и появится дорогой камень. Раз топнет — один камень, два топнет — два камня, а где ножкой бить станет — там груда дорогих камней.

Сказал это, да и не рад стал. С той поры у Дарёнки только и разговору что об этом козле.

— Дедо, а он большой?

Рассказал ей Кокованя, что ростом козёл не выше стола, ножки тоненькие, головка лёгонькая. А Дарёнка опять спрашивает:

— Дедо, а рожки у него есть?

— Рожки-то, — отвечает, — у него отменные. У простых козлов на две веточки, а у этого — на пять веток.

— Дедо, а он кого ест?

— Никого, — отвечает, — не ест. Травой да листом кормится. Ну, сено тоже зимой в стожках подъедает.

— Дедо, а шерстка у него какая?

— Летом, — отвечает, — буренькая, как вот у Мурёнки нашей, а зимой серенькая.

— Дедо, а он душной?

Кокованя даже рассердился:

— Какой же душной! Это домашние козлы такие бывают, а лесной козел, он лесом пахнет.

Стал осенью Кокованя в лес собираться. Надо было ему поглядеть, в которой стороне козлов больше пасётся. Дарёнка и давай проситься:

— Возьми меня, дедо, с собой! Может, я хоть сдалека того козлика увижу.

Кокованя и объясняет ей:

— Сдалека-то его не разглядишь. У всех козлов осенью рожки есть. Не разберёшь, сколько на них веток. Зимой вот — дело другое. Простые козлы зимой безрогие ходят, а этот — Серебряное Копытце — всегда с рожками, хоть летом, хоть зимой. Тогда его сдалека признать можно.

Этим и отговорился. Осталась Дарёнка дома, а Кокованя в лес ушел.

Дней через пять воротился Кокованя домой, рассказывает Дарёнке:

— Ныне в Полдневской стороне много козлов пасётся. Туда и пойду зимой.

— А как же, — спрашивает Дарёнка, — зимой-то в лесу ночевать станешь?

— Там, — отвечает, — у меня зимний балаган у покосных ложков < покосный ложок – неглубокий, но широкий лесной овраг, где косят сено. – Ред.> поставлен. Хороший балаган, с очагом, с окошечком. Хорошо там.

Дарёнка опять спрашивает:

— Дедо, а Серебряное Копытце в той же стороне пасётся?

— Кто его знает. Может, и он там.

Дарёнка тут и давай проситься:

— Возьми меня, дедо, с собой! Я в балагане сидеть буду. Может, Серебряное Копытце близко подойдёт — я и погляжу.

Старик сперва руками замахал:

— Что ты! Что ты! Статочное ли дело зимой по лесу маленькой девчонке ходить! На лыжах ведь надо, а ты не умеешь. Угрузнешь в снегу-то. Как я с тобой буду? Замёрзнешь ещё!

Только Дарёнка никак не отстаёт:

— Возьми, дедо! На лыжах-то я маленько умею. Кокованя отговаривал-отговаривал, потом и подумал про себя: “Сводить разве? Раз побывает — в другой не запросится”.

Вот он и говорит:

— Ладно, возьму. Только, чур, в лесу не реветь и домой до времени не проситься.

Как зима в полную силу вошла, стали они в лес собираться. Уложил Кокованя на ручные санки сухарей два мешка, припас охотничий и другое, что ему надо. Дарёнка тоже узелок себе навязала. Лоскуточков взяла кукле платье шить, ниток клубок, иголку да ещё верёвку. “Нельзя ли, — думает, — этой верёвкой Серебряное Копытце поймать?”

Жаль Дарёнке кошку свою оставлять, да что поделаешь! Гладит кошку-то на прощанье, разговаривает с ней:

— Мы, Мурёнка, с дедом в лес пойдём, а ты дома сиди, мышей лови. Как увидим Серебряное Копытце, так и воротимся. Я тебе тогда всё расскажу.

Кошка лукаво посматривает, а сама мурлычет: “Пр-ра-вильно придумала. Пр-равильно”.

Пошли Кокованя с Дарёнкой. Все соседи дивуются:

— Из ума выжил старик! Такую маленькую девчонку в лес зимой повёл!

Как стали Кокованя с Дарёнкой из заводу выходить, слышат — собачонки что-то сильно забеспокоились. Такой лай да визг подняли, будто зверя на улицах увидали. Оглянулись, — а это Мурёнка серединой улицы бежит, от собак отбивается. Мурёнка к той поре поправилась. Большая да здоровая стала. Собачонки к ней и подступиться не смеют.

Хотела Дарёнка кошку поймать да домой унести, только где тебе! Добежала Мурёнка до лесу, да и на сосну. Пойди поймай!

Покричала Дарёнка, но не могла кошку приманить. Что делать? Пошли дальше. Глядят — Мурёнка стороной бежит. Так и до балагана добралась.

Вот и стало их в балагане трое. Дарёнка хвалится:

— Веселее так-то.

Кокованя поддакивает:

— Известно, веселее.

А кошка Мурёнка свернулась клубочком у печки и звонко мурлычет: “Пр-равильно говоришь. Пр-равильно”.

Козлов в ту зиму много было. Это простых-то. Кокованя каждый день то одного, то двух к балагану притаскивал. Шкурок у них накопилось, козлиного мяса насолили — на ручных санках не увезти. Надо бы в завод за лошадьёю сходить, да как Дарёнку с кошкой в лесу оставить! А Дарёнка по привычке в лесу-то. Сама говорит старику:

— Дедо, сходил бы ты в завод за лошадьёю. Надо ведь солонину домой перевезти. Кокованя даже удивился:

— Какая ты у меня разумница, Дарья Григорьевна! Как большая рассудила. Только забоишься, поди, одна-то.

— Чего, — отвечает, — бояться! Балаган у нас крепкий, волкам не добиться. И Мурёнка со мной. Не боюсь. А ты поскорее ворочайся всё-таки!

Ушёл Кокованя. Осталась Дарёнка с Мурёнкой. Днём-то привычно было без Коковани сидеть, пока он козлов выслеживал... Как темнеть стало, запобаивалась. Только глядит — Мурёнка лежит спокойнёхонько. Дарёнка и повеселела. Села к окошечку, смотрит в сторону покосных ложков и видит — от лесу какой-то комочек катится. Как ближе подкатился, разглядела — это козёл бежит. Ножки тоненькие, головка лёгонькая, а на рожках по пяти веточек. Выбежала Дарёнка поглядеть, а никого нет. Подождала-подождала, воротилась в балаган, да и говорит:

— Видно, задремала я. Мне и показалось. Мурёнка мурлычет: “Пр-равильно говоришь. Пр-равильно”.

Легла Дарёнка рядом с кошкой да и уснула до утра.

Другой день прошёл. Не воротился Кокованя. Скучненько стало Дарёнке, а не плачет. Гладит Мурёнку да приговаривает:

— Не скучай, Мурёнушка! Завтра дедо непременно придёт.

Мурёнка свою песенку поёт: “Пр-равильно говоришь. Пр-равильно”.

Посидела опять Дарёнушка у окошка, полюбовалась на звёзды. Хотела спать ложиться — вдруг по стенке топоток прошёл. Испугалась Дарёнка, а топоток по другой стене, потом по той, где окошечко, потом — где дверка, а

там и сверху запостукивало. Негромко, будто кто лёгонький да быстрый ходит.

Дарёнка и думает: “Не козёл ли тот, вчерашний, прибежал?”

И до того ей захотелось поглядеть, что и страх не держит. Отворила дверку, глядит, а козёл — тут, вовсе близко. Правую переднюю ножку поднял — вот топнет, а на ней серебряное копытце блестит, и рожки у козла о пяти ветках.

Дарёнка не знает, что ей делать, да и манит его, как домашнего:

— Ме-ка! Ме-ка!

Козёл на это как рассмеялся! Повернулся и побежал.

Пришла Дарёнушка в балаган, рассказывает Мурёнке:

— Поглядела я на Серебряное Копытце. И рожки видела и копытце видела. Не видела только, как тот козлик ножкой топает, дорогие камни выбивает. Другой раз, видно, покажет.

Мурёнка знай свою песенку поёт: “Пр-равильно говоришь. Пр-равильно”.

Третий день прошёл, а все Коковани нет. Вовсе затуманилась Дарёнка. Слезки запokaпывали. Хотела с Мурёнкой поговорить, а её нету. Тут вовсе испугалась Дарёнушка, из балагана выбежала кошку искать.

Ночь месячная, светлая, далеко видно. Глядит Дарёнка — кошка близко на покосном ложке сидит, а перед ней козёл. Стоит, ножку поднял, а на ней серебряное копытце блестит.

Мурёнка головой покачивает, и козёл тоже. Будто разговаривают. Потом стали по покосным ложкам бегать.

Бежит-бежит козёл, остановится и давай копытцем бить. Мурёнка подбежит, козёл дальше отскочит и опять копытцем бьёт. Долго они так-то по покосным ложкам бегали. Не видно их стало. Потом опять к самому балагану воротились.

Тут вспрыгнул козёл на крышу и давай по ней серебряным копытцем бить. Как искры, из-под ножки-то камешки посыпались. Красные, голубые, зелёные, бирюзовые — всякие.

К этой поре как раз Кокованя и вернулся. Узнать своего балагана не может. Весь он как ворох дорогих камней стал. Так и горит-переливается разными огнями. Наверху козёл стоит — и всё бьёт да бьёт серебряным копытцем, а камни сыплются да сыплются.

Вдруг Мурёнка скок туда же! Встала рядом с козлом, громко мяукнула, и ни Мурёнки, ни Серебряного Копытца не стало.

Кокованя сразу полшапки камней нагрёб, да Дарёнка запросила:

— Не тронь, дедо! Завтра днём ещё на это поглядим.

Кокованя и послушался. Только к утру-то снег большой выпал. Все камни и засыпало. Перегребали потом снег-то, да ничего не нашли. Ну, им и того хватило, сколько Кокованя в шапку нагрёб.

Всё бы хорошо, да Мурёнки жалко. Больше её так и не видали, да и Серебряное Копытце тоже не показался. Потешил раз — и будет.

А по тем покосным ложкам, где козёл скакал, люди камешки находить стали. Зелёненькие больше. Хризолитами называются. Видали?

Цветик-семицветик

В. П. Катаев

Жила девочка Женя. Однажды послала ее мама в магазин за баранками. Купила Женя семь баранок: две баранки с тмином для папы, две баранки с маком для мамы, две баранки с сахаром для себя и одну маленькую розовую баранку для братика Павлика. Взяла Женя связку баранок и отправилась домой. Идет, по сторонам зевает, вывески читает, ворон считает. А тем временем сзади пристала незнакомая собака да все баранки одну за другой и съела: съела папины с тмином, потом мамины с маком, потом Женины с сахаром. Почувствовала Женя, что баранки стали что-то чересчур легкие. Обернулась, да уж поздно. Мочалка болтается пустая, а собака последнюю, розовую Павликову бараночку доедает, облизывается.

— Ах, вредная собака! — закричала Женя и бросилась ее догонять. Бежала, бежала, собаку не догнала, только сама заблудилась. Видит — место совсем незнакомое, больших домов нет, а стоят маленькие домики. Испугалась Женя и заплакала. Вдруг откуда ни возьмись — старушка.

— Девочка, девочка, почему ты плачешь?

Женя старушке все и рассказала.

Пожалела старушка Женю, привела ее в свой садик и говорит:

— Ничего, не плачь, я тебе помогу. Правда, баранок у меня нет и денег тоже нет, но зато растет у меня в садике один цветок, называется — цветик-семицветик, он все может. Ты, я знаю, девочка хорошая, хоть и любишь зевать по сторонам. Я тебе подарю цветик-семицветик, он все устроит.

С этими словами старушка сорвала с грядки и подала девочке Жене очень красивый цветок вроде ромашки. У него было семь прозрачных лепестков, каждый другого цвета: желтый, красный, зеленый, синий, оранжевый, фиолетовый и голубой.

— Этот цветик, — сказала старушка, — не простой. Он может исполнить все, что ты захочешь. Для этого надо только оторвать один из лепестков, бросить его и сказать:

Лети, лети, лепесток,

Через запад на восток,

Через север, через юг,

Возвращайся, сделав круг.

Лишь коснешься ты земли -

Быть по-моему вели.

Вели, чтобы сделалось то-то или то-то. И это тотчас делается.

Женя вежливо поблагодарила старушку, вышла за калитку и тут только вспомнила, что не знает дороги домой. Она захотела вернуться в садик и попросить старушку, чтобы та проводила ее до ближнего милиционера, но ни садика, ни старушки как не бывало. Что делать? Женя уже собиралась, по своему обыкновению, заплакать, даже нос наморщила, как гармошку, да вдруг вспомнила про заветный цветок.

— А ну-ка, посмотрим, что это за цветик-семицветик!

Женя поскорее оторвала желтый лепесток, кинула его и сказала:

Лети, лети, лепесток,

Через запад на восток,

Через север, через юг,

Возвращайся, сделав круг.

Лишь коснешься ты земли -

Быть по-моему вели.

Вели, чтобы я была дома с баранками!

Не успела она это сказать, как в тот же миг очутилась дома, а в руках — связка баранок! Женя отдала маме баранки, а сама про себя думает: «Это и вправду замечательный цветок, его непременно надо поставить в самую красивую вазочку!»

Женя была совсем небольшая девочка, поэтому она влезла на стул и потянулась за любимой маминой вазочкой, которая стояла на самой верхней полке.

В это время, как на грех, за окном пролетали вороны. Жене, понятно, тотчас захотелось узнать совершенно точно, сколько ворон — семь или восемь. Она открыла рот и стала считать, загибая пальцы, а вазочка полетела вниз и — бац! — раскололась на мелкие кусочки.

— Ты опять что-то разбила, тятя! Растяпа! — закричала мама из кухни. — Не мою ли самую любимую вазочку?

— Нет, нет, мамочка, я ничего не разбила. Это тебе послышалось! — закричала Женя, а сама поскорее оторвала красный лепесток, бросила его и прошептала:

Лети, лети, лепесток,

Через запад на восток,

Через север, через юг,

Возвращайся, сделав круг.

Лишь коснешься ты земли -

Быть по-моему вели.

Вели, чтобы мамина любимая вазочка сделалась целая!

Не успела она это сказать, как черепки сами собой поползли друг к другу и стали срастаться.

Мама прибежала из кухни — глядь, а ее любимая вазочка как ни в чем не бывало стоит на своем месте. Мама на всякий случай погрозила Жене пальцем и послала ее гулять во двор.

Пришла Женя во двор, а там мальчики играют в папанинцев: сидят на старых досках, и в песок воткнута палка.

— Мальчики, мальчики, примите меня поиграть!

— Чего захотела! Не видишь — это Северный полюс? Мы девчонок на Северный полюс не берем.

— Какой же это Северный полюс, когда это одни доски?

— Не доски, а льдины. Уходи, не мешай! У нас как раз сильное сжатие.

— Значит, не принимаете?

— Не принимаем. Уходи!

— И не нужно. Я и без вас на Северном полюсе сейчас буду. Только не на таком, как ваш, а на всамделишном. А вам — кошкин хвост!

Женя отошла в сторонку, под ворота, достала заветный цветик-семицветик, оторвала синий лепесток, кинула и сказала:

Лети, лети, лепесток,

Через запад на восток,

Через север, через юг,

Возвращайся, сделав круг.

Лишь коснешься ты земли -

Быть по-моему вели.

Вели, чтобы я сейчас же была на Северном полюсе!

Не успела она это сказать, как вдруг откуда ни возьмись налетел вихрь, солнце пропало, сделалась страшная ночь, земля закружилась под ногами, как волчок.

Женя, как была в летнем платьице с голыми ногами, одна-одинешенька оказалась на Северном полюсе, а мороз там сто градусов!

— Ай, мамочка, замерзаю! — закричала Женя и стала плакать, но слезы тут же превратились в сосульки и повисли на носу, как на водосточной трубе. А тем временем из-за льдины вышли семь белых медведей и прямехонько к девочке, один другого страшней: первый — нервный, второй — злой, третий — в берете, четвертый — потертый, пятый — помятый, шестой — рябой, седьмой — самый большой. Не помня себя от страха, Женя схватила обледеневшими пальчиками цветик-семицветик, вырвала зеленый лепесток, кинула и закричала что есть мочи:

Лети, лети, лепесток,

Через запад на восток,

Через север, через юг,

Возвращайся, сделав круг.

Лишь коснешься ты земли -

Быть по-моему вели.

Вели, чтоб я сейчас же очутилась опять на нашем дворе!

И в тот же миг она очутилась опять во дворе. А мальчики на нее смотрят и смеются:

— Ну и где же твой Северный полюс?

— Я там была.

— Мы не видели. Докажи!

— Смотрите — у меня еще висит сосулька.

— Это не сосулька, а кошкин хвост! Что, взяла?

Женя обиделась и решила больше с мальчишками не водиться, а пошла на другой двор водиться с девочками. Пришла, видит — у девочек разные игрушки. У кого коляска, у кого мячик, у кого прыгалка, у кого трехколесный велосипед, а у одной — большая говорящая кукла в кукольной соломенной шляпке и в кукольных калошках. Взяла Женю досада. Даже глаза от зависти стали желтые, как у козы. «Ну, — думает, — я вам сейчас покажу, у кого игрушки!» Вынула цветик-семицветик, оторвала оранжевый лепесток, кинула и сказала:

Лети, лети, лепесток,

Через запад на восток,

Через север, через юг,

Возвращайся, сделав круг.

Лишь коснешься ты земли -

Быть по-моему вели.

Вели, чтобы все игрушки, какие есть на свете, были мои!

И в тот же миг откуда ни возьмись со всех сторон повалили к Жене игрушки. Первыми, конечно, прибежали куклы, громко хлопая глазами и пища без передышки: «папа-мама», «папа-мама». Женя сначала очень обрадовалась, но кукол оказалось так много, что они сразу заполнили весь двор, переулок, две улицы и половину площади. Невозможно было сделать шагу, чтобы не наступить на куклу. Вокруг, представляете себе, какой шум могут поднять пять миллионов говорящих кукол? А их было никак не меньше. И то это были только московские куклы. А куклы из Ленинграда, Харькова, Киева, Львова и других советских городов еще не успели добежать и галдели, как попугаи, по всем дорогам Советского Союза. Женя даже слегка испугалась.

Но это было только начало. За куклами сами собой покатались мячики, шарики, самокаты, трехколесные велосипеды, тракторы, автомобили, танки, танкетки, пушки. Прыгалки ползли по земле, как ужи, путаясь под ногами и заставляя нервных кукол пищать еще громче. По воздуху летели миллионы игрушечных самолетов, дирижаблей, планеров. С неба, как тюльпаны, сыпались ватные парашютисты, повисая на телефонных проводах и деревьях.

Движение в городе остановилось. Постовые милиционеры влезли на фонари и не знали, что им делать. — Довольно, довольно! — в ужасе закричала Женя, хватаясь за голову. — Будет! Что вы, что вы! Мне совсем не надо столько игрушек. Я пошутила. Я боюсь...

Но не тут-то было! Игрушки все валили и валили...

Уже весь город был завален до самых крыш игрушками.

Женя по лестнице — игрушки за ней. Женя на балкон — игрушки за ней. Женя на чердак — игрушки за ней. Женя выскочила на крышу, поскорее оторвала фиолетовый лепесток, кинула и быстро сказала:

Лети, лети, лепесток,

Через запад на восток,

Через север, через юг,

Возвращайся, сделав круг.

Лишь коснешься ты земли -

Быть по-моему вели.

Вели, чтоб игрушки поскорей убирались обратно в магазины.

И тотчас все игрушки исчезли. Посмотрела Женя на свой цветик-семицветик и видит, что остался всего один лепесток.

— Вот так штука! Шесть лепестков, оказывается, потратила — и никакого удовольствия. Ну, ничего. Вперед буду умнее. Пошла она на улицу, идет и думает: «Чего бы мне еще все-таки велеть? Велю-ка я себе, пожалуй, два кило „мишек“. Нет, лучше два кило „прозрачных“. Или нет... Лучше сделаю так: велю полкило „мишек“, полкило „прозрачных“, сто граммов халвы, сто граммов орехов и еще, куда ни шло, одну розовую баранку для Павлика. А что толку? Ну, допустим, все это я велю и съем. И ничего не останется. Нет, велю я себе лучше трехколесный велосипед. Хотя зачем? Ну, покатаюсь, а потом что? Еще, чего доброго, мальчишки отнимут. Пожалуй, и поколотят!

Нет. Лучше я себе велю билет в кино или в цирк. Там все-таки весело. А может быть, велеть лучше новые сандалеты? Тоже не хуже цирка. Хотя, по правде сказать, какой толк в новых сандалетах? Можно велеть чего-нибудь еще гораздо лучше. Главное, не надо торопиться».

Рассуждая таким образом, Женя вдруг увидела превосходного мальчика, который сидел на лавочке у ворот. У него были большие синие глаза, веселые, но смирные. Мальчик был очень симпатичный — сразу видно, что не драчун, и Жене захотелось с ним познакомиться. Девочка без всякого страха подошла к нему так близко, что в каждом его зрачке очень ясно увидела свое лицо с двумя косичками, разложенными по плечам.

— Мальчик, мальчик, как тебя зовут?

— Витя. А тебя как?

— Женя. Давай играть в салки?

— Не могу. Я хромой.

И Женя увидела его ногу в уродливом башмаке на очень толстой подошве.

— Как жалко! — сказала Женя. — Ты мне очень понравился, и я бы с большим удовольствием побегала с тобой.

— Ты мне тоже очень нравишься, и я бы тоже с большим удовольствием побегал с тобой, но, к сожалению, это невозможно. Ничего не поделаешь. Это на всю жизнь.

— Ах, какие пустяки ты говоришь, мальчик! — воскликнула Женя и вынула из кармана свой заветный цветик-семицветик. — Гляди! С этими словами девочка бережно оторвала последний, голубой лепесток, на минутку прижала его к глазам, затем разжала пальцы и запела тонким голоском, дрожащим от счастья:

Лети, лети, лепесток,

Через запад на восток,

Через север, через юг,

Возвращайся, сделав круг.

Лишь коснешься ты земли -

Быть по-моему вели.

Вели, чтобы Витя был здоров!

И в ту же минуту мальчик вскочил со скамьи, стал играть с Женей в салки и бегал так хорошо, что девочка не могла его догнать, как ни старалась.

Белый домик

Б. Житков

Мы жили на море, и у моего папы была хорошая лодка с парусами. Я отлично умел на ней ходить - и на вёслах и под парусами. И всё равно одного меня папа никогда в море не пускал. А мне было двенадцать лет.

Вот раз мы с сестрой Ниной узнали, что отец на два дня уезжает из дому, и мы затеяли уйти на шлюпке на ту сторону; а на той стороне залива стоял очень хорошенький домик: беленький, с красной крышей. А кругом домика росла рощица. Мы там никогда не были и думали, что там очень хорошо. Наверно, живут добрые старик со старушкой. А Нина говорит, что непременно у них собачка и тоже добрая. А старики, наверное, простоквашу едят и нам обрадуются и простокваши дадут.

И вот мы стали копить хлеб и бутылки для воды. В море-то ведь вода солёная, а вдруг в пути пить захочется?

Вот отец вечером уехал, а мы сейчас же налили в бутылки воды потихоньку от мамы. А то спросит: зачем? - и тогда всё пропало.

Чуть только рассвело, мы с Ниной тихонько вылезли из окошка, взяли с собой наш хлеб и бутылки в шлюпку. Я поставил паруса, и мы вышли в море. Я сидел как капитан, а Нина меня слушалась как матрос.

Ветер был лёгонький, и волны были маленькие, и у нас с Ниной выходило, будто мы на большом корабле, у нас есть запасы воды и пищи, и мы идём в другую страну. Я правил прямо на домик с красной крышей. Потом я велел сестре готовить завтрак. Она наломала меленько хлеба и откупорила бутылку с водой. Она всё сидела на дне шлюпки, а тут, как встала, чтобы мне подать, да как глянула назад, на наш берег, она так закричала, что я даже вздрогнул:

- Ой, наш дом еле видно! - и хотела реветь.

Я сказал:

- Рёва, зато старичков домик близко.

Она поглядела вперёд и ещё хуже закричала:

- И старичков домик далеко: нисколько мы не подъехали. А от нашего дома уехали!

Она стала реветь, а я назло стал есть хлеб как ни в чём не бывало. Она ревела, а я приговаривал:

- Хочешь назад, прыгай за борт и плыви домой, а я иду к старичкам.

Потом она попила из бутылки и заснула. А я всё сижу у руля, и ветер не меняется и дует ровно. Шлюпка идёт гладко, и за кормой вода журчит. Солнце уже высоко стояло.

И вот я вижу, что мы совсем близко уж подходим к тому берегу и домик хорошо виден. Вот пусть теперь Нинка проснётся да глянет - вот обрадуется! Я глядел, где там собачка. Но ни собачки, ни старичков видно не было.

Вдруг шлюпка споткнулась, стала и наклонилась набок. Я скорей опустил парус, чтобы совсем не опрокинуться. Нина вскочила. Спросонья она не знала, где она, и глядела, вытаращив глаза. Я сказал:

- В песок ткнулись. Сели на мель. Сейчас я спихну. А вон домик.

Но она и домику не обрадовалась, а ещё больше испугалась. Я разделся, прыгнул в воду и стал спихивать.

Я выбился из сил, но шлюпка ни с места. Я её клонил то на один, то на другой борт. Я спустил паруса, но ничто не помогло.

Нина стала кричать, чтобы старичок нам помог. Но было далеко, и никто не выходил. Я велел Нинке выпрыгнуть, но и это не облегчило шлюпку: шлюпка прочно вкопалась в песок. Я пробовал пойти вброд к берегу. Но во все стороны было глубоко, куда ни сунься. И никуда нельзя было уйти. И так далеко, что и доплыть нельзя.

А из домика никто не выходил. Я поел хлеба, запил водой и с Ниной не говорил. А она плакала и приговаривала:

- Вот завёз, теперь нас здесь никто не найдёт. Посадил на мель среди моря. Капитан! Мама с ума сойдёт. Вот увидишь. Мама мне так и говорила: "Если с вами что, я с ума сойду".

А я молчал. Ветер совсем затих. Я взял и заснул.

Когда я проснулся, было совсем темно. Нинка хныкала, забившись в самый нос, под скамейку. Я встал на ноги, и шлюпка под ногами качнулась легко и свободно. Я нарочно качнул её сильнее. Шлюпка на свободе. Вот я обрадовался-то! Ура! Мы снялись с мели. Это ветер переменялся, нагнал воды, шлюпку подняло, и она сошла с мели.

Я огляделся. Вдали блестели огоньки - много-много. Это на нашем берегу: крохотные, как искорки. Я бросился поднимать паруса. Нина вскочила и думала сначала, что я с ума сошёл. Но я ничего не сказал.

А когда уже направил шлюпку на огоньки, сказал ей:

- Что, рёва? Вот и домой идём. А реветь нечего.

Мы всю ночь шли. Под утро ветер перестал. Но мы были уже под берегом. Мы на вёслах догреблись до дому. Мама и сердилась и радовалась сразу. Но мы выпросили, чтобы отцу ничего не говорила.

А потом мы узнали, что в том домике уж целый год никто не живёт.

Муниципальное бюджетное дошкольное образовательное учреждение
детский сад комбинированного вида №7 г. Кропоткин
муниципального образования Кавказский район

***Подготовительный
возраст***

2013 год

Теплый хлеб

Паустовский К.

Когда кавалеристы проходили через деревню Бережки, немецкий снаряд разорвался на окраине и ранил в ногу вороного коня. Командир оставил раненого коня в деревне, а отряд ушёл дальше, пыля и позванивая удилами, - ушёл, закатился за рощи, за холмы, где ветер качал спелую рожь. Коня взял к себе мельник Панкрат. Мельница давно не работала, но мучная пыль навеки въелась в Панкрата. Она лежала серой коркой на его ватнике и картузе. Из-под картуза посматривали на всех быстрые глаза мельника. Панкрат был скорый на работу, сердитый старик, и ребята считали его колдуном.

Панкрат вылечил коня. Конь остался при мельнице и терпеливо возил глину, навоз и жерди - помогал Панкрату чинить плотину.

Панкрату трудно было прокормить коня, и конь начал ходить по дворам побираться. Постоит, пофыркает, постучит мордой в калитку, и, глядишь, ему вынесут свекольной ботвы, или чёрствого хлеба, или, случалось даже, сладкую морковку. По деревне говорили, что конь ничей, а вернее - общественный, и каждый считал своей обязанностью его покормить. К тому же конь - раненый, пострадал от врага.

Жил в Бережках со своей бабкой мальчик Филька, по прозвищу "Ну Тебя". Филька был молчаливый, недоверчивый, и любимым его выражением было: "Да ну тебя!". Предлагал ли ему соседский мальчишка походить на ходулях или поискать позеленевшие патроны, Филька отвечал сердитым басом: "Да ну тебя! Ищи сам!". Когда бабка выговаривала ему за неласковость, Филька отворачивался и бормотал: "Да ну тебя! Надоела!".

Зима в этот год стояла тёплая. В воздухе висел дым. Снег выпадал и тотчас таял. Мокрые вороны садились на печные трубы, чтобы обсохнуть, толкались, каркали друг на друга. Около мельничного лотка вода не замерзала, а стояла чёрная, тихая, и в ней кружились льдинки.

Панкрат починил к тому времени мельницу и собирался молоть хлеб, - хозяйки жаловались, что мука кончается, осталось у каждой на два-три дня, а зерно лежит немолотое.

В один из таких тёплых серых дней раненый конь постучал мордой в калитку к Филькиной бабке. Бабки не было дома, а Филька сидел за столом и жевал кусок хлеба, круто посыпанный солью.

Филька нехотя встал, вышел за калитку. Конь переступил с ноги на ногу и потянулся к хлебу. "Да ну тебя! Дьявол!" - крикнул Филька и наотмашь ударил коня по губам. Конь отшатнулся, замотал головой, а Филька закинул хлеб далеко в рыхлый снег и закричал:

- На вас не напасёшься, на христорадников! Вон твой хлеб! Иди копай его мордой из-под снега! Иди копай!

И вот после этого злорадного окрика и случились в Бережках те удивительные дела, о каких и сейчас люди говорят, покачивая головами,

потому что сами не знают, было ли это или ничего такого и не было.

Слеза скатилась у коня из глаз. Конь заржал жалобно, протяжно, взмахнул хвостом, и тотчас в голых деревьях, в изгородях и печных трубах завыл, засвистел пронзительный ветер, вздул снег, запорошил Фильке горло.

Филька бросился обратно в дом, но никак не мог найти крыльца - так уже мело кругом и хлестало в глаза. Летела по ветру мёрзлая солома с крыш, ломались скворечни, хлопали оторванные ставни. И всё выше взвивались столбы снежной пыли с окрестных полей, неслись на деревню, шурша, крутясь, перегоняя друг друга.

Филька вскочил наконец в избу, припёр дверь, сказал: "Да ну тебя!" - и прислушался. Ревела, обезумев, метель, но сквозь её рев Филька слышал тонкий и короткий свист - так свистит конский хвост, когда рассерженный конь бьёт им себя по бокам.

Метель начала затихать к вечеру, и только тогда смогла добраться к себе в избу от соседки Филькина бабка. А к ночи небо зазеленело, как лёд, звёзды примёрзли к небесному своду, и колючий мороз прошёл по деревне. Никто его не видел, но каждый слышал скрип его валенок по твёрдому снегу, слышал, как мороз, озоруя, стискивал толстые брёвна в стенах, и они трещали и лопались.

Бабка, плача, сказала Фильке, что наверняка уже замёрзли колодцы и теперь их ждёт неминуемая смерть. Воды нет, мука у всех вышла, а мельница работать теперь не сможет, потому что река застыла до самого дна.

Филька тоже заплакал от страха, когда мыши начали выбегать из подпола и хорониться под печкой в соломе, где ещё оставалось немного тепла. "Да ну вас! Проклятые!" - кричал он на мышей, но мыши всё лезли из подпола.

Филька забрался на печь, укрылся тулупчиком, весь трясся и слушал причитания бабки.

- Сто лет назад упал на нашу округу такой же лютый мороз, - говорила бабка.

- Заморозил колодцы, побил птиц, высушил до корня леса и сады. Десять лет после того не цвели ни деревья, ни травы. Семена в земле пожухли и пропали. Голая стояла наша земля. Обегал её стороной всякий зверь - боялся пустыни.

- Отчего же страся тот мороз? - спросил Филька.

- От злобы людской, - ответила бабка. - Шёл через нашу деревню старый солдат, попросил в избе хлеба, а хозяин, злой мужик, заспанный, крикливый, возьми и дай одну только чёрствую корку. И то не дал в руки, а швырнул на пол и говорит: "Вот тебе! Жуй!". - "Мне хлеб с полу поднять невозможно, - говорит солдат. - У меня вместо ноги деревяшка." - "А ногу куда девал?" - спрашивает мужик. "Утерял я ногу на Балканских горах в турецкой баталии",

- отвечает солдат. "Ничего. Раз дюже голодный - подымешь, - засмеялся мужик. - Тут тебе камердинеров нету". Солдат покряхтел, изловчился, поднял корку и видит - это не хлеб, а одна зелёная плесень. Один яд! Тогда солдат вышел на двор, свистнул - и враз сорвалась метель, пурга, буря закружила деревню, крыши посрывала, а потом ударил лютый мороз. И

мужик тот помер.

- Отчего же он помер? - хрипло спросил Филька.

- От охлаждения сердца, - ответила бабка, помолчала и добавила: - Знать, и нынче завелся в Бережках дурной человек, обидчик, и сотворил злое дело. Оттого и мороз.

- Чего ж теперь делать, бабка? - спросил Филька из-под тулупа. - Неужто помирать?

- Зачем помирать? Надеяться надо.

- На что?

- На то, что поправит дурной человек своё злодейство.

- А как его исправить? - спросил, всхлипывая, Филька.

- А об этом Панкрат знает, мельник. Он старик хитрый, учёный. Его спросить надо. Да неужто в такую стужу до мельницы добежишь? Сразу кровь остановится.

- Да ну его, Панкрата! - сказал Филька и затих.

Ночью он слез с печи. Бабка спала, сидя на лавке. За окнами воздух был синий, густой, страшный.

В чистом небе над осокорями стояла луна, убранная, как невеста, розовыми венцами.

Филька запахнул тулупчик, выскочил на улицу и побежал к мельнице. Снег пел под ногами, будто артель весёлых пильщиков пилила под корень берёзовую рощу за рекой. Казалось, воздух замёрз и между землёй и луной осталась одна пустота жгучая и такая ясная, что если бы подняло пылинку на километр от земли, то и её было бы видно и она светилась бы и мерцала, как маленькая звезда.

Чёрные ивы около мельничной плотины поседели от стужи. Ветки их поблёскивали, как стеклянные. Воздух колот Фильке грудь. Бежать он уже не мог, а тяжело шёл, загребая снег валенками.

Филька постучал в окошко Панкратовой избы. Тотчас в сарае за избой заржал и забил копытом раненый конь. Филька охнул, присел от страха на корточки, затаился. Панкрат отворил дверь, схватил Фильку за шиворот и втащил в избу.

- Садись к печке, - сказал он. - Рассказывай, пока не замёрз.

Филька, плача, рассказал Панкрату, как он обидел раненого коня и как из-за этого упал на деревню мороз.

- Да-а, - вздохнул Панкрат, - плохо твоё дело! Выходит, что из-за тебя всем пропадать. Зачем коня обидел? За что? Бессмысленный ты гражданин! Филька сопел, вытирал рукавом глаза.

- Ты брось реветь! - строго сказал Панкрат. - Реветь вы все мастера. Чуть что нашкодил - сейчас в рёв. Но только в этом я смысла не вижу. Мельница моя стоит, как запаянная морозом навеки, а муки нет, и воды нет, и что нам придумать - неизвестно.

- Чего же мне теперь делать, дедушка Панкрат? - спросил Филька.

- Изобрести спасение от стужи. Тогда перед людьми не будет твоей вины. И

перед раненой лошастью - тоже. Будешь ты чистый человек, весёлый. Каждый тебя по плечу потреплет и простит. Понятно?

- Понятно, - ответил упавшим голосом Филька.

- Ну, вот и придумай. Даю тебе сроку час с четвертью.

В сенях у Панкрата жила сорока. Она не спала от холода, сидела на хомуте подслушивала. Потом она боком, озираясь, поскакала к щели под дверью.

Выскочила наружу, прыгнула на перильца и полетела прямо на юг. Сорока была опытная, старая и нарочно летела у самой земли, потому что от деревень и лесов всё-таки тянуло теплом и сорока не боялась замёрзнуть.

Никто её не видел, только лисица в осиновом яру высунула морду из норы, повела носом, заметила, как тёмной тенью пронеслась по небу сорока, шарахнулась обратно в нору и долго сидела, почёсываясь и соображая: куда ж это в такую страшную ночь подалась сорока?

А Филька в это время сидел на лавке, ёрзал, придумывал.

- Ну, - сказал наконец Панкрат, затаптывая махорочную сигарку, - время твоё вышло. Выкладывай! Льготного срока не будет.

- Я, дедушка Панкрат, - сказал Филька, - как рассветёт, соберу со всей деревни ребят. Возьмём мы ломы, пешни, топоры, будем рубить лёд у лотка около мельницы, покамест не дорубимся до воды и не потечёт она на колесо. Как пойдёт вода, ты пускай мельницу! Повернёшь колесо двадцать раз, она разогреется и начнёт молоть. Будет, значит, и мука, и вода, и всеобщее спасение.

- Ишь ты, шустрый какой! - сказал мельник, - Подо льдом, конечно, вода есть. А ежели лёд толщиной в твой рост, что ты будешь делать?

- Да ну его! - сказал Филька. - Пробьём мы, ребята, и такой лёд!

- А ежели замёрзнете?

- Костры будем жечь.

- А ежели не согласятся ребята за твою дурь расплачиваться своим горбом? Ежели скажут: "Да ну его! Сам виноват - пусть сам лёд и скалывает".

- Согласятся! Я их умолю. Наши ребята - хорошие.

- Ну, валяй собирай ребят. А я со стариками потолкую. Может, и старики натянут рукавицы да возьмутся за ломы.

В морозные дни солнце восходит багровое, в тяжёлом дыму. И в это утро поднялось над Бережками такое солнце. На реке был слышен частый стук ломов. Трещали костры. Ребята и старики работали с самого рассвета, скалывали лёд у мельницы. И никто сгоряча не заметил, что после полудня небо затянулось низкими облаками и задул по седым ивам ровный и тёплый ветер. А когда заметили, что переменилась погода, ветки ив уже оттаяли, и весело, гулко зашумела за рекой мокрая берёзовая роща. В воздухе запахло весной, навозом.

Ветер дул с юга. С каждым часом становилось всё теплее. С крыш падали и со звоном разбивались сосульки.

Вороны вылезли из-под застрех и снова обсыхали на трубах, толкались, каркали.

Не было только старой сороки. Она прилетела к вечеру, когда от теплоты лёд начал оседать, работа у мельницы пошла быстро и показалась первая полынья с тёмной водой.

Мальчишки стащили треухи и прокричали "ура". Панкрат говорил, что если бы не тёплый ветер, то, пожалуй, и не обколоть бы лёд ребятам и старикам. А сорока сидела на раките над плотиной, трещала, трясла хвостом, кланялась на все стороны и что-то рассказывала, но никто, кроме ворон, её не понял. А сорока рассказывала, что она долетела до тёплого моря, где спал в горах летний ветер, разбудила его, натрещала ему про лютый мороз и упростила его прогнать этот мороз, помочь людям.

Ветер будто бы не осмелился отказать ей, сороке, и задул, понёсся над полями, посвистывая и посмеиваясь над морозом. И если хорошенько прислушаться, то уже слышно, как по оврагам под снегом бурлит-журчит тёплая вода, моет корни брусники, ломает лёд на реке.

Всем известно, что сорока - самая болтливая птица на свете, и потому вороны ей не поверили - покаркали только между собой: что вот, мол, опять завралась старая.

Так до сих пор никто и не знает, правду ли говорила сорока, или всё это она выдумала от хвастовства. Одно только известно, что к вечеру лёд треснул, разошёлся, ребята и старики нажали - и в мельничный лоток хлынула с шумом вода.

Старое колесо скрипнуло - с него посыпались сосульки - и медленно повернулось. Заскрежетали жернова, потом колесо повернулось быстрее, и вдруг вся старая мельница затряслась, заходила ходуном и пошла стучать, скрипеть, молоть зерно.

Панкрат сыпал зерно, а из-под жернова лилась в мешки горячая мука.

Женщины окунали в неё озябшие руки и смеялись.

По всем дворам кололи звонкие берёзовые дрова. Избы светились от жаркого печного огня. Женщины месили тугое сладкое тесто. И всё, что было живого в избах - ребята, кошки, даже мыши, - всё это вертелось около хозяек, а хозяйки шлёпали ребят по спине белой от муки рукой, чтобы не лезли в самую квашню и не мешались.

Ночью по деревне стоял такой запах тёплого хлеба с румяной коркой, с пригоревшими к донцу капустными листьями, что даже лисицы вылезли из нор, сидели на снегу, дрожали и тихонько скулили, соображая, как бы словчиться стащить у людей хоть кусочек этого чудесного хлеба.

На следующее утро Филька пришёл вместе с ребятами к мельнице. Ветер гнал по синему небу рыхлые тучи и не давал им ни на минуту перевести дух, и потому по земле неслись вперемежку то холодные тени, то горячие солнечные пятна.

Филька тащил буханку свежего хлеба, а совсем маленький мальчик Николка держал деревянную солонку с крупной жёлтой солью. Панкрат вышел на порог, спросил:

- Что за явление? Мне, что ли, хлеб-соль подносите? За какие такие заслуги?

- Да нет! - закричали ребята.- Тебе будет особо. А это раненому коню. От Фильки. Помирить мы их хотим.

- Ну что ж, - сказал Панкрат, - не только человеку извинение требуется. Сейчас я вам коня представлю в натуре.

Панкрат отворил ворота сарая, выпустил коня. Конь вышел, вытянул голову, заржал - учуял запах свежего хлеба. Филька разломил буханку, посолил хлеб из солонки и протянул коню. Но конь хлеба не взял, начал мелко перебирать ногами, попятился в сарай. Испугался Фильки. Тогда Филька перед всей деревней громко заплакал.

Ребята зашептались и притихли, а Панкрат потрепал коня по шее и сказал:

- Не пужайся, Мальчик! Филька не злой человек. Зачем же его обижать? Бери хлеб, мирись!

Конь помотал головой, подумал, потом осторожно вытянул шею и взял наконец хлеб из рук Фильки мягкими губами. Съел один кусок, обнюхал Фильку и взял второй кусок. Филька ухмылялся сквозь слезы, а конь жевал хлеб, фыркал. А когда съел весь хлеб, положил голову Фильке на плечо, вздохнул и закрыл глаза от сытости и удовольствия.

Все улыбались, радовались. Только старая сорока сидела на раките и сердито трещала: должно быть, опять хвасталась, что это ей одной удалось помирить коня с Филькой. Но никто её не слушал и не понимал, и сорока от этого сердилась всё больше и трещала, как пулемёт.

Слепая лошадь

Давно, очень уже давно, когда не только нас, но и наших дедов и прадедов не было еще на свете, стоял на морском берегу богатый и торговый славянский город Винета; а в этом городе жил богатый купец Уседом, корабли которого, нагруженные дорогими товарами, плавали по далеким морям. Уседом был очень богат и жил роскошно: может быть, и самое прозвание Уседома, или Вседома, получил он оттого, что в его доме было решительно всё, что только можно было найти хорошего и дорогого в то время; а сам хозяин, его хозяйка и дети ели только на золоте и на серебре, ходили только в соболях да в парче. В конюшне Уседома было много отличных лошадей; но ни в Уседомовой конюшне, ни во всей Винете не было коня быстрее и красивее Догони-Ветра – так прозвал Уседом свою любимую верховую лошадь за быстроту ее ног. Никто не смел садиться на Догони-Ветра, кроме самого хозяина, и хозяин никогда не ездил верхом ни на какой другой лошади.

Случилось купцу в одну из своих поездок по торговым делам, возвращаясь в Винету, проезжать на своем любимом коне через большой и темный лес. Дело было под вечер, лес был страшно темен и густ, ветер качал верхушки угрюмых сосен; купец ехал один-одинешенек и шагом, сберегая своего любимого коня, который устал от дальней поездки. Вдруг из-за кустов, будто из-под земли, выскочило шестеро плечистых молодцов со зверскими лицами, в мохнатых шапках, с рогатинами, топорами и ножами в руках; трое были на лошадях, трое пешком, и два разбойника уже схватили было лошадь купца за узду.

Не видать бы богатому Уседому своей родимой Винеты, если бы под ним был другой какой-нибудь конь, а не Догони-Ветер. Почуввав на узде чужую руку, конь рванулся вперед, своею широкою, сильною грудью опрокинул на землю двух дерзких злодеев, державших его за узду, смял под ногами третьего, который, махая рогатиной, забежал вперед и хотел было преградить ему дорогу, и помчался как вихрь. Конные разбойники пустились вдогонку; лошади у них были тоже добрые, но куда же им догнать Уседомова коня?

Догони-Ветер, несмотря на свою усталость, чуя погоню, мчался, как стрела, пущенная из туго натянутого лука, и далеко оставил за собою разъяренных злодеев. Через полчаса Уседом уже въезжал в родимую Винету на своем добром коне, с которого пена ключьями валилась на землю. Слезая с лошади, бока которой от усталости подымались высоко, купец тут же, трепля Догони-Ветра по взмыленной шее, торжественно обещал: что бы с ним ни случилось, никогда не продавать и не дарить никому своего верного коня, не прогонять его, как бы он ни состарился, и ежедневно, до самой смерти, отпускать коню по три меры лучшего овса. Но, поторопившись к жене и детям, Уседом не

присмотрел сам за лошадью, а ленивый работник не выводил измученного коня как следует, не дал ему совершенно остыть и напоил раньше времени.

С тех самых пор Догони-Ветер и начал хворать, хилеть, ослабел на ноги и, наконец, ослеп. Купец очень горевал и с полгода верно соблюдал свое обещание: слепой конь стоял по-прежнему на конюшне, и ему ежедневно отпускалось по три меры овса. Уседом потом купил себе другую верховую лошадь, и через полгода ему показалось слишком нерасчетливо давать слепой, никуда не годной лошади по три меры овса, и он велел отпускать две. Еще прошло полгода; слепой конь был еще молод, приходилось его кормить долго, и ему стали отпускать по одной мере. Наконец, и это показалось купцу тяжело, и он велел снять с Догони-Ветра узду и выгнать его за ворота, чтобы не занимал напрасно места в конюшне. Слепого коня работники выпроводили со двора палкой, так как он упирался и не шел.

Бедный слепой Догони-Ветер, не понимая, что с ним делают, не зная и не видя, куда идти, остался стоять за воротами, опустивши голову и печально шевеля ушами. Наступила ночь, пошел снег, спать на камнях было жестко и холодно для бедной слепой лошади. Несколько часов простояла она на одном месте, но наконец голод заставил ее искать пищи. Поднявши голову, нюхая в воздухе, не попадется ли где-нибудь хоть клочок соломы со старой, осунувшейся крыши, брела наудачу слепая лошадь и натыкалась беспрестанно то на угол дома, то на забор.

Надобно вам знать, что в Винете, как и во всех старинных славянских городах, не было князя, а жители города управлялись сами собою, собираясь на площадь, когда нужно было решать какие-нибудь важные дела. Такое собрание народа для решения его собственных дел, для суда и расправы, называлось вечем. Посреди Винеты, на площади, где собиралось вече, висел на четырех столбах большой вечевой колокол, по звону которого собирался народ и в который мог звонить каждый, кто считал себя обиженным и требовал от народа суда и защиты. Никто, конечно, не смел звонить в вечевой колокол по пустякам, зная, что за это от народа сильно достанется.

Бродя по площади, слепая, глухая и голодная лошадь случайно набрела на столбы, на которых висел колокол, и, думая, быть может, вытащить из стрехи пучок соломы, схватила зубами за веревку, привязанную к языку колокола, и стала дергать: колокол зазвонил так сильно, что народ, несмотря на то что было еще рано, толпами стал сбегаться на площадь, желая знать, кто так громко требует его суда и защиты. Все в Винете знали Догони-Ветра, знали, что он спас жизнь своему хозяину, знали обещание хозяина – и удивились, увидя посреди площади бедного коня – слепого, голодного, дрожащего от стужи, покрытого снегом.

Скоро объяснилось, в чем дело, и когда народ узнал, что богатый Уседом выгнал из дому слепую лошадь, спасшую ему жизнь, то единодушно решил,

что Догони-Ветер имел полное право звонить в вечевой колокол. Потребовали на площадь неблагодарного купца; и, несмотря на его оправдания, приказали ему содержать лошадь по-прежнему и кормить ее до самой ее смерти. Особый человек приставлен был смотреть за исполнением приговора, а самый приговор был вырезан на камне, поставленном в память этого события на вечевой площади...

Гадкий утенок

Андерсен

Хорошо было за городом!

Стояло лето. Золотилась рожь, зеленел овес, сено было сметано в стога; по зеленому лугу расхаживал длинноногий аист и болтал по-египетски - этому языку он выучился у матери.

За полями и лугами тянулись большие леса, а в лесах были глубокие озера. Да, хорошо было за городом!

Прямо на солнышке лежала старая усадьба, окруженная глубокими канавами с водой; от стен дома до самой воды рос лопух, да такой большой, что маленькие ребятки могли стоять под самыми крупными листьями во весь рост. В чаще лопуха было глухо и дико, как в самом густом лесу, и вот там-то сидела на яйцах утка.

Она должна была выводить утят, и ей это порядком надоело, потому что сидела она уже давно и ее редко навещали - другим уткам больше нравилось плавать по канавам, чем сидеть в лопухах да крикать с нею. Наконец яичные скорлупки затрещали.

- Пип! Пип! - запищало внутри. Все яичные желтки ожили и высунули головки.

- Кряк! Кряк! - сказала утка. Утята быстро выкарабкались из скорлупы и стали озираться кругом под зелеными листьями лопуха; мать не мешала им - зеленый цвет полезен для глаз.

- Ах, как велик мир! - сказали утята.

Еще бы! Тут было куда просторнее, чем в скорлупе.

- Уж не думаете ли вы, что тут и весь мир? - сказала мать. - Какое там! Он тянется далеко-далеко, туда, за сад, в поле, но там я отроду не бывала!.. Ну что, все вы тут?

И она встала.

- Ах нет, не все. Самое большое яйцо целехонько! Да когда же этому будет конец! Я скоро совсем потеряю терпение.

И она уселась опять.

- Ну, как дела? - спросила старая утка, которая пришла ее навестить.

- Да вот с одним яйцом никак не управлюсь, - сказала молодая утка. - Все не лопаются. Зато посмотри-ка на малюток! Просто прелесть! Все, как один, - в отца.

- А ну-ка покажи мне яйцо, которое не лопается, - сказала старая утка. - Наверняка это индюшечье яйцо. Вот точно так же и меня однажды провели. Ну и было же мне с этими индюшатами хлопот, скажу я тебе! Никак не могла заманить их в воду. Уж я и крикала, и толкала - не идут, да и только! Ну-ка, покажи яйцо. Так и есть! Индюшечье! Брось его да ступай учи деток плавать!

- Посижу уж еще! - сказала молодая утка. - Столько сидела, что можно и еще посидеть.

- Как угодно! - сказала старая утка и ушла.

Наконец лопнуло и большое яйцо.

- Пип! Пип! - пропищал птенец и вывалился из яйца. Но какой же он был большой и гадкий!

Утка оглядела его.

- Ужасно велик! - сказала она. - И совсем не похож на остальных! Уж не индюшонок ли это, в самом деле? Ну да в воде-то он у меня побывает, силой да загоню!

На другой день погода стояла чудесная, зеленый лопух был залит солнцем. Утка со всею своею семьей отправилась к канаве. Бултых! - и она очутилась в воде.

- Кряк! Кряк! - позвала она, и утята один за другим тоже побултыхались в воду. Сначала вода покрыла их с головой, но они сейчас же вынырнули и отлично поплыли вперед.

Лапки у них так и работали, и даже некрасивый серый утенок не отставал от других.

- Какой же это индюшонок? - сказала утка. - Вон как славно гребет лапками! И как прямо держится! Нет, мой он, мой родненький... Да он вовсе и не дурен, как посмотришь на него хорошенько. Ну, живо, живо за мной! Сейчас я введу вас в общество, представлю вас на птичьем дворе. Только держитесь ко мне поближе, чтобы кто-нибудь не наступил на вас, да берегитесь кошек!

Скоро добрались и до птичьего двора. Батюшки! Что тут был за шум!

Два утиных семейства дрались из-за одной головки угря, а кончилось тем, что головка досталась кошке.

- Вот видите, как бывает на свете! - сказала утка и облизнула язычком клюв - она и сама была не прочь отведать угриной головки.

- Ну-ну, шевелите лапками! - сказала она утятам. - Крякните и поклонитесь вон той старой утке! Она здесь знатнее всех. Она испанской породы и потому такая жирная. Видите, у нее на лапке красный лоскут. Как красиво! Это высшее отличие, какого только может удостоиться утка. Это значит, что ее не хотят потерять, - по этому лоскуту ее узнают и люди и животные. Ну, живо! Да не держите лапки вовнутрь! Благовоспитанный утенок должен выворачивать лапки наружу, как отец и мать. Вот так! Смотрите! Теперь наклоните голову и скажите: "Кряк!"

Так они и сделали. Но другие утки оглядели их и сказали громко:

- Ну вот, еще целая орава! Как будто нас мало было? А один-то какой безобразный! Уж его-то мы не потерпим!

И сейчас же одна утка подлетела и клюнула его в затылок.

- Оставьте его! - сказала утка-мать. - Ведь он вам ничего не сделал!

- Положим, но он такой большой и странный! - ответила чужая утка. - Ему надо задать хорошенько.

- Славные у тебя детки! - сказала старая утка с красным лоскутом на лапе. - Все славные, вот только один... Этот не удался! Хорошо бы его переделать!

- Это никак невозможно, ваша милость! - ответила утка-мать. - Он некрасив, но у него доброе сердце. А плавает он не хуже, смею даже сказать - лучше других. Я думаю, со временем он выровняется и станет поменьше. Он слишком долго пролежал в яйце, оттого и не совсем удался.

И она почесала у него в затылке и огладила перышки.

- К тому же он селезень, а селезню красота не так уж нужна. Я думаю, он окрепнет и пробьет себе дорогу.

- Остальные утята очень, очень милы! - сказала старая утка. - Ну, будьте как дома, а найдете угриную головку, можете принести ее мне.

Вот утята и устроились как дома. Только бедного утенка, который вылупился позже всех и был такой безобразный, клевали, толкали и дразнили решительно все - и утки и куры.

- Больно велик! - говорили они.

А индейский петух, который родился со шпорами на ногах и потому воображал себя императором, надулся и, словно корабль на всех парусах, подлетел к утенку, поглядел на него и сердито залопотал; гребешок у него так и налился кровью.

Бедный утенок просто не знал, что ему делать, куда деваться. И надо же ему было уродиться таким безобразным, что весь птичий двор смеется над ним!..

Так прошел первый день, а потом пошло еще хуже. Все гнали бедного утенка, даже братья и сестры сердито говорили ему:

- Хоть бы кошка утащила тебя, несносный урод!

А мать прибавляла:

Глаза бы на тебя не глядели!

Утки щипали его, куры клевали, а девушка, которая давала птицам корм, толкала ногою.

Не выдержал утенок, перебежал двор - и через изгородь! Маленькие птички испуганно вспорхнули из кустов.

"Это оттого, что я такой безобразный!" - подумал утенок, закрыл глаза и пустился дальше.

Бежал-бежал, пока не очутился в болоте, где жили дикие утки. Усталый и печальный, пролежал он тут всю ночь.

Утром дикие утки поднялись из гнезд и увидели нового товарища.

- Это что за птица? - спросили они.

Утенок вертелся и кланялся во все стороны, как умел.

- Ну и страшилище ты! - сказали дикие утки. - Впрочем, нам все равно, только не думай породниться с нами.

Бедняжка! Где уж ему было думать об этом! Только бы позволили ему посидеть в камышах да попить болотной водицы.

Два дня провел он в болоте. На третий день явились два диких гусака. Они лишь недавно вылупились из яиц и поэтому очень важничали.

- Слушай, дружище! - сказали они. - Ты такой урод, что, право, нравишься нам! Хочешь летать с нами и быть вольной птицей? Здесь поблизости есть другое болото, там живут хорошенькие дикие гуси-барышни. Они умеют говорить: "Га-га-га!" Ты такой урод, что, чего доброго, будешь иметь у них успех.

Пиф! Паф! - раздалось вдруг над болотом, и оба гусака замертво упали в камыши; вода обагрилась их кровью.

Пиф! Паф! - раздалось опять, и из камышей поднялась целая стая диких гусей. Пошла пальба. Охотники окружили болото со всех сторон; некоторые засели даже в нависших над болотом ветвях деревьев.

Голубой дым облаками окутывал деревья и стлался над водой. По болоту бегали охотничьи собаки - шлеп! шлеп! Камыш и тростник так и качались из стороны в сторону.

Бедный утенок был ни жив ни мертв от страха. Он хотел было спрятать голову под крыло, как вдруг прямо перед ним очутилась охотничья собака с высунутым языком и сверкающими злыми глазами.

Она сунулась пастью к утенку, оскалила острые зубы и - шлеп! Шлеп! - побежала дальше.

"Не тронула, - подумал утенок и перевел дух. - Уж видно, такой я безобразный, что даже собаке противно укусить меня!"

И он притаился в камышах.

Над головою его то и дело свистела дробь, раздавались выстрелы. Пальба стихла только к вечеру, но утенок долго еще боялся пошевелиться.

Лишь через несколько часов он осмелился встать, огляделся и пустился бежать дальше по полям и лугам. Дул такой сильный ветер, что утенок еле-еле мог двигаться.

К ночи добежал он до бедной избушки. Избушка до того обветшала, что готова была упасть, да не знала, на какой бок, потому и держалась.

Ветер так и подхватывал утенка - приходилось упираться в землю хвостом. А ветер все крепчал.

Тут утенок заметил, что дверь избушки соскочила с одной петли и висит так криво, что можно свободно проскользнуть через щель в избушку. Так он и сделал.

В избушке жила старуха с котом и курицей. Кота она звала сыночком; он умел выгибать спину, мурлыкать и даже пускать искры, если погладить его против шерсти.

У курицы были маленькие, коротенькие ножки, потому ее и прозвали Коротконожкой; она прилежно несла яйца, и старушка любила ее, как дочку.

Утром чужого утенка заметили. Кот замурлыкал, курица заклохтала.

- Что там? - спросила старушка, осмотрелась кругом и заметила утенка, но по слепоте приняла его за жирную утку, которая отбилась от дому.

- Вот так находка! - сказала старушка. - Теперь у меня будут утиные яйца, если только это не селезень. Ну, да увидим, испытаем!

И утенка приняли на испытание. Но прошло недели три, а яиц все не было.

Настоящим хозяином в доме был кот, а хозяйкой - курица, и оба всегда говорили:

- Мы и весь свет!

Они считали самих себя половиной всего света, и притом лучшей половиной.

Правда, утенок полагал, что можно быть на этот счет и другого мнения. Но курица этого не потерпела.

- Умеешь ты нести яйца? - спросила она утенка.

- Нет.

- Так и держи язык на привязи!

А кот спросил:

- Умеешь ты выгибать спину, мурлыкать и пускать искры?

- Нет.

- Так и не суйся со своим мнением, когда говорят умные люди!

И утенок сидел в углу нахохлившись.

Вдруг вспомнились ему свежий воздух и солнышко, страшно захотелось поплавать. Он не выдержал и сказал об этом курице.

- Да что с тобой? - спросила она. - Бездельничаешь, вот тебе блажь в голову и лезет! Неси-ка яйца или мурлычь, дурь-то и пройдет!

- Ах, плавать так приятно! - сказал утенок. - Такое удовольствие нырять вниз головой в самую глубину!

- Вот так удовольствие! - сказала курица. - Ты совсем с ума сошел! Спроси у кота - он умнее всех, кого я знаю, - нравится ли ему плавать и нырять. О себе самой я уж и не говорю! Спроси, наконец, у нашей старушки госпожи, умнее ее никого нет на свете! По-твоему, и ей хочется плавать или нырять?

- Вы меня не понимаете, - сказал утенок.

- Если уж мы не понимаем, так кто тебя и поймет! Ты что ж, хочешь быть умнее кота и хозяйки, не говоря уже обо мне? Не дури, а будь благодарен за все, что для тебя сделали! Тебя приютили, пригрели, ты попал в такое общество, в котором можешь кое-чему научиться. Но ты пустая голова, и разговаривать-то с тобой не стоит. Уж поверь мне! Я желаю тебе добра, потому и браню тебя. Так всегда узнаются истинные друзья. Старайся же нести яйца или научись мурлыкать да пускать искры!

- Я думаю, мне лучше уйти отсюда куда глаза глядят, - сказал утенок.

- Ну и ступай себе! - отвечала курица.

И утенок ушел. Он плавал и нырял, но все животные по-прежнему презирали его за безобразия.

Настала осень. Листья на деревьях пожелтели и побурели; ветер подхватывал и кружил их по воздуху. Стало очень холодно.

Тяжелые тучи сыпали на землю то град, то снег, а на изгороди сидел ворон и каркал от холода во все горло. Брр! Замерзнешь при одной мысли о таком холоде!

Плохо приходилось бедному утенку. Раз, под вечер, когда солнышко еще сияло на небе, из кустов поднялась целая стая прекрасных больших птиц, утенок никогда еще не видал таких красивых: все белые как снег, с длинными, гибкими шеями.

Это были лебеди.

Издав странный крик, они всплеснули великолепными большими крыльями и полетели с холодных лугов в теплые края, за синее море. Высоко-высоко поднялись лебеди, а бедного утенка охватила непонятная тревога.

Волчком завертелся он в воде, вытянул шею и тоже закричал, да так громко и странно, что сам испугался. Ах, он не мог оторвать глаз от этих прекрасных счастливых птиц, а когда они совсем скрылись из виду, нырнул на самое дно, вынырнул и был словно не в себе. Не знал утенок, как зовут этих птиц, куда они летят, но полюбил их, как не любил до сих пор никого на свете.

Красоте их он не завидовал; ему и в голову не приходило, что он может быть таким же красивым, как они. Он был бы рад-радехонек, если б хоть утки не отталкивали его от себя.

Бедный гадкий утенок!

Зима настала холодная-прехолодная. Утенку приходилось плавать без отдыха, чтобы не дать воде замерзнуть совсем, но с каждой ночью полынья, в которой он плавал, становилась все меньше и меньше.

Морозило так, что даже лед потрескивал. Без устали работал лапками утенок, но под конец совсем выбился из сил, замер и весь обмерз.

Рано утром проходил мимо крестьянин. Он увидел утенка, разбил лед своими деревянными башмаками и отнес полумертвую птицу домой к жене.

Утенка отогрели.

Но вот дети вздумали поиграть с ним, а ему показалось, что они хотят обидеть его. Шарахнулся от страха утенок и угодил прямо в подойник с молоком.

Молоко расплескалось. Хозяйка вскрикнула и взмахнула руками, а утенок между тем влетел в кадку с маслом, а оттуда - в бочонок с мукой. Батюшки, на что он стал похож!

Хозяйка кричала и гонялась за ним с угольными щипцами, дети бегали, сшибая друг друга с ног, хохотали и визжали.

Хорошо еще, дверь была открыта, - утенок выскочил, кинулся в кусты, прямо на свежавыпавший снег, и долго-долго лежал там почти без чувств.

Было бы слишком печально описывать все беды и несчастья утенка за эту суровую зиму. Когда же солнышко опять пригрело землю своими теплыми лучами, он лежал в болоте, в камышах.

Запели жаворонки. Пришла весна! Утенок взмахнул крыльями и полетел. Теперь в крыльях его гудел ветер, и они были куда крепче прежнего.

Не успел он опомниться, как очутился в большом саду. Яблони стояли в цвету; душистая сирень склоняла свои длинные зеленые ветви над извилистым каналом.

Ах, как тут было хорошо, как пахло весной!

И вдруг из чащи тростника выплыли три чудных белых лебедя. Они плыли так легко и плавно, точно скользили по воде.

Утенок узнал прекрасных птиц, и его охватила какая-то непонятная грусть.

- Полечу-ка к ним, к этим величавым птицам. Они, наверное, заклюют меня насмерть за то, что я, такой безобразный, осмелился приблизиться к ним. Но пусть! Лучше погибнуть от их ударов, чем сносить щипки уток и кур, пинки птичницы да терпеть холод и голод зимою!

И он опустил на воду и поплыл навстречу прекрасным лебедям, которые, завидя его, тоже поплыли к нему.

- Убейте меня! - сказал бедняжка и низко опустил голову, ожидая смерти, но что же увидел он в чистой, как зеркало, воде? Свое собственное отражение.

Но он был уже не гадким темно-серым утенком, а лебедем. Не беда появиться на свет в утином гнезде, если ты вылупился из лебединого яйца!

Теперь он был рад, что перенес столько горя и бед, - он мог лучше оценить свое счастье и окружавшее его великолепие.

А большие лебеди плавали вокруг и гладили его клювами.

В сад прибежали маленькие дети. Они стали бросать лебедям хлебные крошки и зерна, а самый младший закричал:

- Новый прилетел!

И все остальные подхватили:

- Новый, новый!

Дети хлопали в ладоши и плясали от радости, а потом побежали за отцом и матерью и опять стали бросать в воду крошки хлеба и пирожного. Все говорили:

- Новый лебедь лучше всех! Он такой красивый и молодой!

И старые лебеди склонили перед ним голову.

А он совсем смутился и спрятал голову под крыло, сам не зная зачем.

Он был очень счастлив, но нисколько не возгордился - доброе сердце не знает гордости; ему вспоминалось то время, когда все смеялись над ним и гнали его. А теперь все говорят, что он самый прекрасный среди прекрасных птиц.

Сирень склоняла к нему в воду свои душистые ветви, солнышко светило так тепло, так ярко...

И вот крылья его зашумели, стройная шея выпрямилась, а из груди вырвался ликующий крик:

- Нет, о таком счастье я и не мечтал, когда был еще гадким утенком!

Белая уточка

А. Н. Афанасьев

Один князь женился на прекрасной княжне и не успел ещё на неё наглядеться, не успел с нею наговориться, не успел её послушаться, а уж надо было им расставаться, надо было ему ехать в дальний путь, покидать жену на чужих руках. Что делать! Говорят, век обнявшись не просидеть!

Много плакала княгиня, много князь её уговаривал, заповедовал не покидать высока терема, не ходить на беседу с дурными людьми не ватажиться, худых речей не слушаться. Княгиня обещала всё исполнить.

Князь уехал, она заперлась в своём покое и не выходит.

Долго ли, коротко ли, пришла к ней женщина, казалось — такая простая, сердечная!

— Что, — говорит, — ты скучаешь? Хоть бы на божий свет поглядела, хоть бы по саду прошлась, тоску размыкала.

Долго княгиня отговаривалась, не хотела, наконец, подумала: «По саду походить — не беда», — и пошла.

В саду разливалась ключевая хрустальная вода.

— Что, — говорит женщина, — день такой жаркий, солнце палит, а водица студёная — так и плещет, не искупаться ли нам здесь?

— Нет, нет, не хочу! — А там подумала: «Ведь искупаться — не беда!»

Скинула сарафанчик и прыгнула в воду. Только окунулась, женщина ударила её по спине:

— Плыви ты, — говорит, — белою уточкой!

И поплыла княгиня белою уточкой.

Ведьма тотчас нарядилась в её платье, убралась, намалевалась и села ожидать князя.

Только щенок вякнул, колокольчик звякнул — она уж бежит навстречу, бросилась к князю, целует, милует. Он обрадовался, сам руки протянул и не распознал её.

А белая уточка нанесла яичек, вывела деточек, двух хороших, а третьего заморышка, и деточки её вышли — ребяточки.

Она их вырастила, стали они по реченьке ходить, злату рыбку ловить, лоскутики собирать, кафтаники сшивать, да выскакивать на бережок, да поглядывать на лужок.

— Ох, не ходите туда, дети! — говорила мать.

Дети не слушали; нынче поиграют на травке, завтра побегают по муравке, дальше, дальше, и забрались на княжий двор.

Ведьма чутьём их узнала, зубами заскрипела. Вот она позвала деточек, накормила-напоила и спать уложила, а там велела разложить огня, навесить котлы, наточить ножи.

Легли два братца и заснули, — а заморышка, чтоб не застудить, приказала им мать в пазушке носить — заморышек-то и не спит, всё слышит, всё видит.

Ночью пришла ведьма под дверь и спрашивает:

— Спите вы, детки, иль нет?

Заморышек отвечает:

— Мы спим — не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы висят кипучие, ножи точат булатные!

— Не спят!

Ведьма ушла, походила-походила, опять под дверь:

— Спите, детки, или нет?

Заморышек опять говорит то же:

— Мы спим — не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы висят кипучие, ножи точат булатные!

«Что же это всё один голос?» — подумала ведьма, отворила потихоньку дверь, видит: оба брата спят крепким сном, тотчас обвела их мёртвой рукой — и они померли.

Поутру белая уточка зовёт деток; детки нейдут. Зачуяло её сердце, встrepенулась она и полетела на княжий двор.

На княжьем дворе, белы, как платочки, холодны, как пласточки, лежали братцы рядышком.

Кинулась она к ним, бросилась, крылышки распустила, деточек обхватила и материнским голосом завопила:

Кря, кря, мои деточки!

Кря, кря, голубяточки!

Я нуждой вас выхаживала,

Я слезой вас выпаивала,

Тёмную ночь недосыпала,

Сладок кус недоедала!

— Жена, слышишь небывалое? Утка приговаривает.

— Это тебе чудится! Велите утку со двора прогнать!

Её прогонят, она облетит да опять к деткам:

Кря, кря, мои деточки!

Кря, кря, голубяточки!

Погубила вас ведьма старая,

Ведьма старая, змея лютая,

Змея лютая, подколотная:

Отняла у вас отца родного,

Отца родного — моего мужа,

Потопила нас в быстрой реченьке,

Обратила нас в белых уточек,

А сама живёт — величается!

«Эге!» — подумал князь и закричал:

— Поймите мне белую уточку!

Бросились все, а белая уточка летает и никому не даётся; выбежал князь сам, она к нему на руки пала.

Взял он её за крылышко и говорит:

— Стань, белая берёза, у меня позади, а красная девица — впереди!

Белая берёза вытянулась у него позади, а красная девица стала впереди, и в красной девице князь узнал свою молодую княгиню.

Тотчас поймали сороку, подвязали ей два пузырька, велели в один набрать воды живящей, в другой — говорящей. Сорока слетала, принесла воды.

Сбрызнули деток живящей водою — они вострепнулись, сбрызнули говорящею — они заговорили.

И стала у князя целая семья, и стали все жить-поживать, добро наживать, худо забывать.

А ведьму привязали к лошадиному хвосту, размыкали по полю; и не осталось от неё ни следа, ни памяти!

Мальчик с пальчик

Жили старик со старухою. Раз старуха рубила капусту и нечаянно отрубила себе палец. Завернула его в тряпку и положила на лавку. Вдруг услышала — кто-то на лавке плачет. Развернула тряпку, а в ней лежит мальчик ростом с пальчик.

Удивилась старуха, испугалась:

— Ты кто таков?

— Я твой сынок, родился из твоего мизинчика.

Взяла его старуха, смотрит — мальчик крохотный-крохотный, еле от земли видно. И назвала его Мальчик с пальчик.

Стал он у них расти. Ростом мальчик не вырос, а разумом умнее большого оказался.

Вот он раз и говорит:

— Где мой батюшка?

— Поехал на пашню.

— Я к нему пойду, помогать стану.

— Ступай, дитятко.

Пришел на пашню:

— Здравствуй, батюшка!

Осмотрелся старик кругом:

— Что за чудо! Голос слышу, а никого не вижу. Кто таков говорит со мной?

— Я — твой сынок. Пришел тебе помогать пахать. Садись, батюшка, закуси да отдохни маленько!

Обрадовался старик, сел обедать. А Мальчик с пальчик залез лошади в ухо и стал пахать, а отцу наказал:

— Коли кто будет торговать меня, продавай смело: небось — не пропаду, назад домой приду.

Вот едет мимо барин, смотрит и дивуется: конь идет, соха орет, а человека нет!

— Этого еще видом не видано, слухом не слыхано, чтобы лошадь сама собой пахала!

Старик говорит барину:

— Что ты, разве ослеп? То у меня сын пашет.

— Продай мне его!

— Нет, не продам: нам только и радости со старухой, только и утехи, что Мальчик с пальчик.

— Продай, дедушка!

— Ну, давай тысячу рублей.

— Что так дорого?

— Сам видишь: мальчик мал, да удал, на ногу скор, на посылку легок!

Барин заплатил тысячу рублей, взял мальчика, посадил в карман и поехал домой. А Мальчик с пальчик прорвал дыру в кармане и ушел от барина.

Шел, шел, и настигла его темная ночь. Спрятался он под былинку подле самой дороги и уснул. Набежал голодный волк и проглотил его. Сидит Мальчик с пальчик в волчьем брюхе живой, и горя ему мало!

Плохо пришлось серому волку: увидит он стадо, овцы пасутся, пастух спит, а только подкрадется овцу унести — Мальчик с пальчик и закричит во все горло:

— Пастух, пастух, овечий дух! Спишь, а волк овцу тащит!

Пастух проснется, бросится бежать на волка с дубиною да еще притравит его собаками, а собаки ну его рвать — только ключья летят! Еле-еле уйдет серый волк!

Совсем волк отощал, пришлось пропадать с голоду. Просит он Мальчика с пальчик:

— Вылези!

— Довези меня домой к отцу, к матери, так вылезу.

Делать нечего. Побежал волк в деревню, вскочил прямо к старику в избу.

Мальчик с пальчик тотчас выскочил из волчьего брюха:

— Бейте волка, бейте серого!

Старик схватил кочергу, старуха ухват — и давай бить волка. Тут его и порешили, сняли кожу да сынку тулуп сделали.

Медведко

Д. Н. Мамин-Сибиряк

- Барин, хотите вы взять медвежонка? - предлагал мне мой кучер Андрей.

- А где он?

- Да у соседей. Им знакомые охотники подарили. Славный такой медвежонок, всего недель трех. Забавный зверь, одним словом.

- Зачем же соседи отдают, если он славный?

- Кто их знает. Я видел медвежонка: не больше рукавицы. И так смешно переваливает.

Я жил на Урале, в уездном городе. Квартира была большая. Отчего же и не взять медвежонка? В самом деле, зверь забавный. Пусть поживет, а там увидим,

что с ним делать.

Сказано - сделано. Андрей отправился к соседям и через полчаса принес крошечного медвежонка, который действительно был не больше его рукавицы, с

той разницей, что эта живая рукавица так забавно ходила на своих четырех ногах и еще забавнее таращила такие милые синие глазенки.

За медвежонком пришла целая толпа уличных ребятишек, так что пришлось затворить ворота. Попав в комнаты, медвежонок нимало не смутился, а напротив, почувствовал себя очень свободно, точно пришел домой. Он спокойно

все осмотрел, обошел вокруг стен, все обнюхал, кое-что попробовал своей черной лапкой и, кажется, нашел, что все в порядке.

Мои гимназисты наташили ему молока, булок, сухарей. Медвежонок принимал

все как должное и, усевшись в уголке на задние лапы, приготовился закусить.

Он делал все с необыкновенной комичной важностью.

- Медведко, хочешь молочка?

- Медведко, вот сухарики.

- Медведко!..

Пока происходила вся эта суета, в комнату незаметно вошла моя охотничья собака, старый рыжий сеттер. Собака сразу почуяла присутствие какого-то неизвестного зверя, вытянулась, ошетинулась, и не успели мы оглянуться, как

она уже сделала стойку над маленьким гостем. Нужно было видеть картину: медвежонок забился в уголок, присел на задние лапки и смотрел на медленно подходившую собаку такими злыми глазенками.

Собака была старая, опытная, и поэтому она не бросилась сразу, а долго смотрела с удивлением своими большими глазами на непрошеного гостя, - эти

комнаты она считала своими, а тут вдруг забрался неизвестный зверь, засел в

угол и смотрит на нее как ни в чем не бывало.

Я видел, как сеттер начал дрожать от волнения, и приготовился схватить его. Если бы он бросился на малютку медвежонка! Но вышло совсем другое, чего

никто не ожидал. Собака посмотрела на меня, точно спрашивая согласия, и подвигалась вперед медленными, рассчитанными шагами. До медвежонка оставалось всего каких-нибудь пол-аршина, но собака не решалась сделать последнего шага, а только еще сильнее вытянулась и сильно потянула в себя воздух: она желала, по собачьей привычке, сначала обнюхать неизвестного врага.

Но именно в этот критический момент маленький гость размахнулся и мгновенно ударил собаку правой лапой прямо по морде. Вероятно, удар был очень силен, потому что собака отскочила и завизжала.

- Вот так молодец Медведко! - одобрили гимназисты. - Такой маленький и ничего не боится...

Собака была сконфужена и незаметно скрылась в кухню. Медвежонок преспокойно съел молоко и булку, а потом забрался ко мне на колени, свернулся клубочком и замурлыкал, как котенок.

- Ах, какой он милый! - повторили гимназисты в один голос. - Мы его оставим у нас жить... Он такой маленький и ничего не может сделать.

- Что ж, пусть его поживет, - согласился я, любуясь притихшим зверьком. Да и как было не любоваться! Он так мило мурлыкал, так доверчиво лизал своим черным языком мои руки и кончил тем, что заснул у меня на руках, как

маленький ребенок.

* * *

Медвежонок поселился у меня и в течение целого дня забавлял публику, как больших, так и маленьких. Он так забавно кувыркался, все желал видеть и

езде лез. Особенно его занимали двери. Подковыляет, запустит лапу и начинает отворять. Если дверь не отворялась, он начинал забавно сердиться, ворчал и принимался грызть дерево своими острыми, как белые гвоздики, зубами.

Меня поражала необыкновенная подвижность этого маленького увальня и его

сила. В течение этого дня он обошел решительно весь дом, и, кажется, не оставалось такой вещи, которой он не осмотрел бы, не понюхал и не полизал.

Наступила ночь. Я оставил медвежонка у себя в комнате. Он свернулся клубочком на ковре и сейчас же заснул.

Убедившись, что он успокоился, я загасил лампу и тоже приготовился спать. Не прошло четверти часа, как я стал засыпать, но в самый интересный

момент мой сон был нарушен: медвежонок пристроился к двери в столовую
и
упорно хотел ее отворить. Я оттащил его раз и уложил на старое место. Не
прошло получаса, как повторилась та же история. Пришлось вставать и
укладывать упрямого зверя во второй раз. Через полчаса - то же... Наконец
мне это надоело, да и спать хотелось. Я отворил дверь кабинета и пустил
медвежонок в столовую. Все наружные двери и окна были заперты,
следовательно, беспокоиться было нечего.

Но мне и в этот раз не привелось уснуть. Медвежонок забрался в буфет и
загремел тарелками. Пришлось вставать и вытаскивать его из буфета, причем
медвежонок ужасно рассердился, заворчал, начал вертеть головой и пытался
укусить меня за руку. Я взял его за шиворот и отнес в гостиную. Эта возня
начинала мне надоедать, да и вставать на другой день нужно было рано.

Впрочем, я скоро уснул, позабыв о маленьком госте.

Прошел, может быть, какой-нибудь час, как страшный шум в гостиной
заставил меня вскочить. В первую минуту я не мог сообразить, что такое
случилось, и только потом все сделалось ясно: медвежонок разодрался с
собакой, которая спала на своем обычном месте в передней.

- Ну и зверина! - удивился кучер Андрей, разнимая воевавших.

- Куда его мы теперь денем? - думал я вслух. - Он никому не даст спать
целую ночь.

- А к гимназистам, - посоветовал Андрей. - Они его весьма даже уважают.

Ну и пусть спит опять у них.

Медвежонок был помещен в комнате гимназистов, которые были очень рады
маленькому квартиранту.

Было уже два часа ночи, когда весь дом успокоился.

Я был очень рад, что избавился от беспокойного гостя и мог заснуть. Но
не прошло часа, как все повскакали от страшного шума в комнате
гимназистов.

Там происходило что-то невероятное... Когда я прибежал в эту комнату и
зажег
спичку, все объяснилось.

Посредине комнаты стоял письменный стол, покрытый клеенкой.

Медвежонок

по ножке стола добрался до клеенки, ухватил ее зубами, уперся лапами в
ножку

и принялся тащить что было мочи. Тащил, тащил, пока не стащил всю
клеенку,

вместе с ней - лампу, две чернильницы, графин с водой и вообще все, что
было

разложено на столе. В результате - разбитая лампа, разбитый графин,
разлитые

по полу чернила, а виновник всего скандала забрался в самый дальний угол;
оттуда сверкали только одни глаза, как два уголька.

Его пробовали взять, но он отчаянно защищался и даже успел укусить одного гимназиста.

- Что мы будем делать с этим разбойником! - взмолился я. - Это все ты, Андрей, виноват.

- Что же я, барин, сделал? - оправдывался кучер. - Я только сказал про медвежонка, а взяли-то вы. И гимназисты даже весьма его одобряли.

Словом, медвежонок не дал спать всю ночь.

Следующий день принес новые испытания. Дело было летнее, двери оставались незапертыми, и он незаметно прокрался во двор, где ужасно напугал

корову. Кончилось тем, что медвежонок поймал цыпленка и задавил его. Поднялся целый бунт. Особенно негодовала кухарка, жалевшая цыпленка.

Она

накинулась на кучера, и дело чуть не дошло до драки.

На следующую ночь, во избежание недоразумений, беспокойный гость был заперт в чулан, где ничего не было, кроме ларя с мукой. Каково же было негодование кухарки, когда на следующее утро она нашла медвежонка в ларе: он

отворил тяжелую крышку и спал самым мирным образом прямо в муке.

Огорченная

кухарка даже расплакалась и стала требовать расчета.

- Житья нет от поганого зверя, - объясняла она. - Теперь к корове подойти нельзя, цыплят надо запирать... муку бросить... Нет, пожалуйста, барин, расчет.

* * *

Признаться сказать, я очень раскаивался, что взял медвежонка, и очень был рад, когда нашелся знакомый, который его взял.

- Помилуйте, какой милый зверь! - восхищался он. - Дети будут рады. Для них - это настоящий праздник. Право, какой милый.

- Да, милый... - соглашался я.

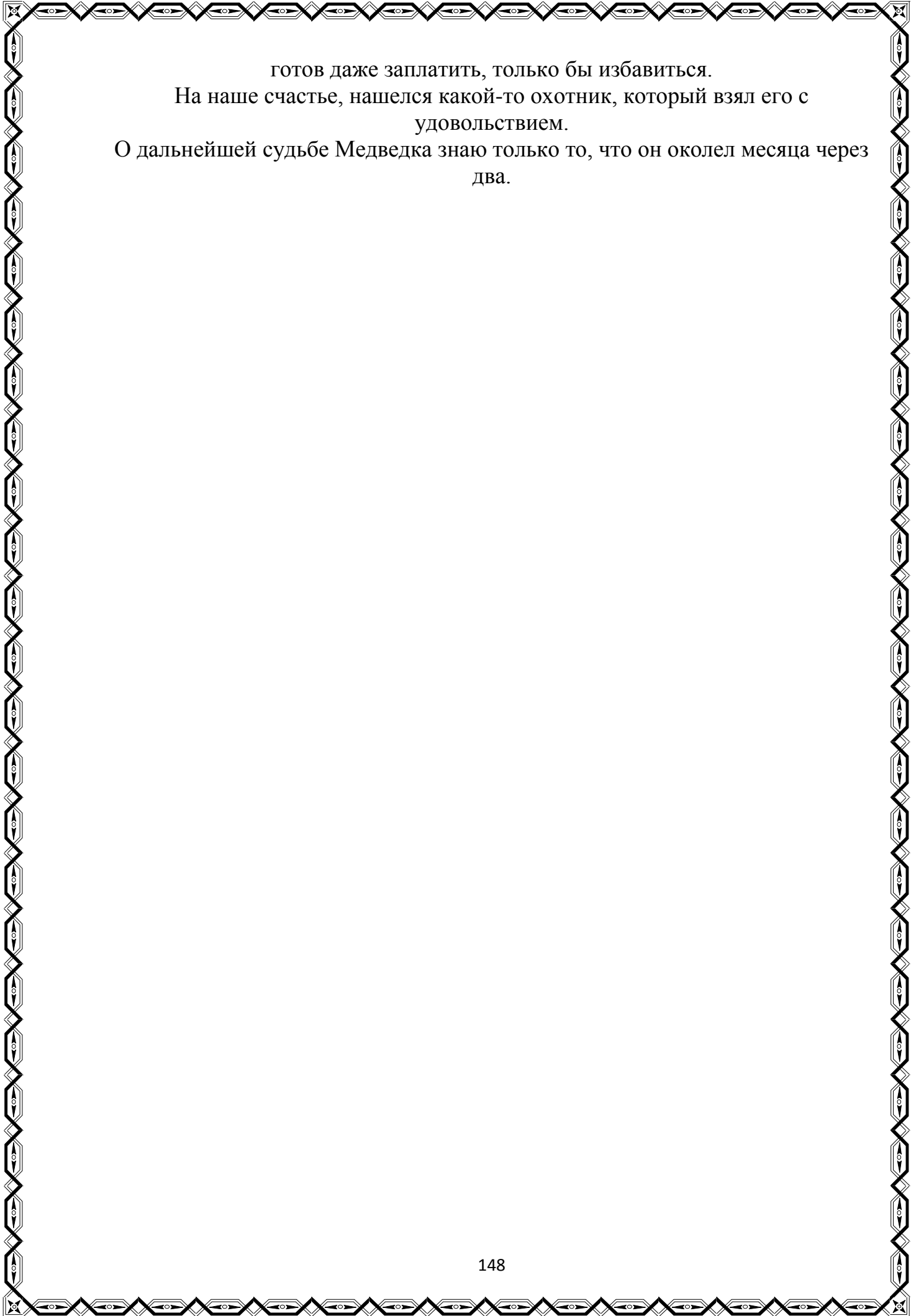
Мы все вздохнули свободно, когда наконец избавились от этого милого зверя и когда весь дом пришел в прежний порядок.

Но наше счастье продолжалось недолго, потому что мой знакомый возвратил медвежонка на другой же день. Милый зверь накуролесил на новом месте еще

больше, чем у меня. Забрался в экипаж, заложенный молодой лошастью, зарычал.

Лошадь, конечно, бросилась стремглав и сломала экипаж. Мы попробовали вернуть медвежонка на первое место, откуда его принес мой кучер, но там отказались принять его наотрез.

- Что же мы будем с ним делать? - взмолился я, обращаясь к кучеру. - Я

готов даже заплатить, только бы избавиться.
На наше счастье, нашелся какой-то охотник, который взял его с
удовольствием.
О дальнейшей судьбе Медведка знаю только то, что он околел месяца через
два.

Как папа бросил мяч под автомобиль

А. Б. Раскин

Когда папа был еще маленьким и жил в маленьком городе Павлово-Посаде, ему подарили большой мяч удивительной красоты. Этот мяч был как солнце. Нет, он был даже лучше солнца. Во-первых, на него можно было смотреть не щурясь. И он был ровно в четыре раза красивее солнца, потому что он был четырех цветов. А солнце ведь только одного цвета, да и тот трудно разглядеть. Один бок у мяча был розовый, как пастила, другой – коричневый, как самый вкусный шоколад. Верх был синий, как небо, а низ зеленый, как трава. Такого мяча еще никогда не видели в маленьком городе Павлово-Посаде. За ним специально ездили в Москву. Но я думаю, что и в Москве было мало таких мячей. На него приходили смотреть не только дети, но и взрослые.

– Вот это мяч!- говорили все.

И это был действительно прекрасный мяч. И папа очень гордился. Он вел себя так, как будто этот мяч он сам выдумал, сделал и раскрасил в четыре цвета. Когда папа гордо выходил на улицу играть своим прекрасным мячом, со всех сторон сбегались мальчишки.

– Ой, какой мяч! – говорили они. – Дай поиграть!

Но папа хватал свой мяч и говорил:

– Не дам! Это мой мяч! Ни у кого такого нет! Его привезли из Москвы! Отойдите! Не трогайте мой мяч!

И тогда мальчишки сказали:

– Эх ты, жадина!

Но папа все равно не дал им своего чудесного мяча. Он играл с ним один. А одному играть очень скучно. И жадный папа нарочно играл около мальчишек, чтобы они ему завидовали.

И тогда мальчишки сказали так:

– Он жадный. Не будем с ним водиться!

И два дня они с ним не водились. А на третий день сказали так:

– Мяч у тебя ничего. Это верно. Он большой и раскрашен здорово. Но, если бросить его под машину, он лопнет, как самый плохой черный мячик. Так что нечего так уж задирать нос.

– Мой мяч никогда не лопнет! – гордо сказал папа, который к тому времени так зазнался, как будто его самого выкрасили в четыре цвета.

– Еще как лопнет! – смеялись мальчишки.

– Нет, не лопнет!

– А вот идет машина, – сказали мальчишки. – Ну, что же ты? Бросай! Или испугался?

И маленький папа бросил свой мяч под машину. На минуту все замерли. Мяч прокатился между передними колесами и угодил под правое заднее колесо. Машина вся перекосилась, переехала мяч и помчалась дальше. А мяч остался лежать совершенно невредимым.

– Не лопнул! Не лопнул! – закричал папа и побежал к своему мячу. Но тут раздался такой шум, как будто выстрелили из маленькой пушки. Это лопнул мяч. И когда папа добежал до него, он увидел только пыльную резиновую тряпку, совсем некрасивую и неинтересную. И тогда папа заплакал и побежал домой. А мальчишки хохотали изо всех сил.

– Лопнул! Лопнул! – кричали они. – Так тебе и надо, жадина!

Когда папа прибежал домой и сказал, что сам бросил свой чудный новый мяч под машину, его сразу же отшлепала бабушка. Вечером пришел с работы дедушка и тоже отшлепал его.

При этом он говорил:

– Бью не за мяч, а за глупость.

И долго еще потом все удивлялись: как это можно было бросить такой хороший мяч под машину?

– Только очень глупый мальчик мог сделать это! – говорили все.

И долго еще все дразнили папу и спрашивали:

– А где же твой новый мяч?

И только один дядя не смеялся. Он попросил папу все рассказать ему с самого начала. Потом он сказал:

– Нет, ты не глупый!

И папа очень обрадовался.

– Но зато ты жадный и хвастливый, – сказал дядя. – И это очень печально для тебя. Тот, кто хочет один играть со своим мячиком, всегда остается ни с чем. Так бывает и у детей, и у взрослых. Так будет и у тебя всю жизнь, если ты останешься таким же.

И тогда папа очень испугался, и заплакал изо всех сил, и сказал, что он не хочет быть жадным и хвастливым. Он плакал так долго и так громко, что дядя поверил ему и купил новый мяч. Правда, он был не так красив. Но зато все соседские мальчишки играли этим мячом. И было весело, и никто не дразнил папу жадиной.

Курица на столбах

Пришвин М. М.

Весной соседи подарили нам четыре гусиных яйца, и мы подложили их в гнездо нашей черной курицы, прозванной Пиковой Дамой. Прошли положенные дни для высидивания, и Пиковая Дама вывела четырех желтеньких гуськов. Они пищали, посвистывали совсем по-иному, чем цыплята, но Пиковая Дама, важная, нахохленная, не хотела ничего замечать и относилась к гусятам с той же материнской заботливостью, как к цыплятам.

Прошла весна, настало лето, везде показались одуванчики. Молодые гуськи, если шеи вытянут, становятся чуть ли не выше матери, но все еще ходят за ней. Бывает, однако, мать раскапывает лапками землю и зовет гуськов, а они занимаются одуванчиками, тукают их носами и пускают пушинки по ветру. Тогда Пиковая Дама начинает поглядывать в их сторону, как нам кажется, с некоторой долей подозрения. Бывает, часами, распушенная, с квохтаньем, копает она, а им хоть бы что, только посвистывают и поклевывают зеленую травку. Бывает, собака захочет пройти куда-нибудь мимо нее, – куда тут! Кинется на собаку и прогонит. А после и поглядит на гуськов, бывает, задумчиво поглядит.

Мы стали следить за курицей и ждать такого события, после которого, наконец, она догадается, что дети ее вовсе даже на кур не похожи и не стоит из-за них, рискуя жизнью, бросаться на собак.

И вот однажды у нас на дворе событие это случилось. Пришел насыщенный ароматом цветов солнечный июньский день. Вдруг солнце померкло, и петух закричал.

– Квох, квох! – ответила петуху курица, зазывая своих гусят под навес.

– Батюшки, туча-то какая находит! – закричали хозяйки и бросились спасать развешанное белье.

Грянул гром, сверкнула молния.

– Квох, квох! – настаивала курица Пиковая Дама.

И молодые гуси, подняв высоко шеи свои, как четыре столба, пошли за курицей под навес. Удивительно нам было смотреть, как по приказанию курицы четыре высоких, как сама курица, гусенка сложились в маленькие штучки, подлезли под насадку и она, распушив перья, распластав крылья над ними, укрыла их и угрела своим материнским теплом.

Но гроза была недолгая. Туча пролилась, ушла, и солнце снова засияло над нашим маленьким садом. Когда с крыш перестало литься и запели разные птички, это услышали гусята под курицей, и им, молодым, конечно, захотелось на волю.

– На волю, на волю! – засвистали они.

– Квох-квох! – ответила курица.

И это значило:

– Посидите немного, еще очень свежо.

– Вот еще! – свистели гусята. – На волю, на волю!

И вдруг поднялись на ногах и подняли шеи, и курица поднялась, как на четырех столбах, и закачалась в воздухе высоко от земли.

Вот с этого разу все и кончилось у Пиковой Дамы с гусями: она стала ходить отдельно, гуси отдельно, видно, тут только она все поняла, и во второй раз ей уже не захотелось попасть на столбы.

Муниципальное бюджетное дошкольное образовательное учреждение
детский сад комбинированного вида №7 г. Кропоткин
муниципального образования Кавказский район

ФОТОМАТЕРИАЛ

2013 год

